

МИНОБРНАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Котов Антон Сергеевич

Интеллигенция Вологодского края в 1917–1929 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доцент Н.В. Алексеева

Череповец – 2019

Введение	3
Глава 1. Интеллигенция края в 1917–1921 гг.	
1.1. Место интеллигенции в жизни края накануне революции 1917 г.....	40
1.2.Положение интеллигенции в годы революции и Гражданской войны ...	54
1.3. Привлечение специалистов к государственному строительству в 1918–1921 гг.	79
Выводы по главе 1.....	91
Глава 2. Вологодская интеллигенция в условиях новой экономической политики	
2.1. Численность интеллигенции края и способы ее адаптации	95
2.2. Социально-правовое положение интеллигенции Вологодского края в 1921–1929 гг.	113
2.3. Вклад интеллигенции в развитие края.....	140
Выводы по главе 2.....	153
Глава 3. Положение студенчества в Вологодском крае в 1917–1929 гг.	
3.1. Развитие сети высших и средних профессиональных учебных заведений в 1920-е гг.	157
3.2. Контингент учащихся, способы его регулирования и поддержки.....	166
3.3. Организация учебной и внеучебной деятельности студентов в 1920-е гг.	202
Выводы по главе 3.....	206
Заключение	208
Список литературы	217
Приложения.....	243

Введение

Актуальность. Изучение истории отечественной интеллигенции относится к перечню наиболее актуальных вопросов современной исторической науки. В условиях введения в научный оборот новых источников по ранней советской истории возрастает значение локальных исследований по проблемам экономического, политического и общественного процессов, в частности по формированию интеллигенция. Рассматриваемая социальная группа играла важную роль в процессе построения Советского государства. Однако вместе с построением нового общества изменялся и состав интеллигенции, трансформировался ее облик. Интеграция в новое общество дореволюционных квалифицированных кадров происходила непросто, часть из них Советской властью так и не была принята.

Региональная история является активно развивающимся направлением в современной исторической науке. Комплексный анализ специфики формирования и воспитания российской интеллигенции в условиях региона позволит приблизиться к пониманию особенностей российского общества. Помимо этого, одним из основных требований при разработке стратегии перспективного развития государства является учет региональных особенностей экономики, политики, социальной и культурной сфер. В связи с этим, новое значение приобретает изучение интеллигенции как актора общероссийской и местной истории. Потребность в изучении данной темы обусловлена влиянием интеллигенции на историю региона, развитие культуры и народного образования и рост экономического потенциала в 1920-е гг.

Объектом исследования является интеллигенция Вологодского края в 1917–1929 гг.

В область исследования диссертанта не вошли офицерство, священнослужители, представители служебно-следственных органов, что обусловлено спецификой формирования и развития указанных групп – для них в

ряде случаев приводится только численность. Основное внимание в диссертации уделено основным массовым профессиональным группам интеллигенции.

Предмет исследования – изменения в численности, составе, квалификации, подготовки вологодской интеллигенции, ее месте и роли в общественно-политической жизни края.

Заявленная теме исследования потребовала использования понятийного аппарата таких наук, как география, политология, социология. Правомерно будет принять следующие ключевые понятия, используемые в диссертации: **край** – территория, в которой на фоне исторически обусловленной подвижности административных границ устойчиво воспроизводятся тесные историко-культурные и социально-экономические связи, а также, по М.П. Крылову, внешне наблюдается «доминирование городов-центров»¹; **специалисты** – люди занимающие должности требующие высшего или полного среднего образования и специального обучения (врачи, учителя, инженеры и т. п.)²; **региональная власть** – власть на уровне административно-территориальных единиц первого порядка, отличная от местной власти, действующей на более низких управленческих уровнях³.

История интеллигенции во многом является дискуссионной, так как сам предмет исследования весьма сложен. Исследователями выделяется ряд особенных профессиональных признаков определяющих роль и положение в обществе.

В большинстве иностранных и отечественных изданиях, слово «интеллигенция» имеет латинское происхождение. Буквально «*intelligentia*» переводится с латыни как «понимание, познание и самопознание», иными словами оно обозначает все то, что связано с познавательной активностью и свидетельствует о силе человеческого ума.

¹ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010. С.98.

² Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: Судьба в символическом пространстве и времени // СоцИс. 2003. №1. С.47.

³ Махнач В.Л., Елишаев С.О. Политика: основные понятия: справочник, словарь. М., 2008. С.173.

В современной науке сформировалось несколько методологических подходов к объяснению сущности данного явления, ведущими из которых являются два: социально-классовый и морально-эстетический.

В основу социологического подхода легли работы основоположников материалистической философии К. Маркса и Ф. Энгельса. В дальнейшем этот подход получил развитие в трудах В.И. Ленина, других лидеров большевистской партии и советской научной мысли – в них представлена его концептуальная проработка. Представители указанного направления трактуют интеллигенцию как неотъемлемый элемент социальной системы (класс, страту), члены которого заняты квалифицированным умственным трудом и выполняют поставленные временем общественно-значимые задачи. Для выделения интеллигенции применяют такие социологические признаки, как образование, характер труда, профессиональная принадлежность. В.И. Ленин так определил границы интеллигенции: «<...>перевожу словом «интеллигент», «интеллигенция» немецкое выражение, объединяющее не только литераторов, а всех образованных людей, представителей умственного труда в отличие от представителей физического труда»⁴. А.В. Луначарский, Н.И. Бухарин понимали под интеллигенцией отдельную социальную группу (средний слой). Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев указывали на нее в своих работах как на промежуточную социальную прослойку⁵. Данная точка зрения доминировала в советской историографии до конца 1980-х годов. Некоторый отход от данной концепции происходит в конце 1960-х гг. Интеллигенция начинает восприниматься как самостоятельная социально-профессиональная группа с исторически обусловленными общественными функциями, вызванными потребностями общества. Подобные взгляды на интеллигенцию нашли отражение в работах В.Р. Лейкиной-Свирской, Ю.В. Арутюняна, М.Н. Руткевич и др. используются такие значимые социологические критерии изучения интеллигенции, как образование,

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 309.

⁵ Иванов А. «Смена Вех» как знамение времени // Вестник Вологодского губернского комитета. 1922. № 10. С. 14; Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссии. 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991. С. 18–54; Бухарин Н.И. Судьбы интеллигенции // Бухарин Н.И. Путь к социализму: Избранные произведения. Новосибирск, 1990; Троцкий Л.Д. Об интеллигенции // Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 258–273.

квалификация, социальная роль и функции⁶. В постсоветский советский период историки все чаще обращаются к междисциплинарным исследованиям⁷ в изучении интеллигенции и выходят за рамки одной научной дисциплины.

Дискуссионным вопросам в интеллигентоведении является вопрос о том кого относить к интеллигенции. Данную дискуссию задали еще советские историки. Ю.В. Арутюнян и В.Б. Жиромская⁸ в своих исследованиях относят к интеллигенции только работников с высшей квалификацией. Другую группу составили историки Л.К. Ерман, М.Н. Руткевич, В.С. Волков, С.А. Федюкин и О.Н. Знаменский⁹, которые к числу интеллигенции отнесли и специалистов, имеющих среднюю квалификацию. С этим вопросом тесно связана еще одна проблема: входят ли в состав интеллигенции занятые интеллектуальным трудом специалисты-практики, обладающие соответствующей квалификацией. Единства среди ученых в отношении указанной категории нет. По мнению, М.Н. Руткевич и Ю.В. Арутюнян¹⁰ их нельзя включать в состав интеллигенции, поскольку они считают, что обязательным условием для интеллигенции является наличие диплома о высшем образовании. Противоположного мнения придерживается Ф.Х. Соколова, которая в своих работах относит таких работников к интеллигенции, но при этом она замечает, что привлечение их к интеллектуальному труду, особенно в 1920-е гг., привело к снижению ее качественного состава. Она считает, что для определения принадлежности к интеллигенции критерий «образование» играет подчиненную роль по отношению к способности человека выполнять сложные умственные операции¹¹.

⁶ Арутюнян Ю.В. Изменения социальной структуры советской нации // История СССР. 1972. № 4. С. 8; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981; Руткевич М.Н. О понятии интеллигенции как социального строя социалистического общества // Философские науки. 1966. № 4. С. 7–25; Селунская В.М. Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987.

⁷ Меметов В.С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в российской историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 20–22.

⁸ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 8; Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 58.

⁹ Ерман Л. К. Интеллигенция в первую русскую революцию. М., 1966.; Руткевич М.Н. Указ. соч. С. 16; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983.

¹⁰ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 8; Руткевич М.Н. Указ. соч. С. 16;

¹¹ Соколова Ф.Х. Интеллигенция Европейского Севера в 1917–1941 гг. Архангельск, 2003. С. 40.

Студентов, а также учащихся техникумов следует также включать в состав интеллигенции в связи с приобретаемой ими профессией и по виду деятельности¹².

Таким образом, определяя понятия интеллигенция, мы понимаем под ней социальный слой населения, «имевший определенный уровень образования, полученного в высшем или среднем учебном заведении, в отдельных случаях – путем самообразования, для которых умственный труд является основным занятием...»¹³. Данная группа отличается большим профессиональным, экономическим, социальным, политическим и культурным разнообразием внутри которой находятся множество групп. Общественные критерии, к которым относятся сфера занятости, профессиональное и статусно-ролевое отношение, образовательная ступень, являются, по мнению А.Г.Данилова, базой для исследования интеллигенции на конкретно-историческом этапе развития общества¹⁴. Исходя из вышесказанного, умственный труд можно назвать главным признаком интеллигенции, поскольку именно он лежит в ее профессий и является сферой ее деятельности.

Хронологические рамки исследования: 1917–1929 гг. – это время революции, Гражданской войны, возникновения и укрепления Советской власти. Верхняя граница работы определяется свертыванием НЭПа и переходом к ускоренным темпам индустриализации, что ознаменовало и следующий этап в развитие советской интеллигенции.

Территориальные рамки исследования определяются административными границами Вологодской и Череповецкой губернии (с конца 1927 г. – Череповецкого округа). В 1937 г. большая их часть вошла в состав Вологодской области¹⁵, поэтому в диссертации данные территории объединены

¹² Ушаков А.В. Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX – начало XX века. М., 2011. С.22.

¹³ Цит. по: Данилов А.Г. К вопросу о роли провинциальной интеллигенции в формировании гражданского общества (на примере Дона, Кубани и Ставрополя в конце XIX века) // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тез. докл. Всерос. конф. 14-15 апр. Екатеринбург, 2000. С.122.

¹⁴ Данилов А.Г. Указ. соч. С.122.

¹⁵ В 1918–1929 гг. Вологодская губерния состояла из пяти уездов: Вологодского, Вельского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского. Постановлением ВЦИК от 15 июля 1929 г. Вологодская губерния упразднялась, и на ее территории создавался одноименный округ, вошедший в состав Северного края. В июне 1918 г. была образована

понятием «Вологодский край», что объясняется общностью географического положения, тесными экономическими и культурными связями, специализацией (сельское хозяйство и лесоперерабатывающая промышленность), сходством политического и социального развития, преобладанием крестьянского населения.

Таким образом, в диссертации изучение интеллигенции проведено на материалах крупного региона, с населением более полутора миллиона человек, представлявшего собой единое политическое, социально-экономическое и культурное пространство, на основе широкого круга источников, требующих анализа, систематизации, выявления общих тенденций и особенностей в решении проблем интеллигенции.

Обзор литературы

Изучение советской интеллигенции начинается сразу после окончания Гражданской войны, но назвать первые работы по данной теме научными сложно, т.к. формирования советской интеллигенции еще только начиналось, и это была современность, а не история. В связи с тем, что сами авторы в большинстве случаев принимали участие в проходивших в это время дискуссиях по проблемам интеллигенции, основная тема их работ – агитация, пропаганда, публицистика. Исключение составляет статья М.А. Рейснера «Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы», в которой автором затрагивается вопрос изучения интеллигенции как социальной группы. Основной темой публикуемых работ периода НЭПа стали: проблема «мелкобуржуазности старой интеллигенции» и «ее склонности к контрреволюционной деятельности и саботажу», необходимости подготовки своей «новой интеллигенции», способах вовлечения «старой» интеллигенции в хозяйственно-экономическую жизнь страны. В период с 1923 по 1925 гг. в стране по проблеме интеллигенции организуются дискуссионные столы, в работе которых принимали участие Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев и других видные

Череповецкая губерния из пяти уездов Новгородской губернии – Белозерского, Кирилловского, Тихвинского, Устюженского и Череповецкого. Постановлением ВЦИК от 1 августа 1927 г. Череповецкая губерния упразднена. Создан Череповецкий округ Ленинградской области. См.: Вологодский областной архив новейшей политической истории: путеводитель. М., 2000. С. 319–321 и др.

политические деятели и идеологи советского государства. Дальнейшие итоги данных дискуссий будут отражены в работах Г. Дацука, Д.А. Петровского¹⁶.

В 1920–1930-х гг. региональный аспект заявленной темы изучался мало.

Появляются первые работы посвященные отдельным отрядам интеллигенции. Одними из первых были публикации Я.Г. Георгиади и Г.Каминского¹⁷. В них в жанре очерка освещается подпольная деятельность учительства в годы Гражданской войны, отмечается его роль в деле сохранения и развития образования. При их написании авторы широко использовали воспоминания непосредственных участников событий.

Особый интерес представляют публикации посвященные истории различных учебных заведений. Их ценность заключается в содержащемся в них статистическом материале, который отражает преподавательский состав и контингент учащихся, а также аспекты хозяйственно экономической деятельности учебных заведений за несколько лет.¹⁸

Косвенные сведения об интеллигенции Вологодского края содержатся в работах и публикациях посвященных десятилетию революции.¹⁹

В целом большинство работ 1920-х гг. имеет малое научное значение, но они позволяют отразить дух эпохи, отношение местной власти к интеллигенции. Содержат статистический материал, который отражает численность основных профессиональных групп интеллигенции, ее образовательный ценз; показывают становление краевой системы здравоохранения и образования, роль интеллигенции в сохранении культурного достояния и восстановлении местной экономики.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1981. С. 20–21; Дацук Г. Проблема квалифицированных кадров народного хозяйства. – М.: Гострудиздат, 1930. – 96 с.; Петровский Д.А. В борьбе за новые технические кадры. – Л.: Гостехиздат, 1930. – 33 с. и др.

¹⁷ Георгиади, Я.Г. Этапы развития профессионального объединения работников просвещения Кубани и Черноморья (1896–1924). – Краснодар: Кубано-Черноморское областное отделение Союза работников просвещения, 1924. – 116 с.; Каминский Г. К истории учительского движения в Казани и Казанском крае // Просвещение и жизнь. 1929. № 8–9. С. 98–107. и др.

¹⁸ Горовой, Е.Е. Северо-Двинский государственный университет. Записки об организации и деятельности. – Великий Устюг: Северо-Двинское отделение Госиздата, 1921. – 56 с.; Корбут М.К. Казанский государственный университет им. Ленина В.И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. Казань: Казанский ун-т, 1925.

¹⁹ Смирнов И. Кадры Северного края // Большевицкая мысль. 1931. № 10–11. С. 53–62 и др.

Отличительной чертой литературы этого периода стал плюрализм мнений, оценок и взглядов.

Период с конца 1930-х по первую половину 1950-х гг. составляет второй этап в историографии российской интеллигенции. На данном отрезке советская историческая наука развивалась сугубо в контексте партийной доктрины, научные изыскания велись на основе взглядов И.В. Сталина, изложенных им в своих работах, материалов партийных съездов и других постановлений, регулировавших ту или иную сферу. В 1938 г. после тщательной проверки и одобрения ЦК ВКП(б) выходит учебник «История ВКП(б). Краткий курс». В нем российская интеллигенция дореволюционного периода вообще не рассматривалась как социально значимый слой для советского общества, а интеллигент имеет презрительную кличку «специалист». Таким образом, этот социальный слой представляется как один из равноправных классов советского общества, служащий делу социализма²⁰. В своем выступлении И.В. Сталин на XVIII съезде ВКП(б) озвучил свою точку зрения на формирование советской интеллигенции: «Наряду с... мучительным процессом дифференциации и разложения старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и создания новой интеллигенции... Сотни тысяч... выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции... в корне изменили весь облик интеллигенции по своему образу и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой советской интеллигенции»²¹. Этот взгляд на дореволюционную интеллигенцию стал господствующим, и определил концепцию исторической мысли на два последующие десятилетия.

Основные положения указанной концепции, а также ряд высказываний В.И. Ленина очень быстро стали методологической основой для работ этого периода.

²⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. С. 285; Краткий курс ВКП(б). Текст и его история: М.: РОССПЭН, 2014. С. 359, 435.

²¹ Цит. по: *Сталин, И.В.* Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1939.

В. Ведерников и Б. Волин²² дают определение советской интеллигенции, указывают ее основные задачи, рассматривают ее как один из классов советского общества, обосновывают ее формирование из рабочих и крестьян, объявляют о завершении процесса формирования новой советской интеллигенции. Одними из первых работ по истории творческой интеллигенции стали публикации С.Ф. Кафтanova, Е.М. Ярославского²³ в них раскрывается ее значение для советского общества, а также определяются стоящий перед ней задачи – «...пропаганда целеустремленности и вера в успех».

Среди работ этого периода особую ценность представляет труд А.Е. Бейлина²⁴. На основе широкого использования статистического материала автором внимательно анализируются особенности формирования советской интеллигенции: пополнение числа административно-хозяйственных работников путем выдвижения рабочих, а также через систему учебных заведений. Автор приходит к выводу, что партийное руководство в этот период играло решающую роль в формировании «новой» интеллигенции. Говоря об созданной интеллигенции, А.Е. Бейлин особенно подчеркивает ее однородность, указывает на то, что она «...своя, одинаково мыслящая со всей массой (народа – А.К.)».

Особенностями исследований данного периода являются описательный характер, односторонняя интерпретация фактов и пропаганда, сочетающиеся с обширной источниковой базой, содержащей большое количество конкретного материала и статистических данных. В центре внимания основной части работ находились «новая» интеллигенция и ее вклад в построение социализма. Доминировало представление об исключительной роли партии в процессе создания советской интеллигенции и саботаже и вредительстве со стороны «буржуазных спецов» как на хозяйственном, так и на идеологическом фронте.

²²Ведерников В. Что такое интеллигенция // Об интеллигенции: сб. ст. – Чкаловск: Облиздат, 1939. – С. 3–20.; Волин Б. Интеллигенция советского народа. // Об интеллигенции... – С. 39–57.

²³Кафтanova С.Ф. О советской интеллигенции. // Об интеллигенции... – С. 58–75.; Ярославский Е.М. О старой и новой интеллигенции // Об интеллигенции... – С. 26–38.

²⁴Бейлин А.В. Кадры специалистов СССР: их формирование и рост. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. – 420 с.

Безусловно, постепенное расширение источниковой базы давало новые возможности, и в период «оттепели» историческая наука пристальное внимание обратила на ленинскую эпоху²⁵. Отдельного упоминания заслуживает политическая обстановка, в условиях которой работали советские историки: жесткая официальная идеология и засекреченность ряда источников, приведшие к односторонней трактовке фактов. Все это не могло не оказать негативного влияния на возможности исследователей. Важным моментом в историографии второй половины 1950-х гг. стал выход трудов Л.К. Ермана, в которых впервые обстоятельно и глубоко анализируется численность, состав, положение интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. и ее выступления во время революции 1905 года²⁶, где основное внимание смещается в сторону дореволюционной интеллигенции и освещается лояльность партийной политики по отношению к ней.

Начиная со второй половины 1950-х гг. растет интерес к региональной истории. Однако сама интеллигенция в выходящих в этот период работах не становится специальной темой для изучения. В большинстве публикаций она рассматривается косвенно, преимущественно в контексте революционных событий и «культурной революции». Для большинства работ характер описательный характер событий, но их значимость заключается в том, что авторами в оборот вводились новые источники²⁷.

Третий этап в историографии интеллигенции охватывает период со второй половины 1960-х гг. и до конца 1980-х гг. Исследователи М.Е. Главацкий и В.Г. Чуфаров формируют господствующую концепцию данного периода, основное содержание которой выглядит так: перевоспитание «старой» интеллигенции происходило при помощи повсеместного включения ее в строительство

²⁵Карпов Г.Г. Партия и культурная революция в СССР. – М.: Политиздат, 1957. – 72 с.; Ким М.П. 40 лет советской культуры. – М.: Политиздат, 1957. – 388 с.

²⁶Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. – 374 с.

²⁷Бланк А.С. Победа Советов в Череповецкой губернии / А.С. Бланк, Н.В. Озеринин. – Вологда: Областное книжное издательство, 1957. – 56 с.; Культурное строительство в Вологодской области: сб. ст. – Вологда: Вологодское книжное издательство, 1958. – 159 с.; Мунин А.Н. Север и художники. – Вологда: Вологодское книжное издательство, 1964. – 168 с.

Советского государства; главную роль в формировании «новой» интеллигенции играло выдвиженчество; подготовка специалистов в средних и высших учебных заведениях. Результатам работ историков данного периода уже дана оценка в историографических исследованиях²⁸.

Аспектам выделения интеллигенции в отдельные профессиональные группы посвящены работы В.Л. Соскин, в своих работах историк пытался выработать критерии для научного анализа взаимоотношений между буржуазной интеллигенцией и Советской властью.

Много внимания в исследованиях данного этапа авторами уделяется вопросу изучения формирования и развитию, подготовке кадровых единиц. В работах К.Т. Галкина и А.С. Бутягина²⁹ в центре внимания находится проблема становления системы высшего и среднего образования, в рамках которого 1920-е гг. делят на два периода. В первом периоде – 1921–1925 гг., задачей власти было увеличение численности специалистов любыми способами, что привело к созданию значительного числа вузов, не имеющих собственной экономической и научно-технической базы. Правительство, увидев результаты подобной политики, с 1923 г. перешло к более продуктивным мерам, в результате чего к середине 1920-х гг. произошла стабилизация сети высших учебных заведений.

Второй период (1925–1929 гг.) по мнению исследователей, отличается тесной взаимосвязью между системой высшего образования и индустриализацией народного хозяйства, в результате изучения которой историки пришли к выводу о несоответствии системы подготовки специалистов требованиям экономики.

Большое внимание ими в это время уделяется проблемам, связанным с формами, методами и содержанием обучения. При этом дается исключительно положительная оценка всем нововведениям Советской власти, в противопоставление всему, что существовало в дореволюционной России.

²⁸ Шипилов Р.А. Проблемы новейшей историографии интеллигенции // Интеллигенция в политической истории XX века: Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1995 и др.

²⁹ Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. – М.: Советская наука, 1958. – 176 с.; Бутягин А.С. Университетское образование в СССР. – М.: Издательство Московского университета, 1957. – 296 с.

Крупные достижения советская историческая наука в данный период делает в исследованиях, выявлявших степень присутствия «саботажных» настроений в различных профессиональных группах интеллигенции. Важную роль в советском строительстве на Урале, сыгранную дореволюционной интеллигенцией, показали в своих работах М.Е. Главацкий и В.Г. Чуфаров³⁰. Опираясь на широкий круг источников, они всесторонне изучили и проанализировали кадровую политику партийных организаций и обратили внимание на проблему «перевоспитания» и привлечения к работе представителей буржуазной интеллигенции.

Проблемы слабой материальной технической базы вузов и техникумом, низкого уровня образования студентов рассматриваются В.В. Украинцевым³¹.

Ключевой темой исследований этого периода является освещение деятельности партийных организаций по «завоеванию» высшей школы. В работах рассматривающие данный вопрос выделяют основные этапы укрепления влияния партии в высшей школе. По оценке исследователей, политическое «завоевание» высшего образования завершилось к концу 1925 года.

Вопрос о социальной принадлежности студентов высших и средних учебных заведений также занимал важное место в исследованиях данного периода. Большинство работ было посвящено причинам, направлениям и динамике изменений социального состава студенчества. Опираясь на классовый подход в вопросах изучения интеллигенции, ученые положительно оценивали увеличение доли пролетариата среди студентов. Что касается итогов практической реализации принципов классового набора, то здесь мнения исследователей разнятся. Часть авторов отмечала к концу 1920-х гг. увеличение доли рабочих и крестьян среди студентов, часть придерживалась позиции об их относительно небольшом количестве, в сравнении с другими категориями³².

С.А. Федюкин обратил внимание на негативные последствия пролетаризации. Одной из причин, приведших к ухудшению уровня подготовки

³⁰ *Главацкий М.Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974. – 215 с.; *Чуфаров В.Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. – Свердловск: Уральское книжное издательство, 1970. – 377 с.

³¹ *Украинцев В.В.* КПСС – организатор революционных преобразований в высшей школе. М., 1963. С. 143.

³² Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1979. С. 165.

выпускников вузов, по его мнению, является низкое общее образование абитуриентов – выходцев из рабоче-крестьянской среды. Но при этом, деятельность правительства, направленная на изменение социального состава учащихся, оценивалась им положительно. Процесс укрепление влияния партии среди студентов средней и высшей школы также находился в центре внимания Е.В. Чуткерашвили и Н.Л. Сафразьян³³. Изучая данный вопрос, ученые утвердились во мнении, что, несмотря на увеличение партийно-комсомольской прослойки, в конце 1920-х гг. у студенчества еще не было завершено формирование марксистского мировоззрения.

Частично материальное положение студенчества и профессорско-преподавательского состава отражено в работе А.П. Купайгородской³⁴.

В вопросе изменения социальной структуры учащихся исследователи отмечают значительную роль рабочих факультетов. Исследованием данного вопроса занимались В.Н. Антошин, Н.М. Катунцева, И.П. Бармин³⁵ и др. основное внимание историков в данном случае было обращено на социальный состав рабфаков, проводимую ими партийную работу и специфику совершенствования образовательного процесса³⁶. В 1928 г. свыше 38 % от общего числа студентов высших учебных заведений окончили рабочие факультеты, но при этом доля рабфаковцев среди выпускников в конце 1920-х гг. была незначительной.

Ими же широко изучается процесс укрепление влияния партии среди студентов средней и высшей школы также находился в центре внимания историков. Часть исследователей акцентировала свое внимание исключительно на

³³ Чуткерашвили, Е.В. Развитие высшего образования в СССР. – М.: Высшая школа, 1961. – 240 с.; Он же. Кадры для науки. – М.: Высшая школа, 1968. – 357 с.; Сафразьян, Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927). – М.: МГУ, 1977. – 158 с.

³⁴ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л. Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. . – 197 с.

³⁵ Борисов Ю.С. Изменения социального состава учащихся высших и средних специальных учебных заведений (1917–1965) // Культурная революция в СССР. 1917–1965. – М., 1967. – С. 129–143.; Антошин В.Н. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за создание советской народной интеллигенции. – М.: Знание, 1957. – 48 с.; Бармин И.П. Из опыта работы КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции (1928–1933). – М.: МГУ, 1965. – 75 с.; Катунцева Н.М. Роль рабочих факультетов в формировании народной интеллигенции в СССР. – М.: Наука, 1966. – 192 с.

³⁶ Советская интеллигенция. История формирования и роста. 1917–1965. М., 1968. С. 171.

политической стороне данного явления, приводя лишь итоговые числа. Некоторыми применялся комплексный подход при анализе указанной проблемы.

В оценке материального благополучия и уровня жизни инженерно-технических работников исследователи сходятся во мнении, что в 1920-е гг. идет постепенный рост их реальных доходов. Именно данное обстоятельство стало причиной перехода большей части дореволюционной интеллигенции на сторону Советской власти. В действительности же это была попытка поддержать реальную стоимость денег при постоянном росте цен. Данные о среднемесечном заработке, используемые в качестве основного показателя, не позволяют составить полную картину материального положения специалистов разной квалификации. Помимо прочего, расходы на продукты питания и плата за жилье не учитывалась при оценке материального положения³⁷.

Среди работ 1960-х гг. обращает на себя внимание фундаментальное исследование, проведенное коллективом авторов, в число которых вошли: С.А. Федюкин, Н.М. Катунцева, Г.П. Андреюк, М.П. Ким и др. – «Советская интеллигенция. История формирования и роста. 1917–1965». Оно содержит статистические данные об общей численности людей, занятых умственным трудом, в дореволюционной и советской России, а также попытку учета всех крупных научных и культурных деятелей, технических и военных специалистов, принявших события Октября и активно сотрудничающих с Советской властью. В работе дается оценка мотивации их политического поведения и приводится подробное описание процесса формирования интеллигенции в первое двадцатилетие Советской власти.

В 1960-е вначале 1970-х гг. появляются работы по историографии советской интеллигенции³⁸.

³⁷ Федюкин, С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. – М.: ВПШ; АОН, 1960. – 87 с.; Лутченко, А.И. Создание инженерных кадров в годы построения социализма в СССР. 1926–1958 гг. – Минск: Высшая школа, 1973. – 236 с.

³⁸ Куманев, В.А. Некоторые вопросы историографии культурной революции в СССР // Вопросы истории. – 1967. – № 12. – С. 96–108. Зак, Л.М. История культурного строительства в СССР в советской историографии (1956–1963) // Вопросы истории. – 1964. – № 2. – С. 3–21.; Он же. Проблемы формирования советской интеллигенции в современной исторической литературе // История СССР 1968. – № 2. – С. 39–50.

Вопросы пополнения рядов интеллигенции методом выдвиженчества и вопросы, связанные с подготовкой специалистов в высших и средних учебных заведениях также изучались в данный период. Г.П. Андреюк³⁹, особое внимание уделявший именно проблеме выдвиженчества, отмечал, – «выдвиженчество было сложным общественным явлением, в котором четко различаются две стороны – социально-политическая и производственно-техническая. Доминирующей... была социально-политическая сторона». В центре внимания ученых оказались также вопросы, касающиеся форм, методов и содержания обучения. Н.Л. Сафразьян выделила, исходя из характера предъявляемых к учебным заведениям требований при подготовке кадров, два периода: 1921–1923 гг. – характеризуют максимально сжатые сроки при подготовке специалистов и 1924–1927 гг. – период углубленной теоретической подготовки студентов. Критично высказывается о форме и методах подготовки специалистов в 1920-е годы С.П. Постников⁴⁰.

Пинегиной Л.А. было озвучено мнение о том, что следует стремиться избегать отождествления антисоветских взглядов, довольно массовых в тот период, с явной антигосударственной деятельностью интеллигенции, которая встречалась гораздо реже, чем о ней говорили⁴¹.

Большое внимание в указанный период уделяется изучение истории отдельных профессиональных групп интеллигенции. Как и в предшествующий период, в данном вопросе преобладают работы, внимание в которых направлено на проблемы формирования кадров инженерно-технических и научных работников и педагогов. В трудах В.Р. Веселова, В.С. Волкова, М.Е. Главацкого, И.А. Лутохина, В.А. Ульяновской, Г.Г. Халиуллина и других произошел переход

³⁹Цит. по: *Андреюк, Г.П.* Некоторые вопросы выдвиженчества в советской исторической литературе // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР. – Л.: ЛГПИ, 1978. – С. 44–81.

⁴⁰*Постников С.П.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования рабочих в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982.

⁴¹*Пинегина Л.А.* К вопросу о политическом размежевании интеллигенции в период Октябрьской революции (1917–1918 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 9: История. 1974. №26. С.3–13.

на качественно новый уровень при анализе данных о профессиональных группах интеллигенции⁴².

По сравнению с предыдущим периодом, когда аналогичные исследования проводились на общесоюзных материалах и охватывали, чаще всего, ограниченные временные отрезки (1917–1920 гг., 1921–1925 гг., периоды отдельных пятилеток), вышеуказанные авторы в своих работах обращаются к региональным документам, и анализируют на их примере проблему на всем протяжении 1917–1930-х гг.

Региональная историография, посвященная интеллигенции Вологодского края в 1917–1929 гг. представлена только одним специальным исследованием, рассматривающим проблему кадровой подготовки высшими и средними специальными учебными заведениями. Вместе с тем, публикуется большое число работ рассматривающих становление и развитие местной системы образования, медицины, культуры и экономики. В них, в сравнении с предыдущим периодом, более полно представлена история развития края и содержится значимая информация о видных культурных и научных деятелях, размерах и формах подготовки профессиональных групп вологодской интеллигенции⁴³.

Основная тематика работ – революция и Гражданская война на Европейском Севере и Вологодском крае; в них, как и в предыдущий период, интеллигенция рассматривается в рамках происходящих событий. Классовый подход при анализе идейно-политической дифференциации интеллигенции в период 1917–1920 гг. продолжает сохраняться⁴⁴.

⁴²Злобина В.М. Партийное руководство профессионально-техническим образованием в СССР (1921–1925). – М.: МГУ, 1968. – 119 с.; Заузолков Ф.Н. Коммунистическая партия – организатор создания научной и производственно-технической интеллигенции СССР. – М.: МГУ, 1973. – 125 с.; Главацкий, М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974. – 215 с.; Силин, Б.И. Коммунистическая партия – организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928–1937 гг.) / Б.И. Силин, В.С. Волков и др. – Л.: ЛГУ, 1973. – 251 с.; Оссовский, Е.Г. Развитие теории профессионально-технического образования в СССР (1917–1940). – М.: Высшая школа, 1980. – 287 с.; Иванова, Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1980 гг.). – М.: Наука, 1980. – 392 с. Веселов В.Р. Формирование учительских кадров СССР. М., 1983;

⁴³Очерки Вологодской организации КПСС (1895–1968). Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1969–688 с.; Очерки по истории народного образования в Череповце. Вып. 1. Л.: гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1970 и др.

⁴⁴Петрова, И.А. Укрепление большевистской организации и борьба трудящихся масс Череповецкой губернии за упрочение Советской власти (1917–1919 гг.) // Из истории трудящихся Европейского Севера против самодержавия и капитализма за победу социалистической революции. – Вологда: ВГПИ, 1972. – С. 3–21.; Губарева, В.М. Борьба

Определенный интерес представляют статьи историков С.В. Безбережьева, А.П. Шпрыгова, А.Н. Егорова⁴⁵. Авторами на основе широкого круга источников осуществляется анализ деятельности партий социалистов-революционеров и кадетов в Вологде в период с февраля по октябрь 1917 года. Имеющийся в статьях фактический материал о численности и социальном составе местных партийных организаций дает возможность частично выявить политические пристрастия местной интеллигенции.

На рубеже 1980-х–1990-х гг. происходят резкие изменения в содержание и тематике научных работ. Причинами этому послужили: во-первых, включение в научный оборот большого количества новых документов, в том числе из числа ранее закрытые архивных материалов (среди них документы Политбюро ЦК РКП(б), переписка партийного и советского руководства, материалы ОГПУ); во-вторых, произошло освобождение от старых стандартов установленных по политическим мотивам; в-третьих, границы возможностей историков и краеведов, изучающих эту тему, были увеличены⁴⁶; в-четвертых, началось успешное объединение сил российских и иностранных историков интеллигенции в рамках объединенного научного поля; в-пятых, тематика исследований стала намного разнообразнее.

Указанные факторы привели к переосмыслению представлений об интеллигенции и взаимоотношений между ней и властью, существовавших в советской (а отчасти и в зарубежной) историографии. К тому же, интеллигентоведческая проблематика оказывается в фокусе научного внимания. За 1990-е гг. в России было защищены 30 докторских и 104 кандидатских

большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России. – Л.: ЛГУ, 1982. – 134 с.; *Голдин, В.И.* Подготовка кадров социалистической интеллигенции в Северном крае (1928–1937 гг.) // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти: сб. ст. – Вологда: ВГПИ, 1985. – С. 119–131.

⁴⁵ *Егоров, А.Н.* Оформление кадетской организации в Вологодской губернии в 1917 году (март – сентябрь) // История и культура Вологодского края. III краеведческая научно-практическая конференция: тезисы докладов. – Вологда, 1990. – С. 44–49.; *Шпрыгов, А.П.* Из истории политической гибели непролетарских партий на Европейском Севере РСФСР (1921–1925 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы общественно-политической истории XIX–XX вв. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1991. – С. 72–81.

⁴⁶ Большую роль в координации исследований, выработке новых подходов к проблеме интеллигенции стали играть Межвузовский центр Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», Проблемный совет «Интеллигенция, культура, власть», созданные профессором В.С. Меметовым при кафедре истории и культуры России Ивановского государственного университета, и исследовательский Центр «XX век в судьбах интеллигенции» на базе Уральского университета под руководством профессора М.Е. Главацкого.

диссертации, посвященных интеллигенции, состоялось свыше 50 крупных научных форумов, вышли в свет более 100 книг, а количество периодических статей вышло за рамки возможностей библиографического учета⁴⁷.

Т.Б. Котловой и А.В. Квакиным одними из первых предпринимается попытка восстановить «честное имя» интеллигенции, работавшей еще в дореволюционной России: подобные работы советского периода практически не встречались⁴⁸. Следует отметить существенный вклад в изучение ранее не затрагиваемых тем по истории интеллигенции Новосибирской научной школы, вышедшей на одно из ведущих мест в истории интеллигенции в стране. Учеными данной школы были выполнены работы, в которых рассматривается дискриминационная политика РКП(б) по отношению к интеллигенции в 1920-е гг. Также следует отметить научный сборник «Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.)», подготовленный коллективом авторов этой школы⁴⁹.

Способы формирования технической интеллигенции, оценки ее образовательного и профессионального уровня, отношение с партийными органами власти в 1920-е гг. изучаются в работах Т.Б. Котловой, В. Н. Абрамова М.В. Ермушина⁵⁰. Авторами также затрагиваются вопросы, связанные с социально-правовым и материальным положением регионального студенчества высших и средних учебных заведений в указанный период. Вопросы, связанные с формированием интеллигенции Зауралья в 1917–1941 гг., рассматриваются в работе О.Н. Гончаренко⁵¹.

⁴⁷Соколов, А.В. Поколения русской интеллигенции. – СПб.: СПбГУП, 2009. С.74.

⁴⁸Котлова Т.Б. К вопросу о теоретических основах политики по отношению к инженерам и техникам // Интеллигенция в политической истории XX века: Тезисы докладов Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 1992. С. 120–121; и др.

⁴⁹Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Новосибирск: Сова, 2007. – 456 с.

⁵⁰Котлова, Т.Б. Партийно-государственная политика по отношению к технической интеллигенции в годы индустриализации: проблемы подготовки и использования. 1923–1936 (на материалах Ивановской промышленной области). Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1991. – 194 с.; Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921–конец 30-х гг.) СПб, 1997; и др. Ермушин, М.В. Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2001. – 182 с.

⁵¹Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье. 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005.

В 1990-е гг. специальной темой изучения стала интеллигенции, наделенная властными полномочиями⁵². По-прежнему активно разрабатывается тема формирования интеллигенции в вузах и техникумах в первое десятилетие советской власти⁵³.

В контексте обобщения пройденного отечественной интеллигенцией исторического пути В.Р. Веселов⁵⁴ в конце 1990-х г. на основе переосмысления предыдущих исследований указывает на необходимость придерживаться взвешенной оценки предыдущего периода.

Роль интеллигенции в жизни города и региона рассматривается в работе В.Г. Рыженко⁵⁵. Она при помощи предложенной ею модели исследования «Место, Вызов, Время» связала изучение деятельности интеллигенции с интересами региона. Предложенная В.Г. Рыженко модель исследования интеллигенции находит отражение в диссертационной работе В.И. Васильевой⁵⁶, где автор подробно охарактеризовала влияние местной интеллигенции на культурно-экономическое развитие города и изучила влияние региональных социально-политических условий на положение интеллигенции г. Рыбинска.

Начало исследования жизни в чрезвычайных условиях и «периода катастроф» было заложено И.В. Нарским, которым была определена стратегия выживания «простого» человека в условиях резких перемен. Впоследствии

⁵² Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М.: ИРИ РАН, 1998. – 258 с.; Пашин, В.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко. – М.: Государственная академия сферы быта и услуг, 1998. – 225 с.; и др.

⁵³ Бельшев И.С., Кузьмичев А.С. Формирование интеллигенции в вузах и техникумах в 1917–1928 гг. // Интеллигенция в политической истории XX века: Тезисы докладов Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 1993. С. 43–45; Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921–1927). Тверь: ТГУ, 1996. – 188 с.; Решетова А.Н. Интеллигенция дон и революция. 1917 – первая половина 1920-х годов. М.: МОНФ, 1997. – 207 с.; Андреев, Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 494–522.; Марков А.Р. Что значит быть студентом. Работы 1995–2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 264 с.; Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // Расписание перемен... – С. 435–493.; Иванов Е.А. Между рефлексией и действием: высшая школа и наука перед лицом Революции // Российская революция 1917 года: власть общества культура: 2Т. – М.: РОСПЭН, 2017. – С. 455–465; и др.

⁵⁴ Веселов В.Р. Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. Кострома: КГУ, 2001. – 185 с.

⁵⁵ Рыженко, В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург–Омск: ОмГУ, 2003. – 370 с.

⁵⁶ Васильева В.И. Интеллигенция малых городов России как социокультурный феномен: конец XIX – первая треть XX вв. (на материалах города Рыбинска): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

данная схема легла в основу работы А.Н. Еремеевой.⁵⁷ В ней автором большое внимание уделяется повседневной жизни интеллигенции на территории, оказавшейся под властью антисоветских режимов. Показано формирование вузовской и научной инфраструктуры на данной территории, а также освещены политические взгляды научной интеллигенции в условиях часто меняющейся власти.

Отдельной темой для изучения становится «сельскохозяйственная интеллигенция», к которой относят агрономов, учителей сельских школ, преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений и др.⁵⁸

В начале 2000-х гг. историки начинают активно исследовать проблему так называемых «бывших» людей, в число которых входили и представители интеллигенции. Рассматриваются особенности положение данного слоя людей в советском обществе, аспекты их повседневной жизни⁵⁹.

Другой тематикой современных исследований стало изучение мировоззрения ценностных ориентаций интеллигенции⁶⁰.

Большое внимание уделяется становлению творческой советской интеллигенции в период первого десятилетия советской власти⁶¹.

И.А. Клицакова в своей монографии применяет новые подходы к анализу формирования советского учительства⁶². В основе подхода лежат особенности развития учительства в первое послереволюционное десятилетие, основываясь на анализе которых, исследователь делает вывод об утверждении в этот период жесткого классового подхода к перевоспитанию старых кадров и подготовке новых, что не могло не привести к внутреннему и внешнему протесту со стороны

⁵⁷ Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практика выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Патонов И., 2017. – 208 с.

⁵⁸ Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922-1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2017. – 238 с. и др.

⁵⁹ Смирнова, Т.М. «Бывшие люди» Советской России стратегия выживания и интеграции, 1917 –1936 годы. М.: Мир истории, 2003. – 296 с.; Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград 1920-30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского университета, 2006. – 259 с.

⁶⁰ Казакин И.Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция после октябрьское десятилетие. Волгоград: ВолГУ, 2001. – 265 с.

⁶¹ Карпов А.А.. Русский пролеткульт: идеология эстетика, практик. СПб: СПбГУП, 2009. – 260 с.; Купцова, И.В. Художественная интеллигенция и массовая культура: творчество в экстремальных условиях // Российская революция 1917 года: власть общества культура: 2Т.– М. РОСПЭН, 2017. – С. 463-483.

⁶² Клицаков И.А. Учительство: трудная судьба. 1917–1937 гг. Луганск: Днипро, 1993. – 187 с.

педагогов. В учебных заведениях, занимающихся профессиональной подготовкой специалистов для школы, происходило снижение качества образования, итогом чему стало утверждение в школе авторитарного типа учителей.

Знаковой работой в изучении политической истории и психологии российского общества в 1920-е гг. стали монографии С.В. Ярова «Конформизм в Советской России» и «Человек перед лицом власти в 1917–1920-е гг.». Автор отмечает, что советский прессинг на личность во всех сферах жизни, делал практически не заметным для большинства любое несогласие. При помощи существовавшей системы коммуникации граждане копировали «манеры власти», которые впоследствии применялись для удовлетворения собственных интересов.⁶³

В 1990-е гг. происходит изменение в отношении к работам иностранных историков. Если в предшествующие годы они выступали в качестве объекта критики, то после 1991 г. исследования, имеющие в своей основе немарксистскую методологию, стали востребованы. В первую очередь внимания заслуживает монография Л. Холмса⁶⁴. В ней историком выделяется два этапа во взаимоотношениях власти и интеллигенции в 1920-е гг. На первом этапе властью предоставляется интеллигенции частичная автономия, свобода действий. На втором этапе, который наступает вместе с завершением НЭПа, власть начинает применять по отношению к интеллигенции методы террора и усиленной мобилизации. Историком делается вывод, что подобное явление стало результатом практичности действий власти, у которой отсутствовал интерес к проблемам профессиональных взаимоотношений по идейным взглядам. Но в конце 1920-х гг., после отказа от НЭПа и принятия курса на ускоренную индустриализацию, баланс был нарушен.

⁶³ Яров С.В. Конформизм в Советской России. СПб.: Нестор, 2006. С. 560–569; Он же. Человек перед лицом власти в 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 301–308.

⁶⁴ Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1994. С. 111–113.

Сходную точку зрения выражал Э.Х. Карр⁶⁵. Он выделяет среди специалистов особую категорию «красных управляющих». Историком особо подчеркивается их роль в восстановлении хозяйства страны в 1920-е гг. Анализируется их роль при разработке промышленной политики, где буржуазное происхождение не являлось помехой. С другой стороны, сделанный им вывод о том, что в указанные годы власти старались не демонстрировать открытых проявлений враждебности по отношению к дореволюционным специалистам, как минимум, является дискуссионным.

Диалогу между властью и интеллигенцией в 1920-е гг. посвящена работа Д. Боффа⁶⁶. В ней историк приходит к выводу, что слабые позиции большевиков в среде интеллигентов послужили одной из причин, вынудивших партию заняться подготовкой собственных кадров⁶⁷. Однако правильным его назвать нельзя, т.к. в основе политики власти по отношению к интеллигенции лежала идея подготовки собственной интеллигенции.

Д. Байрау, говоря о взаимоотношениях между властью и интеллигенцией в 1920-е гг., рассматривает их как небольшое «перемирие». Свою точку зрения он объясняет, с одной стороны, тактическими соображениями власти, которая в условиях кадрового голода и необходимости восстановления страны была вынуждена бережно относиться к специалистам. С другой стороны, необходимо было время для подготовки «своих» специалистов, и как только эта задача была выполнена, власть вновь начинает наступление на дореволюционную интеллигенцию. Полностью соглашаясь с первым аргументом, мы возражаем против второго, поскольку, по нашему мнению, Д. Байрау экстраполирует современную ему реальность на советское общество 1920-х гг.⁶⁸ Подобных взглядов придерживается и финский историк Т. Вихавайнен. Он анализирует взгляды, политику Советской власти по отношению к интеллигенции и приходит к выводу, что за весь период НЭПа большевики никогда не отказывались от

⁶⁵ Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. М.:Интер-Версо, 1990. С. 62–63.

⁶⁶ Боффа Д. История Советского Союза: В 2 тт. Т. 1. М: Международные отношения., 1994. – 628 с.

⁶⁷ Там же. С. 251–254.

⁶⁸ Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122–123.

«антиинтеллигентских» принципов, а осуществлявшиеся послабления в отношении интеллигенции называет «временным отступлением» и «шатким перемирием», которое коснулось и других мелкобуржуазных групп. Например, крестьянства, которое вновь получило право продавать излишки продовольствия, использовать наемный труд. «Шахтинское дело» означало конец этого перемирия и начало новой политики власти по отношению к интеллигенции. Основной ее задачей было замена «старых» буржуазных специалистов «молодой» советской интеллигенцией. Одним из основных методов осуществления этой задачи стала масштабная «чистка» советского аппарата. Официально жертвами стали бюрократы и социально чуждые элементы, но, как правило, подразумевались представители дореволюционной интеллигенции⁶⁹.

Английский историк С. Пирани, исследуя такое социальное явление как «спецеедство», предполагает, что самыми активными «спецеедами» были не старые рабочие, а те, которые, попав на партийные должности, были втянуты в самые низшие слои партийной элиты. Обычные же рабочие наоборот заступались за «спецов»; в других случаях партийные работники принуждали спецов проводить непопулярные меры, например, новые нормы сдельной работы, и принимать всю вину в глазах рабочих, что также влекло за собой «спецеедство»⁷⁰.

Что касается региональной историографии, то в ней вплоть до конца 1990-х гг. в вопросах изучения интеллигентоведческих проблем доминирующим оставался функциональный подход. Различные аспекты существования и деятельности северной интеллигенции, чаще всего, затрагивались исследователями в контексте персонификации исторического и анализа социально-экономических и культурных процессов, проходивших в крае. Особое место занимает среди подобных работ монография В.И. Коротаева⁷¹, который исследует социальный состав интеллигенции края в первой трети XX в. В своей работе он делает вывод, что основная масса вологодской интеллигенции в начале

⁶⁹ Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции СПб.: Коло, 2004. – 416 с.

⁷⁰ Пирани С. Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013. – 480 с.

⁷¹ Коротаев, В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. – Архангельск: ПГУ, 1998. – 123 с.

XX в. была разночинной с преобладающим числом выходцев из мещан. В деле развития промышленности края им особенно отмечается роль ссыльной интеллигенции. Для оценки ее деятельности историком вводится понятие «служение». Под ним В.И. Коротаев понимает ведение широкой просветительской деятельности и активное участие в преодолении отсталости края во всех сферах общественной жизни, политике и экономике, а не борьбу за абстрактные цели и ценности. Утверждение о том, что вологодские специалисты и значительная часть региональных чиновников, как правило, не являлись противниками, на наш взгляд, вполне соответствует действительности, поскольку их сближали предложения по техническому и промышленному преобразованию края.

Аспекты заявленной темы затрагиваются в работе С.И. Шубина «Северный край в истории России», в которой подробно разбирается политика местных органов власти в 20–30-е гг. XX в., а также представлена социокультурная характеристика некоторых весьма значимых партийно-государственных деятелей.

Вклад интеллигенции в развитие социально-экономического потенциала края, сохранение его культурного достояния, ее общественная деятельность в рамках краеведческих обществ рассматриваются в работах М.А. Смирновой, Э.П. Риммер, Д.В. Спириной⁷².

В конце 1990-х годов появляются работы, посвященные непосредственно региональной интеллигенции⁷³.

Ф.Х. Соколова изучая интеллигенцию в рамках Русского Севера акцентирует свое внимание на Архангельской и Мурманской землях, вскользь затрагивая подобные процессы в Вологодском крае, без учета особенностей развития этой территории (активность земских учреждений; тыловые территории в период Гражданской войны; более либеральная политика местных властей по

⁷² Риммер, Э.П. Особый тип культурного деятеля: из истории череповецкого краеведения в послереволюционные годы // Историческое краеведение и архивы. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 1999. – Вып. 5; Спирина, Д.В. Научно-археологические исследования Н.А. Черницына // Тотма: краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 5–16.

⁷³ Гуркина Н.К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1998; Соколова Ф.Х. Интеллигенция Европейского Севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1917–1930-е гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2005 и др.

отношению к ссыльной интеллигенции, позволявшая ей активно участвовать в общественно-политической жизни региона; развитая сеть средних учебных заведений, нетипичная для российской провинции; более прочные связи местной интеллигенции с центром).

Исследуя историю интеллигенции в период 1917–1921 гг., Ф.Х. Соколова рассматривает политические взгляды северной интеллигенции и приходит к выводу, что данная социальная группа в Мурманском и Архангельском Поморье против своей воли была втянута в Гражданскую войну. Анализируя динамику, численность и состав интеллигенции на Севере, автор показывает, что любые изменения здесь напрямую были связаны со свержением Советской власти, политикой антибольшевистских правительств, интервенцией, восстановлением Советской власти, и последовавшими за этим репрессиями. Раскрывая взаимоотношения региональной власти и интеллигенции, историк акцентирует внимание на отсутствии в исследуемом регионе политики либерализации по отношению к интеллигенции в 1920-х гг., которую почувствовала интеллигенция центральных районов. Объясняется данное обстоятельство страхом местных властей перед новым антибольшевизмом и интервенцией.

Рассматривая различные способы регулирования состава интеллигенции в 1920-е гг., Ф.Х. Соколова упоминает и «чистки», но не ставит своей целью подробно анализировать данный способ борьбы с ненужными социальными элементами.

Все это дает возможность автору данного исследования конкретизировать исследования по заявленной проблематике на материалах Вологодского края, где большевики у власти удержались, а сами территории были тыловыми, что, в свою очередь, обусловило совершенно иное отношение местной власти к интеллигенции в период НЭПа, а также провести подробный анализ региональной системы образования, социального состава учащихся, уровня их подготовки и сведений о преподавательском составе.

История Белого движения на «Русском севере» и роль в нем интеллигенции рассматривается в работах Л.Г. Новиковой и В.И. Голдина⁷⁴.

Отдельной темой для исследования для Архангельских историков⁷⁵ стала карательная политика местных органов власти в отношении местного населения.

Проблемы социальной истории Вологодского края первой четверти XX в. затронуты в исследовании Т.И. Трошиной. По ее мнению, изменение общинного сознания северного крестьянства, отток молодежи из деревни и возрастание интереса к образованию в постреволюционный период стало итогом социально-экономического развития предшествующего десятилетия⁷⁶.

Вместе с тем, даже с учетом огромных масштабов проделанной работы, на сегодняшний день исследователи отмечают, что изучение интеллигенции пока не достигло глубинного уровня⁷⁷. По нашему мнению, данная ситуация связана с сохранением чрезмерной политизированности и социологизированности в изучении интеллигенции и ее взаимоотношений с властью. При этом можно рассматривать изучение российской интеллигенции в советское и постсоветское время как процесс постепенного отхода от социологических схем к изучению политической предпочтений интеллигенции и ее столкновение с властью. Но одного политического анализа не достаточно для объяснения причин данного противостояния (например, объяснить с точки зрения «политической целесообразности» то же увольнение специалистов в 1920-е гг. не представляется возможным: большая часть уволенных не принадлежала к какой-либо политической партии, не поддерживала противников советской власти т. п.). Это было противостояние взглядов, поколений, борьба различных политических культур, т. е. мировоззренческий и политико-культурный конфликт, но именно этот аспект представляет собой очевидную лакуну в историографии.

⁷⁴ Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии. Архангельск, 2000; и др.

⁷⁵ Ханталин Р.А. Невольники и бонзы: Документальные очерки. Архангельск, 1998; Унадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере. 1919–1953 гг. Архангельск, 2004.

⁷⁶ Трошина Т.И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск, 2011.

⁷⁷ Соколов К.Б. Российская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб., 2007. С. 6.

Принимая во внимание актуальность и недостаточную изученность темы, **целью** данного исследования является выявление и характеристика основных этапов развития интеллигенции Вологодского края в 1917–1929 гг.

В соответствии с объектом, предметом и целью исследования ставятся следующие его **задачи**:

- выявить динамику социального, численного состава интеллигенции края на протяжении исследуемого периода;
- проанализировать систему взаимоотношений интеллигенции с советскими органами управления Вологодского края;
- установить региональные особенности проведения «чисток» 1924–1925 гг. и 1928–1929 гг.;
- определить социально-правовой статус интеллигенции в период НЭПа;
- рассмотреть особенности формирования местной интеллигенции.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. До 1917 г. интеллигенция края формировалась из выпускников местных учебных заведений, значительное влияние на нее оказывали ссыльные, большинство из которых являлись членами партии эсеров. Итогом этого стало усиление оппозиционных взглядов среди интеллигенции по отношению к власти.

2. Недостаток на территории региона высококвалифицированных рабочих кадров обусловил востребованность дореволюционной интеллигенции после Октября 1917 г.

3. В период НЭПа (1921–1923 гг.) явное доминирование дореволюционных специалистов в деле восстановления региона после Гражданской войны обусловило стремление властей минимизировать их влияние на производстве и образовании, а также заменить их новыми кадрами.

4. «Чистки» 1920-х гг. в Вологодском крае имели ярко выраженные региональные особенности по сравнению с другими территориями Европейского Севера. На первом этапе (1924–1925 гг.) в состав рабоче-крестьянских комиссий входили представители местной интеллигенции, которые в связи с возросшей

конкуренцией между специалистами решили использовать данную процедуру власти для упрочения своих позиций.

5. На втором этапе (1925–1929 гг.) направление «чисток» определялось профессиональной принадлежностью «вычищаемых». Сильнее всего пострадали специалисты сельского хозяйства и педагогические кадры; в наименьшей степени – врачи и инженерно-технические работники, что было обусловлено объективной невозможностью замены этих специалистов.

6. Ввиду незначительности прослойки рабочего класса воспроизводство местной интеллигенции проходило, в основном, за счет среднего крестьянства и служащих.

7. В составе местного преподавательского персонала доминировали специалисты со значительным дореволюционным стажем работы, что позволило сохранить преемственность в подготовке кадров.

Источники. Диссертация подготовлена на основе опубликованных и архивных источников, извлеченных из фондов федеральных, региональных и местных архивохранилищ: Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук РАН (СПФРАН), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ), Череповецкого центра хранения документации (ЧЦХД), Череповецкого музейного объединения (ЧерМО).

Первую группу источников образуют труды лидеров Коммунистической партии и Советского государства: В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и др.⁷⁸ Они позволяют охарактеризовать идеологические основы государственной политики в отношении интеллигенции и прояснить некоторые детали ее планирования и реализации в общегосударственном масштабе.

⁷⁸ Ленин В.И. КПСС об интеллигенции. М., 1979; Он же. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36; Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988; Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссии. 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991; Сталин И.В. Логика вещей // Сочинения. Т. 4; Троцкий Л.Д. Интеллигенция и социализм. Литература и революция. М., 1923 и др.

Вторую группу источников составляют нормативно-правовые акты. К ним примыкают постановления партийных съездов, резолюции и другие документы Коммунистической партии, которые были опубликованы в официальных изданиях: директивы ВКП(б) по вопросам просвещения.

Большой интерес представляют материалы губернских органов власти и партийных организаций, поскольку с их помощью возможно проследить, как на местах выполнялись руководящие партийные и правительственные директивы⁷⁹.

В третью группу источников входят опубликованные статистические материалы. В них содержатся сведения о количестве учащихся в вузах, техникумах и на рабфаках, об их социальном составе, успеваемости. Благодаря им отслежены количественные и качественные изменения в составе интеллигенции, ее материальное положение⁸⁰.

К четвертой группе источников относится делопроизводственная документация. В исследовании использовался комплекс организационно-распорядительных документов – циркуляров, докладов и постановлений Вологодского и Череповецкого губисполкомов (Череповецкого окрисполкома), отражающих особенности региональной политики по отношению к интеллигенции⁸¹. Протокольная документация представлена протоколами собраний различных общественных организаций и учреждений, первичных партийных организаций, губернских и уездных органов власти.

Большое значение имеют документы из фондов органов государственного контроля (губернских и окружных отделений рабоче-крестьянской инспекции). В них содержатся статистические сведения о количестве «вычищенных» рабочих и служащих вологодских и череповецких предприятий и организаций, указаны

⁷⁹ Очерки истории Вологодской организации КПСС (1895–1968). Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1969. – 688 с.

⁸⁰ Материалы по статистике профессионально-технического образования по данным отчетов вузов, рабфаков, техникумов и учреждений низшего технического образования. М.: Л., 1928; Народное просвещение в РСФСР (1927–1928). М.: б. и., 1929. – 175 с.; Народное просвещение в СССР за 1926–1927 учебный год. М.: б.и., 1929. – 175 с.

⁸¹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 2; ЧЦХД. Ф. 1. Оп. 2; Ф. 2. Оп. 4.

сроки проведения «чисток», критерии, по которым они проводились, описан их ход⁸².

Отдельную группу составляют документы партийных организаций. В работе использованы материалы из фондов Вологодского и Череповецкого губернских (окружных) партийных комитетов⁸³ и первичных партийных организаций народного образования⁸⁴. Анализ данных источников позволил автору выявить и проследить особенности формирования интеллигенции, ее социальное положение в крае, выяснить влияние власти на местах на данный процесс.

Следует отметить докладные записки губернских отделов ОГПУ, содержащие сведения о настроении членов партии, населения губернии, отдельных директоров и коллективов предприятий. В документах первичных партийных организаций содержатся, в основном, сведения, касающиеся партийного воспитания и агитации, а также предложения по решению некоторых хозяйственных вопросов⁸⁵.

Большой массив образуют документы отдельных общественных организаций и учреждений. Это отчеты о работе за определенный период времени, статистические отчеты (по учреждениям здравоохранения), текущая переписка учреждений – переписка нижестоящих с вышестоящими, переписка с физическими лицами (документы образовательных учреждений), распорядительные документы – приказы, распоряжения⁸⁶. Среди документов общественных организаций можно выделить следующие – документы средних специальных и высших учебных заведений Вологды и Череповца⁸⁷, где содержится обширная информация о приемных кампаниях в вузы и техникумы, статистические данные, сведения о социальном положении преподавателей и студентов; документы фондов Вологодского и Череповецкого губернских отделов

⁸² ГАВО. Ф. 201. Оп. 1; ЧЦХД. Ф. 339. Оп. 1; Ф. 344. Оп. 1, 2.

⁸³ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 12; Ф. 1855. Оп. 1.

⁸⁴ Там же. Ф. 984. Оп. 1; 1158. Оп. 1; Ф. 2094. Оп. 1.

⁸⁵ Яров С.В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. С.81-83.

⁸⁶ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОССПЭН, 2004. С.53.

⁸⁷ ГАВО. Ф. 81. Оп. 1, 2; Ф. 165. Оп. 1; Ф. 601. Оп. 1; ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1; Ф. 757. Оп. 1, 2; Ф. 758. Оп. 1.

здравоохранения и образования⁸⁸. Немалую часть общего массива документов составляют годовые, полугодовые отчеты о деятельности отделов и системы здравоохранения и образования в целом. Эти документы дают сведения о количестве врачей и учителей, их стаже и образовании, складывании системы здравоохранения и образования в целом и формировании отдельных групп специалистов в частности. Материалы общественных организаций содержат более подробную информацию о развитии каждой профессиональной группы интеллигенции и восстановлении хозяйства края в целом.

Отдельную группу источников составили материалы периодической печати, как центральной, так и местной.

При написании диссертации использовались как центральные газеты и журналы («Правда», «Известия», «Советский Север»), так и местные («Красный Север», «Коммунист», «Вольный голос Севера», «Вологодская жизнь», «Вологодский листок», «Земля и труд»). Наиболее информативными из периодики явились журналы «Красная молодежь», «Красное Студенчество», «Вестник просвещения».

Вместе с тем, материалы по рассматриваемому нами региону практически отсутствуют в центральных изданиях, поэтому автор в гораздо большем объеме использует региональную периодическую печать. Официальным периодическим изданием Вологодской губернии, а затем округа и области стала газета «Красный Север» (издается по сегодняшний день). Первый номер газеты вышел 1 мая 1917 г. Тогда она называлась «Известия Вологодского Совета рабочих и крестьянских депутатов». Ровно через два года издание получило нынешнее название – «Красный Север». На ее страницах доводилась информация о социально-экономическом положении интеллигенции в губернии, были представлены не большие материалы о работе высших и средне специальных учебных заведений края, материалов о культурной жизни края. Официальным органом Череповецкого губернского комитета партии была газета «Коммунист». Первый ее номер вышел 29 января 1918 г. под названием «Известия Череповецкого Совета

⁸⁸ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1; Ф. 266. Оп. 1; ЧЦХД. Ф. 719. Оп. 1, 2; Ф. 778. Оп. 1.

крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». Редактором газеты была назначена Л.П. Малинина (инженер-строитель), а первым репортером газеты стал кочегар паровоза В. Бачин. В начале 1919 г. издание было переименовано в «Коммунист».

Выходившая в г. Вологде с марта 1917 г. по июль 1918 г. газета «Вольный голос Севера» была под влиянием эсеров. В ней большое внимание уделялось проблемам сельской интеллигенции: агрономов, врачей, фельдшеров и особенно учительства. В эти годы в издании регулярно публикуются статьи, авторы которых выступают с резкой критикой Советской власти в области народного образования, политизации школы, перевыборов учителей. В конце июля, после ревизии издания комиссией во главе с М.С. Кедровым, газета была закрыта как небольшевистская. Материалы отражающий социально-экономическое и культурное развитие края представленные в журнале «Бюллетень Вологодского общества изучения Северного края» – в опубликованных в нем статьях отражаются проблемы системы образования, здравоохранения, сохранения памятников культуры, состояние производственных сил края. В целом, материалы региональной прессы позволяют составить представление о происходивших на местах событиях, об отношении местных властей и общества к интеллигенции; позволяют понять, как происходило изменение мировоззрения населения.

Среди использованных источников личного происхождения особенно ценны материалы личных архивов. В собрании И.М. Гревса изучены его записи, касающиеся посещений Вологды в 1922 г. и Череповца (1922 и 1925 гг.), переписка с череповецким педагогом и краеведом Авениром Коровкиным. Также диссертантом использованы материалы фонда В.И. Равдоникаса, содержащие переписку с Череповецким губисполкомом, директором Череповецкого губернского музея Я.Т. Богачевым, заметки о составе абитуриентов, поступавших в Тихвинский педагогический техникум в 1927 г.⁸⁹ Большой интерес представляют воспоминания и заметки П.Д. Федотова (учителя и краеведа),

⁸⁹ СПФАРН. Ф.796. Оп.1. Д. 198, 200,205; Ф.1049. Оп.2. Д. 3, 77, 80.

выпускника Череповецкого педагогического техникума 1927 г.⁹⁰. В своих он достаточно много внимания уделяет студенческой жизни изучаемого периода.

Из мемуарных источников по истории вологодской интеллигенции более других известны воспоминания В.Т. Шаламова⁹¹. В работе использованы воспоминания лидеров и идеологов антибольшевистского движения, представителей иностранных дипломатических корпусов, которые работали в Вологде⁹². Значительная их часть была представлена в двухтомном сборнике документов и материалов «Белый Север»⁹³. Также нами были использованы воспоминания активных участников становления Советской власти (в Вологодской губернии – М.К. Ветошкина, в Череповецкой – П.Л. Павловцева)⁹⁴. Мемуары написаны участниками событий и отражают личную позицию автора, но при этом дают возможность увидеть взгляды и отношения различных групп интеллигенции и противоборствующей стороны к происходившим событиям. Для воссоздания более полной картины исследуемого периода в работе также были использованы воспоминания представителей интеллигенции, чье детство, юность и молодость пришлось на 1918–1920-е гг.⁹⁵

Таким образом, можно отметить значительное разнообразие источников исследуемого периода по проблеме формирования советской интеллигенции. Для осуществления поставленных в работе задач в их отношении был осуществлен комплексный критический анализ с учетом общественно-политической ситуации.

⁹⁰ ЦЦХД. Ф.2439. Оп.1. Д.1. Л.205-218. Федотов Павел Дмитриевич. Малечкинский общественный корреспондент, учитель и краевед (14.01. 1906-11.10.2000).

⁹¹ Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. Вологда: Грифон, 1994. –192 с.

⁹² Паскаль П. Русский дневник 1916-1918. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. – 592 с.

⁹³ Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский на «белом» фронте // Белый Север. 1918–1920. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 74–98; Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Там же. С. 45–73.

⁹⁴ Ветошкин М.К. Революция и гражданская война на Севере. – Вологда: Изд. Истпарта Вологодского губкома ВКП(б), 1927. – 213 с.; Павловцев П.Л. Полвека назад. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1968. – 192 с..

⁹⁵ Алпатов, М.А. Возвращение в юность. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 207 с.; Кетлинская, В.К. Здравствуй молодость! // Кетлинская В.К. Собр. соч.: в 4 тт. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1980. – Т. 4. – 534 с.; Романов М. И. По ухабам жизни: мемуары. Вельск: Вельти, 2006. – 164 с.; Скворцов В.А. Мои впечатления о XX века. Часть I. До 1953 года. М.: Издательские решения, 2018. – 326 с.

Методология и методы. Методологическую основу исследования составляет теория модернизации в интерпретации В.И. Сальникова⁹⁶, позволяющая показать изменения в составе интеллигенции, ее образовательном уровне, социально-правовом положении, происходившие под влиянием модернизационных процессов, протекавших в советской России в 1920-е гг. В странах догоняющего развития, а Россия в рассматриваемые годы относилась именно к таким странам, данные процессы в значительной степени влияли на формирование интеллигенции.

Применительно к теме диссертации данный подход позволил выделить периоды, когда власть в целях самосохранения и проведения необходимых преобразований заключала союз с интеллигенцией с целью проведения этих реформ. Однако в силу косности бюрократии и непрактичности российских интеллигентов союз между ними долго не мог существовать, поэтому надолго интеллигенты во власти не задерживались. После кратковременного периода относительной свободы (начало 1920-х гг.) наступила эпоха «несвободы» (1929 г.).

В рамках предложенного В.Г. Рыженко подхода «Вызов места» и «Вызов времени»⁹⁷ интеллигенция определяется как наиболее активная часть общества. Она активно участвует в разработке решений общекраевых потребностей и общероссийских проблем, основанных на профессиональных задачах по выявлению и освоению ресурсов края, укреплению его экономического потенциала, сохранению его культурного наследия в соответствии с ее представлениями о перспективах развития страны.

Кроме того, в работе использованы элементы формационного и цивилизационного подходов к истории. Их сочетание позволило выявить влияние социально-политических процессов 1920-х гг. на изучаемую проблему и, с другой

⁹⁶ Сальников В.И. Провинциальная интеллигенция в процессах социальной трансформации: поиски методологии исследования // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2. С. 19–20.

⁹⁷ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург–Омск, 2003. С. 348–349.

стороны, рассмотреть исследуемый край как особую социокультурную общность с присущим ей восприятием действительности.

Диссертационное исследование строится на принципах историзма и научной объективности, что предполагает всестороннее, независимое от политических предпочтений, рассмотрение истории интеллигенции в контексте определенной исторической эпохи. При использовании упомянутых принципов применялся ряд общенаучных методов – анализ, синтез, обобщение, сравнение.

В процессе исследования интеллигенции применены также специально-исторические методы⁹⁸. Применительно к данной работе, метод системно-исторического анализа позволяет рассмотреть феномен интеллигенции в двух основных аспектах: с точки зрения понимания ее как социальной группы, имеющей свой состав, совокупность внешних связей, обуславливающих ее место в обществе 1917–1929 гг. в специфических условиях Вологодского края, а также с точки зрения анализа основных видов и результатов деятельности интеллигенции в разных сферах жизни общества на определенном этапе исторического развития России; с помощью историко-генетического метода удалось воссоздать конкретику событий, проследить динамику изменений, происходившие в составе интеллигенции, в системе взаимоотношений ее с властью в исследуемый период. Путем использования сравнительно-исторического метода выявлялось общее и особенное в сущностных чертах и социокультурном облике региональной интеллигенции дореволюционного и советского поколений, устанавливались причинно-следственные связи; ретроспективный метод – реконструкция исторических событий, места и роли в событиях прошлого отдельных субъектов истории, в том числе и интеллигенции; историко-типологический метод – выявление общих закономерных черт исследуемого объекта. С помощью метода периодизации решался вопрос структуры самого исследования и определялись основные этапы во взаимоотношениях интеллигенции и власти. С помощью хронологически-проблемного метода были выделены главные вехи становления

⁹⁸ *Иванов В.В.* Методология исторической науки. М. 1985. С. 98–113. См. также: *Ракитов А.И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982.

интеллигенции в регионе в исследуемый период, обозначены и изучены основные проблемы в их последовательном развитии. Данный метод использовался и при анализе степени изученности проблемы.

При написании были использованы методы смежных дисциплин: выборочно-статистический и социально-психологический. Первый из них применялся при анализе динамики численности, изучение профессионального и образовательного состава вологодской интеллигенции. С помощью второго метода отслеживалась динамика массовых настроений и общественного сознания интеллигенции.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые проведено глубокое изучение истории интеллигенции в Вологодском крае, в научный оборот вводятся новые исторические источники, проанализированы действия краевых органов власти по отношению к этому социальному слою, выявлены их общие и связанные со специфическими особенностями края тенденции. Произведена реконструкция процесса формирования местной советской интеллигенции, определено влияние социально-политических и идеологических факторов на данный процесс; показана динамика изменения численного и социального состава интеллигенции; определены региональные особенности «чисток» 1920-х гг., проанализирован социокультурный облик «вычищаемых» лиц. Впервые развитие интеллигенции изучаемых территорий интерпретируется с применением поколенческого подхода, что позволило определить характерные черты первого поколения советских интеллигентов и сравнить его с предыдущей, дореволюционной, генерацией. Автором дана периодизация отношений власти и интеллигенции в период Гражданской войны и НЭПа. Проведена оценка вклада интеллигенции в экономическое и культурное развитие края в 1917–1929 гг.

Практическая значимость диссертации:

- сделанные в ходе исследования выводы и обобщения могут быть использованы в дальнейшем для научной работы по истории интеллигенции Вологодского края, социальной истории;
- работа может представлять определенный интерес для учителей средних школ и преподавателей вузов. Результаты исследования могут быть полезны при разработке курсов отечественной истории и исторического краеведения;
- результаты исследования могут привлечь внимание широких кругов общественности, которым интересна история формирования советской интеллигенции.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений. Во введении обосновывается теоретическая и практическая значимость актуальность выбранной темы, оценивается состояние научной разработки как в целом в российской науке, так и в ее региональном масштабе. Определены объект, предмет, цель, территориальные и хронологические рамки, а также методы исследования. Дана характеристика источниковой базы диссертации. В первой главе рассматривается положение местной интеллигенции в годы «военного коммунизма». Во второй главе анализируется социально-правовое положение интеллигенции в годы НЭПа, основные формы властного воздействия на нее, роль профессиональной деятельности интеллигенции в послевоенной жизни региона. В третьей главе характеризуется роль, значение и специфические черты системы образования как институциональной основы для формирования в крае первого поколения советской интеллигенции. В заключении подводятся итоги исследования.

Глава 1

Интеллигенция региона в 1917–1921 гг.

1.1. Положение интеллигенции накануне революции 1917 г.

Формирование российской интеллигенции как особой социальной группы завершается во второй половине XIX в. Тогда ей удалось занять определенное место в системе общественных отношений в полном смысле – стать актором общероссийского и регионального развития⁹⁹.

В процентном соотношении доля трудящихся, занятых в умственном труде в дореволюционной России составляла 2,4 % от общей массы населения империи, или 3,3 млн. человек (на основе данных 1913 г.)¹⁰⁰.

Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., на территории Вологодского края (Вологодская губерния и пять уездов Новгородской губернии: Белозерский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский, Череповецкий) проживало 1 877 325 человек, из них служащие и интеллигенция составляли около 7 662 человек или 0,4% от общего количества населения региона¹⁰¹. Эти цифры намного ниже общероссийского показателя.

В начале XX в. пополнение рядов вологодской интеллигенции шло в основном за счет лиц, получивших общее среднее образование. Именно они составляли основу среди чиновников среднего звена. Преподованием в начальной школе занимались лица окончившие духовные семинарии, гимназии реальные и епархиальные училища. В программу обучения в реальных училищах входили как обще образовательные предметы, так и профильные – для подготовки агрономов, специалистов по коммерции, техников для промышленных предприятий и инженеров-дорожников. Быстрый рост потребностей общества в работниках умственного труда помогали в этот период

⁹⁹ Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2000. С. 21.

¹⁰⁰ Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. С. 446.

¹⁰¹ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. 1904. С. 126–131; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2. 1903. С. 146–148.

удовлетворить низшие профессиональные учебные заведения: сельскохозяйственные и фельдшерско-акушерские школы и ремесленные училища¹⁰².

Тем не менее, указанные формы подготовки профессиональных кадров, были не в состоянии обеспечить качественную подготовку интеллигенции. У большинства уровень образования был сравнительно низким даже по европейским меркам начала XX в., а не только по современным. Если на Западе уже к началу XX в. завершается переход к всеобщему начальному образованию и начинается реализовываться идея об обязательном неполном образовании, то в России в это время начальной грамотностью обладало только 20% жителей страны. Из, 1,4 млн. работников, занятых интеллектуальной деятельностью, только 312,3 тыс. имели среднее специальное или полное или неполное высшее образование¹⁰³.

На территории Вологодского края, как, впрочем, и в остальных регионах страны, массовое пополнение интеллигенции велось за счет выпускников гимназии, духовных семинарий, реальных училищ и низших профессиональных школ. Открытие этих учебных заведений резко увеличило образовательные возможности провинции. Среди местных учебных заведений следует выделить те из них, которые сыграли наибольшую роль в формирование краевой интеллигенции: в Вологде – Александровское реальное училище, железнодорожное училище, духовная семинария, в Череповце – Александровское техническое училище, учительская семинария, а также мужские и женские гимназии Вологды, Великого Устюга, Череповца.

Следует отметить, что в деле развития профессионального образования активно принимали участие как губернские, так и уездные земства. Новгородское губернское земство на финансирование профессиональных учебных заведений затратило в 1901 г. 26,5 тыс. руб., тогда как все уездные учреждения тратили на

¹⁰² Гуркина Н.К. Интеллигенция Европейского Севера в России в конце XIX – начале XX веков. СПб., 1998. С. 17–25; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 17, 59, 62.

¹⁰³ Веселов В.Р. Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. Кострома, 2001. С. 72–73.

эти же цели 3,9 тыс. рублей. Вологодское губернское земство выделило на профессиональное образование в этом же году 21 тыс. руб.¹⁰⁴.

Важно учитывать, что при оценке с позиции современных представлений о необходимом уровне образования работников умственного труда качественного состава дореволюционной интеллигенции конкретно-исторические временные реалии не берутся в расчет. Поэтому мнение С.Ф. Федюкина, включающего в состав интеллигенции начала XX в. всех специалистов с образованием выше начального и занятых в тех сферах, где традиционно применяется интеллектуальный труд, представляется более объективным¹⁰⁵.

К 1917 г. в Вологодском крае система высшего образования еще не успела оформиться. Государственной думой только в 1911 г. было одобрено постановление об учреждении Вологодского молочно-хозяйственного института, но непосредственно сам учебный процесс начался в нем лишь через шесть лет – в декабре 1917 г.¹⁰⁶. Соответственно, для обеспечения специалистами высшей квалификации приходилось привлекать работников извне, в основном это были выпускники вузов Европейской части России.

Анализ социального состава обучающихся в пяти разнопрофильных учебных заведениях региона позволяет наглядно продемонстрировать источники пополнения интеллигенции в крае (табл. 1).

Таблица 1

Социальный состав учащихся в 1913 г.¹⁰⁷

Социальное положение	Александровское реальное уч-ще (г.Вологда)	Мужская губернская гимназия (г. Вологда)	Вологодский учительский институт	Александровское техническое уч-ще (г.Череповец)	Реальное уч-ще (г.Тотьма)
Дворяне	32	82	6	9	22

¹⁰⁴ О народном образовании //Вестник Вологодского земства. 1901. №9. С.96; Вестник Новгородского земства . 1901. 1901. №8. С.103.

¹⁰⁵ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 8–9.

¹⁰⁶ Вологодский молочный институт. Вологда, 1969. С. 5.

¹⁰⁷ Составлена по: ГАВО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 89. Л. 16; Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 136. Л.18; Там же. Ф. 451. Оп. 1. Д. 3. Л. 62; Там же. Ф.453. Оп. 1. Д. 1352. Л. 33. Успенский М.И. По учебным заведениям Вологодской губернии (из заметок окружного инспектора). Пг., 1915. С. 56.

Духовенство	21	25	12	6	5
Купцы	19	26	-	4	4
Почетные граждане	10	14	-	-	2
Мещане	132	41	14	37	13
Крестьяне	51	27	16	29	33
Прочие	-	41	2	-	44

Историками выделяется два пути формирования группы лиц в обществе, профессионально занимающихся умственным трудом: первый – за счет привлечения представителей других социальных слоев, второй – самовоспроизводство. При первом способе преобладание получают те, кого называют «интеллигентами первого поколения», при втором, когда группа работников умственного труда может самовоспроизводиться, возникают второе и третье поколение интеллигенции¹⁰⁸.

Исходя из данных таблицы «Социальный состав учащихся» можно сделать следующие заключения: во-первых, значительная часть местной интеллигенции сформировалась на основе мещанства и крестьянства, перенеся в нее «мелкое буржуазное сознание»; во-вторых, интеллигенция еще не перешла на путь самовоспроизводства, что свидетельствовало об определенной незрелости данной социальной группы в регионе и о существовании в нем, в основном, интеллигентов первого поколения. Это было характерно и для соседних Архангельской и Олонецкой губерний, но несколько отлично от Ярославской губернии, где уже значительным был слой интеллигенции второго поколения¹⁰⁹. Несколько отличалась местная интеллигенция и по своему социальному составу. По сравнению с центральными районами страны, в которых длительное время интеллигенция формировалась преимущественно из дворян, в северных губерниях ее состав отличался большей демократичностью. Связано данное обстоятельство с изначальной малочисленностью дворянства, соответственно, и среди интеллигенции на него приходилась меньшая доля. К выходцам из

¹⁰⁸ Панкратов А.В. Творчество и проблемы формирования интеллигенции как социокультурного слоя // Российская интеллигенция: история и судьбы. Ставрополь, 1998. С. 5.

¹⁰⁹ Васильева В.И. Интеллигенция малых городов России как социокультурный феномен: конец XIX – первая треть XX вв. (на материалах города Рыбинска): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 63–65.

дворянского сословия относились 1/2 чиновников высшего и среднего звена и 1/4 врачей и педагогического состава средних учебных заведений, причем большинство из них были уроженцами других регионов России¹¹⁰.

По выполнению интеллигенцией общественных функций можно разделить ее на профессиональные отряды. В соответствии с этим выделяют группы лиц, занимающихся интеллектуальной деятельностью в системах образования и здравоохранения, в сельском хозяйстве и промышленности. Функциональные группы интеллигенции можно проанализировать исходя из их имущественного положения и призму профессионального, квалификационного и социального состава.

Первым из профессиональных отрядов проанализируем один из наиболее массовых – учительство.

В подготовке учительских кадров большую роль играли местные земства¹¹¹. Большинство работавших в Череповецком уезде окончили Череповецкую учительскую семинарию, которая существовала на средства местного земства. Благодаря их деятельности среди учителей края увеличилась доля лиц получивших специальное образование. Так, к 1910 г. в школах Череповецкого уезда преподавали 66 человек, окончившие курсы учительской семинарии; 77 человек окончили женскую гимназию; 7 – педагогические курсы; 28 человек – женское духовное училище; 1 человек мужскую духовную семинарию.¹¹²

В социальном облике Вологодского учительства накануне Февральской революции отражаются не только общероссийские тенденции, но и появляется определенное своеобразие, вызванное особенностями социальной структуры населения края. Происхождение большей части педагогов начальной школы в соседних Северных губерниях по данным А.В. Силина – «.. выходцы из

¹¹⁰ Гуркина Н.К. Указ. соч. С. 81, 131, 139–145.

¹¹¹ О народном образовании // Вестник Новгородского земства. 1899. №5. С.124.

¹¹² Леонтьева Е.В. Роль И.А. Милютин в развитии женского образования // Милютинские чтения. Череповец: прошлое, настоящее, будущее. Череповец, 2004. С.17.

демократических слоев населения»¹¹³. Преобладали они и в составе остальных подгрупп педагогической интеллигенции Вологодского края: только единицы были представителями дворянства, в отличие от столицы и других регионов страны, где выходцы из привилегированных слоев общества находились во главе гимназий, учительских институтов, реальных училищ и семинарий. Например, в 1917 г. из 88 названных учебных заведений Петроградского учебного округа во главе 75,5 % находились выходцы из дворян, духовенства и чиновников¹¹⁴.

Преподаватели средних специальных учебных заведений относились к наиболее квалифицированной части учительства. В Череповецком Александровском техническом училище в 1913 г. был 21 преподаватель, причем из них 5 человек получили высшее образование, остальные 16 – среднее специальное¹¹⁵. В Вологодской мужской гимназии с высшим образованием было 4 учителя из 16, а остальные были выпускниками гимназий и прогимназий и прошли испытания на право работать в соответствующих учреждениях в системе образования¹¹⁶. Высоким уровнем квалификации отличались преподаватели рисования, являющиеся, чаще всего, выпускниками Строгановского художественно-ремесленного училища.

Преподавательский состав также вел активную общественную жизнь: учителя и преподаватели участвовали в спектаклях самодеятельных театров, создавали разные клубы и т. д.

Самой многочисленной и постоянно растущей группой педагогической интеллигенции в регионе в конце XIX – начало XX в. были учителя начальных школ. Согласно материалам однодневной переписи начальных школ России 1911 г., в начальных школах Вологодской губернии работало 2219 учителей и 1339 учителей Закона Божьего. На территории 5 уездов Новгородской, а впоследствии Череповецкой губернии – 1090 и 736 соответственно¹¹⁷.

¹¹³ *Силин А.В.* Учительство Европейского Севера в годы российской революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2000. С. 16.

¹¹⁴ *Востриков Н.И.* Третьего не дано. М., 1988. С. 12.

¹¹⁵ ГАВО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 92. Л. 7.

¹¹⁶ ГАВО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 722. Л. 23.

¹¹⁷ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Санкт-Петербургский учебный округ. СПб., 1913.

Материальное положение в значительной степени влияло на психологию поведения учительства, его социальный и духовный облик. Согласно постановлению 1908 г. минимальная ставка учителя не могла быть меньше 360 руб. в год, у преподавателя закона божьего – 120 руб.

Преобладающим окладом в изучаемом регионе в начале XX в. оказался оклад в 360 руб. в год. Каждые 5 лет происходило повышение оклада на 10% , в соответствие с установленными прибавками. В образцовых школах учителя дополнительно получали 20 руб. в год за образцовые уроки. С началом Первой мировой войны учителям Министерства народного просвещения (МНП) стали выплачиваться военные надбавки по 5 руб. в мес., а с января 1917 г. – по 10 руб. за дороговизну товаров¹¹⁸. Таким образом, к 1916 г. заработная плата сельского учителя колебалась от 360 до 420 руб. в год¹¹⁹. По данным И.В Сучкова, «...такой же труд учителя в Петроградской губернии оплачивался несколько выше»¹²⁰. Незавидным считалось также материальное положение преподавательского состава в городских начальных школах, несмотря на превышение их годового заработка на 100 руб. в сравнении с основным окладом сельских учителей. Заработная плата городского учителя составляла порядка 460 руб. в год, но этих денег было недостаточно даже для удовлетворения минимальных потребностей. В 1913 г. на основе опроса учителей в разных частях империи был составлен примерный годовой бюджет семейного народного учителя, сформированный с учетом действующих цен на товары и услуги (табл. 2), который наглядно демонстрировал, что основную статью расходов составляли затраты на питание (425 руб.), которые практически равнялись его заработной плате.

Таблица 2

Годовой бюджет семейного народного учителя¹²¹

Вид расходов	Стоимость (руб.)
--------------	------------------

¹¹⁸ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

¹¹⁹ Воротникова Н.С. Исторический опыт начального образования в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2013. С. 17.

¹²⁰ Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 76.

¹²¹ Народный учитель. 1913. № 8. С. 8.

Питание	425
Воспитание и образование детей	260
Одежда, обувь, белье и т. п.	175
Книги	154
Летние поездки	75
Прислуга	75
Участие в общественной жизни	50
Периодическая печать	25
Театр	25
Религиозные потребности	10
Итого	1264

«Скудость средств» приводила к тому, что большая часть вынуждала учителей предпочитала одинокую бессемейную жизнь¹²². Судя по данным Школьной переписи, проведенной в Российской империи в 1913 г., в северных губерниях особенно низким уровень брачности был среди сельских учителей (табл. 3)¹²³.

Таблица 3

Уровень брачности среди сельских и городских учителей, %

Губерния	В городах						В сельской местности					
	не состоит в браке		состоит в браке		вдовых		не состоит в браке		состоит в браке		вдовых	
	муж	жен.	муж	жен.	муж	жен.	муж	жен.	муж.	жен.	муж	жен.
Вологодская	35,3	75,8	62,7	21,2	2,0	3,0	57,3	88,0	41,4	9,0	1,3	3,0
Новгородская	37,6	76,2	58,4	20,7	4,0	3,8	55,6	86,4	43,5	10,5	0,9	3,1

Соответственно, одной из наименее обеспеченных категорий российской интеллигенции оставалось учительство.

В средних учебных заведениях годовой доход преподавателей составлял от 750–900 руб. и выше в зависимости от квалификации и занимаемой должности. Помимо этого, отдельно оплачивались дополнительные уроки и выплачивались надбавки за выслугу лет¹²⁴. В итоге данная группа по своему материальному

¹²² Однодневная перепись начальных школ в империи... С. 17.

¹²³ Там же. С. 21, 22.

¹²⁴ ГАВО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 93. Л. 17.

положению приближалась к среднему чиновничеству. Существенная разница между сельскими и городскими учителями и преподавателями средних учебных заведений в оплате труда являлась отражением различий в их социальном статусе.

Медицинские работники составляют еще один профессиональный отряд интеллигенции, что связано с важностью оказания врачебных услуг населению. Численность медицинских работников в крае была незначительной. По данным «Ежегодника Вологодской губернии на 1911 г.», врачебный персонал губернии состоял из 97 врачей (в т. ч. 15 женщин), 329 фельдшеров (58 женщин), 15 зубных врачей (закончили высшие учебные заведения), 9 дантистов (закончили средние специальные учебные заведения) и 6 фармацевтов – всего 456 лиц. На территории будущей Череповецкой губернии в 1913 г. работало 27 врачей (из них 17 в сельской местности) и 61 фельдшер – всего 88 человек¹²⁵.

Среди фельдшеров основная часть практиковала в сельской местности, тогда как врачи, зубные врачи, дантисты и фармацевты работали в городах. Уровень благосостояния у врачей и фельдшеров отличался в разы – согласно данным за осень 1916 г. их заработки составляли 3,6 и 1,2 тыс. руб. в год соответственно¹²⁶. Еще сильнее по размеру доходов выделялись врачи, ведущие частную практику – по этому показателю часть из них сливалась с представителями мелкой буржуазии.

В конце XIX начале XX в. в России наблюдался промышленный подъем производства. Одновременно с этим по территории Вологодского края была начата прокладка железнодорожной ветки Санкт-Петербург-Вятка, что также способствовало росту промышленного производства в крае. В связи с этим как в крае так и по стране в целом начинает ощущаться нехватка профессиональных кадров. В связи с этим одной из актуальных задач к концу XIX стало создание сети специальных учебных заведений. Большую роль в развитии профессионального образования в России сыграл И.А. Вышнеградский. Под его руководством были разработаны «Основные положения о промышленных

¹²⁵ Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. Вологда, 1911. С. 68.

¹²⁶ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

училищах», утвержденные 7 марта 1888 г., в которых впервые в России законодательно устанавливалась единая система разрозненных прежде профессионально-технических учебных заведений¹²⁷.

Большую роль в подготовке и поддержке технических специалистов сыграло Русское техническое общество (РТО). Возникшее в Санкт-Петербурге в 1868 г. оно со временем вышло за его пределы. В различных городах стали появляться технические организации оказывающие поддержку техническому образованию. Не были исключением и города Вологодского края. В 1893 г. в Череповце был утвержден устав Общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Общество взяло под свое покровительство реальное училище, Александровское техническое училище и ряд др. учебных заведений города¹²⁸.

Важную роль в поддержке специалистов сыграло общество взаимного вспомоществования техников, окончивших курс Череповецкого Александровского технического училища. Устав общества был утвержден в 1894 г.¹²⁹ Согласно ему, основными целями общества являлись: 1) выдача единовременных и постоянных пособий нуждающимся членам общества и их семьям; 2) помощь в трудоустройстве воспитанников училища¹³⁰.

Частная инициатива также способствовала развитию профессионального образования. Большая заслуга в деле развития образования принадлежала главе города Череповца И.А. Милютину. В разное время под его покровительством находилось 10 городских учебных заведений¹³¹. начале XX в. развитие промышленности на Севере обусловило рост численности инженерно-технических кадров и специалистов, занятых в сфере материального производства и транспорта. Одновременно с этим растет престиж инженерно-технического образования. В 1910 г. конкурс в Череповецкое Александровское техническое

¹²⁷ Золотова Б.Е. Роль императорского технического общества в становлении и развитии профессионального образования в России в середине XIX– начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2008 №3. С.42

¹²⁸ Солодянкина О.Ю. Провинциальное сообщество в деятельности обществ взаимного вспоможения и вспомоществования (Череповец и Вологда на рубеже XIX–XX вв.) // Милютинские чтения. Социально-экономическое и культурное развитие России во второй половине XIX – начале XXI в. Череповец, 2015. С.22

¹²⁹ Устава общества взаимного вспоможения техников, окончивших курс в Череповецком Александровском Техническом училище: [Утв. 28 февр. 1894 г.]. СПб, 1897.

¹³⁰ Там же. С. 5.

¹³¹ Риммер Э.П. Проблемы «русского Оксфорда» в Череповце // Дело и Река. Череповец, 1998. С.60.

училище составил 4 человека на место.¹³² В 1904 г. прошедшая через Череповец железнодорожная магистраль связывала его с Петербургом. В результате это многие молодые инженеры петербуржцы стали отвечать на предложения местных промышленников переезжать в край с семьей и работать на местных предприятиях.¹³³ Точные данные о численности инженеров и техников в статистике ведомств отсутствуют, но можно предполагать, что к 1913 г. этот отряд на рассматриваемой части Европейского Севера России насчитывал около 150 человек (в 1898 г. – 57 человек)¹³⁴.

Обширные заливные луга в поймах р. Шексны и вдавшейся в нее значительно ниже по течению р. Молога, примыкающие к Пошехонскому краю, создавали блестящие перспективы для животноводства, которое получило бурное развитие в крае в начале XX века. В связи с этим обстоятельством началось формирование отряда сельской производственной интеллигенции в Вологодском крае приходится на рубеж XIX–XX вв. Она состояла из губернского и уездных агрономов и небольшого количества инструкторов и специалистов, занимающихся, в основном, маслоделием. Всего в Вологодской губернии на конец 1911 г. ее численность составляла 32 человек¹³⁵.

В конце XIX в. в Вологде открылась первая ветеринарная станция.¹³⁶ Наблюдение за исполнением правительственных постановлений лежало на Ветеринарном отделе Губернского правления. Ветеринарный персонал Вологодской губернии в конце 1910 г. насчитывал 78 лиц – 13 врачей и 65 фельдшеров. На территории будущей Череповецкой губернии в 1913 г. работали 5 ветеринарных врачей и 36 ветфельдшеров¹³⁷.

¹³² Солодянкина О.Ю., Трошина А.В. Деятельность Александровского технического училища во второй половине XIX – начало XX века // *Элементы жизнеустройства российского города второй половины XIX – конца XX в.: механизмы власти, политические и экономические структуры, общественные объединения, конфессиональная организация, социальная, образовательная, культурная среда*. Череповец, 2018. С.85.

¹³³ И.В. Петрашень и его семья: страницы прошлого. СПб., 2011. С.4

¹³⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. VII. Вологодская губерния... С. 126–131.

¹³⁵ Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. Вологда, 1911. С. 66–68; Блинчиков Г.Н. Здравоохранение // Череповецкий округ. Краеведческая справочная книга для учительства. Череповец, 1929. С. 306.

¹³⁶ Чернолуский В.И. Земство и народное образование. СПб, 1910. С.126.

¹³⁷ Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. Вологда, 1911. С. 55; Зырянин Я.С., Федоров И.Т. Сельское хозяйство // Череповецкий округ. С. 153.

Провинциальная интеллигенция несколько отличалась от столичной. Например, отсутствовала та лень и развращенность, о которой писали критики интеллигенции – авторы сборника «Вехи». Зато была жажда знаний, огромная внутренняя энергия, ощущение собственного успеха. С другой стороны, отсутствие внутренней, сформированной средой культуры и проживание в удалении от культурных центров приводили к тому, что подобный народный интеллигент «быстро выдыхался, разочаровывался и даже опускался»¹³⁸.

Большую роль в формировании культурной среды края сыграли те представители интеллигенции, что отбывали здесь ссылку в конце XIX – начале XX в. Общее число политических ссыльных в Вологодской губернии в начале XX в. составляла около 2000 человек. Среди них доля интеллигентов и служащих достигала 40 %.

Согласно Положению о полицейском надзоре ссыльным было запрещено заниматься любой педагогической и публицистической деятельностью. Для любого другого рода занятий необходимо было получить разрешение местного губернатора. С января 1901 г. по июнь 1903 г. в Вологде отбывал ссылку А.А. Богданов (Малиновский). Его деятельность в период вологодской ссылки была интенсивной и многообразной. Он продолжал изучение философии, политической экономии и других наук, много писал, печатался¹³⁹. В октябре 1901 г. А.А. Богданов устраивается врачом в земскую психиатрическую лечебницу в селе Кувшиново.

В начале XX в. в Вологде оформилась так называемая «литературная колония», куда в разное время, помимо А.А. Богданова, входили А.В. Луначарский, И.А. Саммер, С.А. Суворов, П.П. Румянцев, П.Л. Тучапский, В.Г. Крыжановская, И.Е. Ермолаев и др. В целом «литературная колония» «неблагонадежных лиц» была обширной и очень пестрой по составу. Среди них были революционеры со стажем и лица, высланные просто за «прогрессивную

¹³⁸ Трошина Т.И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России. Архангельск, 2011. С. 163.

¹³⁹ Новоселов В.И. Вологодская ссылка А.А. Богданова // Вестник Международного института А. Богданова. М., 2004. С. 11.

деятельность». Здесь блистал красноречием философ Н.А. Бердяев. Большим влиянием среди местных учащихся и ссыльных пользовался П.Е. Щеголев, будущий историк, автор классических трудов о жизни А.С. Пушкина и движения декабристов. В это время в Вологде пробовал себя в литературе Б.В. Савинков. Отметим также писателя А.М. Ремизова, автора ярких воспоминаний о событиях тех лет, называвшего Вологду «Северными Афинами». В «литературной колонии» был даже датчанин Оге Меделунг. Он приехал в Россию с целью наладить экспорт вологодского масла, но здесь сошелся с «неблагонадежными» – и на родину вернулся писателем-новеллистом¹⁴⁰.

В декабре 1895 г. в Вологодскую губернию был сослан В.А. Жданов. Здесь известный впоследствии адвокат начал свою юридическую практику. Сначала он работал столоначальником в управе г. Грязовца вместе с В.А. Кудрявцевым, затем был помощником присяжного поверенного в Консультации присяжных и частных поверенных при Вологодском окружном суде, а с 24 апреля 1902 г. по 1905 г. – присяжным поверенным в Вологде. К периоду вологодской ссылки относятся систематические и углубленные занятия О.А. Квиткина статистикой – на основе использования обширного материала земской статистики. Начав свою деятельность в губернском земском статистическом бюро, которым в те годы руководил известный статистик П.П. Румянцев, О.А. Квиткин проделал большую работу по обработке статистических материалов для обзора сельского хозяйства.

Современники считали вологодскую ссылку чрезмерно легкой, по сравнению с соседней архангельской¹⁴¹. П. Кочетов в своих воспоминаниях «Вологодская ссылка. 1907–1910» указывает на организацию в Никольске ссыльными школы для малограмотных (что официально было запрещено), которую ежедневно посещали около 50 человек. По воскресеньям при школе читались лекции по политэкономии и аграрным вопросам, а также устраивались танцы¹⁴². В 1910 г. отбывавший ссылку в г. Никольске бывший студент физико-

¹⁴⁰ Новоселов В.И. Указ. соч. С. 12.

¹⁴¹ Серов И. Вологодская ссылка // Вестник знания. 1909. № 8. С. 229; Калашикова Н.В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков // Европейский Север в судьбе России. 2005. С. 118.

¹⁴² Кочетов П. Вологодская ссылка 1907–1910 // Каторга и ссылка. 1932. № 4. С. 85

математического факультета Петербургского университета, член Санкт-Петербургского комитета РСДРП двадцатилетний А.А. Масленников организует здесь кружок. Членами кружка были политические ссыльные и городская молодежь. Основными темами для бесед были вопросы политэкономии и достижения науки и техники¹⁴³. Отбывая вологодскую ссылку в 1904 г., А.В. Амфитеатров продолжал сотрудничать с «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Русским словом». Осенью 1907 г. вологодский губернатор А.Н. Хвостов созвал «съезд ссыльных», по два представителя с каждого уезда губернии. Целью этого мероприятия было обсуждение вопросов ссылки и поиск путей улучшения положения ссыльных¹⁴⁴. М.И. Ульянова, отбывавшая вологодскую ссылку в 1912–1914 гг., как известно, давала уроки музыки и принимала участие в работе созданного политического ссыльными общества «Просвещение»¹⁴⁵. На ее адрес приходили посылки с литературой от В.И. Ленина из-за границы. Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о мягкости политической ссылки в Вологодском крае.

С начала 1900-х гг. в крае намечается тенденция оттока молодой интеллигенции в столицы для продолжения образования и поиска лучшей жизни. Например, за период 1909–1913 гг. из 72 выпускников Череповецкого Александровского технического училища (при подсчете учитывались только уроженцы рассматриваемого региона) 44 выехали в Санкт-Петербург, Москву и Нижний Новгород с целью продолжения учебы и последующего там трудоустройства¹⁴⁶. Это «оголяло» провинцию и тормозило процесс складывания культурной среды, подхлдящей для формирования новых, более устойчивых поколений интеллигенции.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. на территории Вологодского края происходил процесс формирования первого поколения местной интеллигенции с преобладанием в ней выходцев из мещан и крестьян,

¹⁴³ Мельчин А. Александр Масленников // Когда им было двадцать. М., 1982. С. 43.

¹⁴⁴ Мельчин А. Указ. соч. С. 79.

¹⁴⁵ Калашникова Н.В. Указ. соч. С. 119.

¹⁴⁶ ГАВО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 93. Л. 41–44.

придерживавшихся буржуазных взглядов. По роду занятий она разделялась следующим образом: учительство, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства, инженерно-технические работники и служащие.

Отдельную группу составляла политссыльная интеллигенция. Обладавшая высоким уровнем образования, она стала источником распространения в местной среде идей просвещения, столичной культуры и вольнодумства. Отношение к ней местного населения было неоднозначно. Пользуясь большой популярностью у городской учащейся молодежи и части городского населения, она так и не смогла завоевать доверие значительной части крестьянства, старавшегося от нее дистанцироваться. В целом, количество и состав дореволюционной интеллигенции края, уровень ее образования и профессиональной подготовки были напрямую связаны с общественными условиями жизни региона, представлявшего собой аграрную окраину России, где с начала XX в. стала развиваться промышленность.

1.2. Интеллигенция края в годы революции и Гражданской войны

Время с 1917 по 1920 гг. является важным отрезком в истории России, так как именно на данный исторический период приходятся революционные перемены, повлекшие за собой изменения в жизни как отдельных людей, так и целых профессиональных групп и непосредственно всей страны в целом. Не удалось избежать изменений и специалистам Вологодского края. Наряду с другими социальными группами, местная интеллигенция оказалась втянута в политический круговорот.

Сведения о численности и составе интеллигенции в Вологодском крае 1917–1920 гг. разрознены и, не редко, не сопоставимы. Одним из источников данных о численности технической интеллигенции в 1918 г. являются данные профессиональной переписи «фабрично-заводских служащих». По ней численность инженеров и техников в Вологодской губернии составляла 478

человек, а в Череповецкой – 234¹⁴⁷. В целом отсутствие надежных статистических данных не позволяет точно определить численность интеллигенции Вологды и Череповца в этот период. Точно можно сказать, что численность основных профессиональных отрядов интеллигенции выросла за счет вынужденных миграций. Архивные материалы отдела народного образования Вологодской губернии содержат значительное количество прошений о приеме детей в школу и средние учебные заведения г. Вологды от родителей-беженцев, что позволяет сделать выводы о перемещениях интеллигенции в указанный период. Содержащиеся в заявлениях беженцев название прежних мест жительства, указывают на то, что большая часть переселенцев бежала от войны и голода из европейских губерний России – Петрограда, Москвы, Поволжья. Социальный состав беженцев был весьма разнообразен: мещане, дворяне, духовенство¹⁴⁸. В число прибывших в регион специалистов входили и уроженцы данной местности, покинувшие провинцию ранее. Среди них были и представители так называемой «штучной интеллигенции»¹⁴⁹.

Февральская революция стала источником появления новых мыслей и потребностей, в их числе – стремление к коллективному действию, приведшее к появлению профессиональных союзов, ставших отражением профессиональных и политических взгляды в среде череповецкой и вологодской интеллигенции. В апреле 1917 г. заявил о себе профессиональный союз врачей Вологодской губернии, в мае оформился Череповецкий учительский союз и Союз инженеров и техников Вологодской губернии. Также в период с мая по август в Вологодской губернии в союзы оформляются агрономические работники, ветеринарные врачи

¹⁴⁷ *Иванова Н.А.* Российское общество накануне и в годы революции // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура*: Т.1. М., 2017. С.168.

¹⁴⁸ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–11; Д. 11. Л. 33–46; Д. 18. Л. 42–46.

¹⁴⁹ Например, А.А. Снятков – сын врача, окончил Вологодское реальное училище (1896 г.), учился в Петербургском горном институте, но не окончил его, т. к. за участие в студенческих волнениях был выслан в Вологду (1905) с запрещением держать экзамен. С 1912 г. – сотрудник Петербургского геологического комитета, один из организаторов и член редколлегии журнала «Поверхность и недра». В 1917 г. назначен членом Особого совещания по горным делам при Временном правительстве. В январе 1918 г. переехал с семьей в Вологду. Стал первым председателем Научно-технического комитета при губсовнархозе, председателем Вологодского общества изучения северного края (далее – ВОЙСК). Умер от тифа в 1919 г., во время командировки в Тотьму (*Ильинский Н.В.* А.А. Снятков Некролог // *Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного края*. Вологда, 1919. Вып. 1. С. 5–10).

и ветфельдшеры¹⁵⁰. Среди интеллигенции в этот период популярностью пользуются следующие общественно-политические деятели: В.Н. Трапезников, С.Е. Виноградов, Б.В. Беккер, С.С. Маслов и др.¹⁵¹

Анализ программных решений и резолюций съездов учителей, врачей, инженерно-технических работников позволяет определить политические ориентации интеллигенции краевой интеллигенции и ее отношение к революционным событиям. Съезд учителей Череповецкого уезда, состоявшийся в мае 1917 г., разработал одну из наиболее полных политических программ. В документе содержались требования созыва Учредительного собрания, создания демократической республики, гарантирования конституционных свобод и прав, отмены сословного деления, выборности должностей¹⁵².

Одним из наиболее острых вопросов для советской и российской историографии был и остается вопрос взаимоотношений между интеллигенцией и Советской властью. Вопрос о том, что определяло после Октябрьской революции политические позиции разных слоев интеллигенции, ставится в советской историографии начиная с 1920-х гг. В 1930-х гг. утверждается схема выделения отдельных групп интеллигенции после 1917 г. на основе уровня ее квалификации. Согласно данному подходу наиболее квалифицированную часть относят к явным врагам новой власти, менее влиятельных и квалифицированных – к колеблющимся, низшие слои определяют как сторонников¹⁵³. В дальнейшем эта схема была усложнена. Советский исследователь И. Луппол, приходит к выводу о том, что «...разделение идет и внутри каждой группы интеллигенции, и во всех них есть как противники, так и союзники Советской власти...»¹⁵⁴. С.А. Федюкин закрепил такой подход в отечественной историографии¹⁵⁵. В последующем исследователями выдвигались разного рода альтернативные критерии для оценки отношения интеллигенции и власти после 1917 г.: С.А. Федюкиным на первый

¹⁵⁰ ГАВО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 13. Л. 47. Д. 39. Л. 18.

¹⁵¹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАВО. Ф. 266. Д. 4. Л. 67; Ф. 530. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.

¹⁵² ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹⁵³ Иванов А.И., Швейцер В.Л. Борьба за кадры пролетарских специалистов. М., 1932.

¹⁵⁴ Луппол И. Интеллигенция и революция // Новый мир. 1939. № 7. С. 177.

¹⁵⁵ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 26.

план выводятся профессиональные интересы¹⁵⁶, а А.В. Квакиным обращается внимание на психологические факторы¹⁵⁷. В среде занятых умственным трудом указывается многообразие политических убеждений— от монархических до леворадикальных; от поддержки власти большевиков или нейтралитета до ведения активного саботажа и контрреволюционной деятельности.

На приход большевиков к власти и установление диктатуры пролетариата интеллигенция Вологды и Череповца отреагировала по-разному. На проходившей в Вологде 18 декабря 1917 г. губернской конференции РСДРП(б) значительная часть интеллигенции, представлявшая местные ячейки, партии меньшевиков и эсеров, воздержавшись при голосовании по итоговой резолюции о «безоговорочной поддержке политики СНК», тем самым показывала большевикам, что она отказывается от открытой борьбы и всё еще надеется на создание «коалиционно-социалистического» правительства¹⁵⁸. В свою очередь большевики «...по причине отсутствия грамотных управленцев и невозможности найти пока замену интеллигенции» оставили за ней практически все занимаемые на тот момент должности в местном самоуправлении и хозяйстве — с ограничением влияния на народные массы¹⁵⁹.

Несколько иначе развивались события в Череповце. Вплоть до 15 декабря 1917 г. ни одно из работавших тогда в городе учреждений и союзов не пускало к себе представителей советов и никаких дел им не передавало, а принимавшиеся в это время большевиками постановления назывались незаконными и никем не выполнялись. Лишь после ареста ряда представителей уездного земского собрания во главе с его председателем А.И. Гуковским происходит укрепление положения большевиков в уезде¹⁶⁰. Новгородское губернское земское собрание 19 декабря 1917 г. постановило не признавать Совнарком, Советы и все их декреты «считать недействительными». Гласные

¹⁵⁶ *Он же*. Указ соч. С.4.

¹⁵⁷ *Квакин А.В.* Российские интеллигенты в 1917–1928 гг. как актанты в точке бифуркации // *Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры*. Екатеринбург, 1998. С. 30–34.

¹⁵⁸ *Вологодский листок*. 1917. 21 декабря.

¹⁵⁹ *Ветошкин М.К.* Указ. соч. С. 93–94.

¹⁶⁰ ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

считали, что «вся власть в губернии должна принадлежать органам самоуправления, возглавляемым губернским земским собранием, с исполнительным органом его – губернской земской управой». Последней поручалось «принять меры к осуществлению постановлений собрания и объединению органов местного самоуправления для активного противодействия вмешательству большевиков, войти по этому поводу в соглашение со всеми земскими и городскими самоуправлениями губернии, демократическими организациями и войсковыми частями»¹⁶¹. Однако следует заметить, что считать данные действия горожан полностью антисоветскими было бы неверно. Скорее их можно объяснить стремлением горожан и городской интеллигенции защитить себя от Советов, где преобладали крестьянские депутаты, многие из которых в глазах горожан были «лапотниками», знающими только свой деревенский мир¹⁶². Надо полагать, что население малолюдных уездных северных городов боялось такого нашествия крестьян, которые с легкостью разрушили бы привычный образ жизни горожан¹⁶³.

После образования Череповецкой губернии в июне 1918 г. около 70 % местной интеллигенция «...в связи с отсутствием достаточного количества квалифицированных кадров из рабочих и крестьян» будет востребовано губернскими властями и займет различные должности в различных государственных учреждениях¹⁶⁴.

Борьба советов народных депутатов с так называемой «контрреволюционной» интеллигенцией также протекала по-разному. В первые месяцы Советской власти в Вологде легально функционировали местные организации «Партии народной свободы», «Трудовой народно-социалистической партии» и группы «Единство». Арестованный в феврале 1918 г. председатель вологодского губкома партии кадетов инженер-железнодорожник Борис Валентинович Беккер после некоторых перипетий был вскоре освобожден и

¹⁶¹ Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). СПб., 2011. С. 241.

¹⁶² Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М., 2002. С. 70.

¹⁶³ Трошина Т.И. Указ. соч. С. 257–259.

¹⁶⁴ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 1. Д. 3. Л. 11, 12–14.

оставлен работать на прежнем месте¹⁶⁵. По воспоминаниям члена французской военной миссии П. Паскаля прибывшего в Вологду начале мая <...> в городе практически «не пахло большевиками» <...> и он жил по старому. Извозчик привычно обращается «барин», работали театры и рестораны¹⁶⁶. Г.Е. Чаплин вспоминал, что находившиеся в те дни в Вологде под надзором ЧК великие князья Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович, а также княгиня Татьяна Константиновна свободно ходили по городу и неоднократно посещали дом английской военной миссии¹⁶⁷. «Благоприятными» для работы «Союза Возрождения» считал сложившиеся в это время в Вологде условия Н.В. Чайковский¹⁶⁸.

Однако с середины мая ситуация начала меняться. Ухудшение экономического положения вызвало резкое падение авторитета большевиков даже в городах. С весны 1918 г. в Архангельске, как и в целом на Севере, вновь начала быстро расти популярность умеренных социалистов. Меньшевики и эсеры призывали население к смещению стоящих у власти «грабителей и предателей». Местные большевики были уверены, что им не удержать руководство в своих руках, и просили срочно прислать из центра агитаторов, чекистов и военные отряды латышей¹⁶⁹. Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 18 мая 1918 г. утверждалась «Советская ревизия» в северных губерниях: Архангельской, Вологодской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Ярославской. В ее состав вошли представители почти всех наркоматов во главе с наркомом М.С. Кедровым с отрядом латышских стрелков из 33 бойцов¹⁷⁰.

В Вологде «Советская ревизия» работала с 5 июня по 6 августа. Буквально на следующий день стали издаваться приказы о закрытии «антисоветских» газет: «Северное эхо», «Вольный голос Севера», «Северная Заря», «Единство». В

¹⁶⁵ *Панов Л.С.* Вологда весны и лета 1918 года глазами английских журналистов // Вологда: Ист.-краевед. Альманах. Вологда, 2003. Вып. 4. С. 32.

¹⁶⁶ *Паскаль П.* Русский дневник 1916-1918. Екатеринбург, 2014. С.487.

¹⁶⁷ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на севере (1918 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 50.

¹⁶⁸ *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский на «Белом фронте» // Белый Север. Вып. 1. С. 76.

¹⁶⁹ *Новикова Л.Г.* Указ. соч. С. 65.

¹⁷⁰ Известия Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (далее – Известия Вологодского губисполкома). 1918. 24 мая.

«Известиях Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов» был опубликован приказ М.С. Кедрова об аресте и передаче революционному трибуналу за контрреволюционную деятельность и неповиновение власти В.Н. Трапезникова¹⁷¹. Однако В.Н. Трапезникову удалось скрыться.

В целом отношения Советской власти и каждого отдельного профессионального отряда интеллигенции складывались по-разному и имели свои особенности.

Большая часть учителей в регионе отрицательно оценивала Октябрьский переворот 1917 г., они рассматривали большевиков как изменников и узурпаторов власти¹⁷².

Негативное отношение к событиям октября 1917 г. выразила подавляющая часть учительского сообщества страны. Спустя несколько недель это недовольство было оформлено в программный документ, который вышел от лица Совета Всероссийского учительского союза (далее – ВУС). В нем говорилось: «...В чрезвычайный период, в котором сейчас находится страна, нужны чрезвычайные меры: остановка работы всех учебных заведений в городах – все равно от такой учебы, которая идет теперь, мало проку; все освободившиеся силы распределить между фронтом и тылом... Учить, учить, и к весне мы будем иметь граждан, способных логически мыслить, и большевикам будет нанесен сокрушительный удар»¹⁷³. Руководство ВУС, хотя и демонстрировало неприятие Октябрьской революции, рекомендовало учительству отказаться от непродуманных действий. В первую очередь совет ВУС акцентировал внимание на профессиональной деятельности педагогов – «учить, учить» – и на той функции, которую в 1917 г. пытались реализовать педагоги – стать политическими учителями народа¹⁷⁴.

¹⁷¹ Известия Вологодского губисполкома. 1918. 20 июня.

¹⁷² ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

¹⁷³ *Оснос Ю.* Из послеоктябрьской истории интеллигенции // Историк-марксист. 1940. № 8(84). С. 31.

¹⁷⁴ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

Преподаватели Череповецкой учительской семинарии разделяли позицию Всероссийского учительского союза о непризнании Советской власти.¹⁷⁵

В это же время состоялся очередной учительский съезд, на котором присутствовало более двухсот делегатов. Состав его оказался на стороне меньшевиков и эсеров. За признание Советской власти голосовало всего лишь два делегата.¹⁷⁶ После окончания съезда лидер череповецких меньшевиков В.Н. Касаткин и лидер эсеров В. Башилов были арестованы¹⁷⁷.

В целом действия череповецких учителей в части борьбы или мира с Советами выходили за рамки городских, поэтому встал вопрос о выработке общей линии всего учительства. Необходимо было собрать уездный съезд. Организовать его удалось достаточно быстро, и уже в феврале начал работу 4-й уездный учительский съезд¹⁷⁸.

Работа съезда была посвящена текущему положению дел в стране, а основное содержание докладов сводилось к событиям Октября. «Революция совершена не определенным классом, а деклассированной массой солдат, которые шли за социалистами во имя лозунга: «Долой войну!». Часть докладчиков пыталась доказать собравшимся, что в действиях большевиков по отношению к армии, рабочим и крестьянам сплошной обман. Во всех вопросах большевики не сделали того, что обещали. И не могли сделать, потому что у нас нет условий для проведения в жизнь социализма. Большевики перевернули вверх ногами Маркса. По Марксу, социализм может осуществляться только после того, как развитие промышленности и капитализма достигнет кульминационного пункта, и введен он может быть лишь во всемирном масштабе¹⁷⁹. Кроме того, докладчиками отмечалась особая роль учительства «...как одного из наиболее культурных элементов общества», который должен поддержать Учредительное собрание.

¹⁷⁵ Лебедев В.М., Тяпунов В.С., Карачаева З.Л. и др. Череповецкая учительская семинария (1875–1919 гг.) // Очерки по истории народного образования в Череповце. Вып. 1. Л., 1970. С. 78.

¹⁷⁶ Павловцев П.Л. Полвека назад. Вологда, 1968. С. 70.

¹⁷⁷ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.

¹⁷⁸ ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

¹⁷⁹ Там же. Л. 32, 33.

В конце съезда была принята резолюция, но ее текст нами обнаружен не был, и примерное ее содержание мы знаем лишь из доклада председателя Череповецкого губернского исполнительного комитета И.В. Тимохина, который присутствовал на этом съезде. Из его доклада следует, что учительство большинством голосов (142 «за» и 2 «против») отвергло контакт с Советской властью, заявило о необходимости борьбы с ней под лозунгом «За Учредительное собрание!» и методом борьбы избрало политическую забастовку¹⁸⁰.

В то же время Вологодская губерния не испытала каких-либо потрясений от учительских выступлений.

В опубликованной в январе 1918 г. в вологодской газете «Вольный голос Севера» статье «Вопросы народного образования» анонимный автор называет просвещение народа и мирное культурничество спасением для педагогов в условиях социально-экономических потрясений является¹⁸¹. Подобные настроения встречаются у значительной части педагогов, и они могли бы послужить основой для установления диалога между властью и учительством.

В дальнейшем взаимоотношения между вологодским учительством и местной властью продолжают складываться непросто. Между педагогами и властью существовал конфликт по вопросам представительства первых в губернном Совете по народному образованию (СНО). Учительское сообщество восприняло весьма болезненно и настороженно отнеслось к действиям новой власти по превращению школы в инструмент классовой.

В то же время сама власть не хотела идти навстречу. Нарком А.В. Луначарский на страницах периодических изданий заявляет, что «...Советская власть при поддержке учителей, которые остались верны школе, своему народу, образованной молодежи, учителей фронтовиков,...откроет необходимое количество школ»¹⁸².

Но все-таки новая власть нуждалась в специалистах и не оставляла попыток наладить диалог с интеллигенцией. Для того чтобы привлечь

¹⁸⁰ Там же. Л. 36.

¹⁸¹ Вольный голос Севера. 1918. 9 января.

¹⁸² Вострикова Н.И. Третьего не дано! М., 1988. С. 96.

учительство на свою сторону, в конце марта 1918 г. культурно-просветительский отдел Вологодского губисполкома вырабатывает постановление «О совещательных педагогических коллегиях», которое планировалось сформировать из «компетентных лиц педагогического персонала, представители культурно-просветительских организаций, ведущих воспитательную работу среди демократических масс Вологодской губернии»¹⁸³. В апреле 1918 г. создаются подобные коллегии. Они обозначили общее направление деятельности для школ и проработали целый ряд принципиальных вопросов, связанных с реформой школы. Создавались педагогические коллегии не только в губернском центре, но и в уездах. Например, в июне 1918 г. такая коллегия образуется при Вельском уездном отделе народного просвещения¹⁸⁴.

В весьма затруднительное положение поставило себя череповецкое учительство. Как уже было сказано, оно не признало новую власть, но надо было на что-то жить. Естественно, встает вопрос: «Как быть и что делать?». Первыми начинают зондировать почву городские учителя. Уже 18 февраля проходит съезд городской учительской организации. На нем принимается следующее решение: «Пока Советам подчиниться как неизбежному злу, под условием невмешательства в наши дела, дела профессионального союза»¹⁸⁵. Вслед за городским учительством на сотрудничество с новой властью идет и сельское учительство. Таким образом, материальный вопрос поневоле заставлял учительство идти на сотрудничество с властью.

Между Советской властью и учительством имелась основа для делового сотрудничества. Этой связующей нитью могла стать борьба с неграмотностью, реформа школы. Но при этом не стоит забывать, что мнение учительства по поводу осуществления этих мероприятий не совпадало с официальным. Власть и учительство были согласны в одном – школу надо реформировать.

На протяжении всего 1918 г. отношения между властью и учительством постоянно балансировали на грани. Резкие высказывания представителей власти

¹⁸³ ГАВО. Оп. 1. Ф. 111. Д. 3. Л. 42.

¹⁸⁴ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3. Л. 42; Д. 50. Л. 9; Д. 106. Л. 20, 21.

¹⁸⁵ ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

об учительстве не позволяли им развиваться, обрывая только установившееся взаимопонимание.

В мае 1918 г. комиссар просвещения В. Романов заявил на съезде народных учителей Вологодского уезда: «В связи с враждебным отношением съезда к Советской власти уездный комиссариат просвещения вообще прекращает с ним всякое сношение, а также отказывает съезду в помещении и выдаче суточных»¹⁸⁶.

Власть была не готова выпустить из-под своего контроля сферу народного образования. Нередко, выступая перед учительской аудиторией на съездах, советские руководители всех уровней высказывались в их адрес следующим образом: «...Учителя требуют от нас передачи в их ведение дел народного образования, но это мы, ни когда не совершим; образования народного Советская власть из своих рук не выпустит»¹⁸⁷.

Шагом на пути к расколу в учительской корпорации стало создание Союза учителей-интернационалистов (СУИН). Власти, вместо того, чтобы попытаться достигнуть компромисса со Всероссийским учительским союзом, решили параллельно создать аналогичную ему организацию. Однако предполагалось, что новый союз будет временной, преходящей организацией и выступит в роли предтечи однородного и идеологически правоверного союза¹⁸⁸.

Не просто складывались отношения интеллигенции и с населением, которое зачастую обвиняло ее в происходящих событиях, какой бы они ни были политической ориентации¹⁸⁹. В высказываниях крестьян зачастую было много негатива в адрес учителей: «Вам, учителям, не надо было Николая, а нам и при нем жилось хорошо. А если теперь, без Николая, будем жить плохо – то и вас, и училище сметем. Распространенное мнение среди населения наших мест, что во всем виноваты учителя и учительницы»¹⁹⁰. В отношении сельской интеллигенции

¹⁸⁶ Вольный голос Севера. 1918. 23 мая.

¹⁸⁷ Известия Вологодского Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 22 июня.

¹⁸⁸ Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994. С. 381.

¹⁸⁹ Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М., 2016. С.325.

¹⁹⁰ Скорохов С. В глуши // Вольный голос Севера. 1918. 22 января.

постоянно слышались «оскорбления, угрозы, упреки»; «иначе как «буржуй» их и не зовут» Но какой же буржуй «учитель, крестьянский сын, кончивший учительскую семинарию, в летнюю пору работает с косой и серпом в руках бок о бок со всей деревней?!»¹⁹¹

Согласно одному из предположений, цель подобного отношения была сугубо прагматической и заключалась в стремлении избавиться от «чужих». Тем более что еще до революции крестьянам учителя и учительницы, как правило, были «чуждыми» людьми, жившими, по выражению учителя, «как-то на отлете, так же, как обыкновенно стоят школы в деревнях – на голом месте, без всякого прикрытия, неуютно и холодно». Некоторые преподаватели указывали, что крестьяне видели в них «баричей и дармоедов». Им казалось, что «учительская работа легкая», что учитель «ничего не делает». Они считали завидными условия жизни учителя или учительницы, а их деятельность рассматривали как своеобразный псевдотруд, поскольку его результат не приводил непосредственно к созданию материальных благ¹⁹². Единственное, за что прежде хоть как-то крестьяне ценили школьное образование, – это льгота при прохождении воинской службы. В результате после революции для «крепких» крестьян оно потеряло всякий смысл. Часть интеллигенции обвиняла в происходящем не столько народ, сколько большевистских агитаторов в связи с их нападками на земство.

Начиная с 1918 г., сельское учительство стало испытывать нарастающее давление со стороны волостных органов власти, которые стремились найти врага, чтобы отвести недовольство населения от себя и заработать авторитет у вышестоящего руководства. Свидетельством этому являются жалобы на действия местных советов деревенской бедноты, которые регулярно поступали в Вологодский и Череповецкий учительские союзы¹⁹³. Учительница Ягановской волости (Череповецкая губ.) жаловалась на проведенный без всякого основания и соблюдения соответствующих правил, на занимаемой ее жилплощади обыск. В

¹⁹¹ *Деревенский С.* В Никольском уезде // Вольный голос Севера. 1918. 22 января.

¹⁹² *Зубков И.В.* Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М., 2010. С. 196–197.

¹⁹³ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 106. Л. 22; ЧЦХД. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

письме ее отдельно выделяются предметы, которые были расценены как доказательство в участии антисоветской пропаганды: фотографии депутатов I и II созыва. Особое негодование педагога вызвало пропажа ценных вещей из дома во время обыска, а также штраф в размере 20 рублей. Учитель Петриневской волости (Череповецкая губ.) после обнаружения у него в доме в сундуке фотографий «бывших членов Императорской фамилии» был обвинен «...в организации монархического заговора и приговорен к трем месяцам ареста»¹⁹⁴.

Причины жесткой критики учительством мероприятий Советской власти стоит искать не только в содержании различных программных документов. Здесь причины поддержки или критики во многом определялись политическим состоянием на микроуровне и зависели во многом от действий даже не губернских, а уездных властей. Так, Кадниковский уездный исполком на призыв из губернского центра «...наладить диалог с местным учительством, несмотря на его партийную принадлежность и взгляды...» отвечал недоуменно, что наше учительство весьма убогого образования... Состав его – главным образом, поповны и поповичи, дети кулаков, есть и чистокровные дворянчики. В большинстве своем они сторонники монархистов, жмут на Советскую власть, ругают большевиков и создают массу других сложностей. На курсы собираются весьма медленно... В политике разбираются плохо, так же, как свинья в апельсинах. 90 % всего учительского персонала – беспартийные, из оставшихся 3 % – кадеты, 3 % – социалисты-революционеры, 2 % – коммунисты и 2 % – анархисты... Таким образом, только после перевыборов учительского состава можно говорить о начале диалога¹⁹⁵.

В Вытегорском уезде при активной поддержке местных властей еще в марте 1918 г. Бюро Союза учащихся выдвинуло своего, сначала временного, а затем и постоянного, представителя в состав уездного совета, которым стал учитель Кондукского двухклассного училища А.Е. Бугин¹⁹⁶. В апреле 1918 г. на должность помощника Вытегорского уездного комиссара просвещения по

¹⁹⁴ ЧЦХД. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8, 23–24.

¹⁹⁵ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 106. Л. 134.

¹⁹⁶ ГАВО. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 29. Л. 46.

рекомендации Бюро Союза учащихся был избран учитель В.В. Воздвиженский¹⁹⁷. Успешно переговоры с учительством вели череповецкие уездные власти. Здесь в июне 1918 г. Усищевская учительская организация приняла резолюцию, в которой говорилось о признании Советов как власти революционной, но при этом оставила за собой право на неисполнение отдельных правительственных распоряжений: «В полном объеме исполнять все разумные предписания, принципиально не противоречащие рациональному ведению дел народного образования». Впоследствии подобные резолюции приняли и другие учительские организации уезда¹⁹⁸.

Постепенно, на протяжении всего 1918 г., во взглядах и сознании местных учителей происходят изменения, и в итоге предопределяется развал губернских отделений ВУС. Ярким примером является история Вельской уездной организации союза, бывшей в Вологодской губернии одной из наиболее многочисленных. К ноябрю 1918 г. в ее составе насчитывалось около 230 человек. Вельское отделение ВУС существовало с мая 1917 г., но к осени 1918 г. его деятельность практически прекращается. Власти надеялись, что по итогам ближайшего учительского съезда педагоги примкнут к СУИН, выразив тем самым, свое крайне негативное мнение в адрес руководства ВУС. Данное убеждение было небеспочвенным, т. к. на всем протяжении 1918 г. на уездных учительских съездах дискуссии велись, главным образом, по вопросам педагогического и административно-хозяйственного характера¹⁹⁹.

В итоге все ВУСовские организации в Вологодской губернии прекратили свою деятельность до 28 декабря 1918 г., когда коллегией губернского ОНО было принято постановление о роспуске всех губернских отделений ВУС и конфискации их средств.

Довольно легко объяснить желание власти распустить Всероссийский учительский союз: тем самым она избавлялась от опасного идеологического конкурента в среде учительства. Слишком серьезны были различия в

¹⁹⁷ Там же. Л. 51.

¹⁹⁸ ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

¹⁹⁹ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 8. Л. 147 об.

мировоззрении Союза и власти. Вместе с тем, роспуск ВУС создавал для власти на данном этапе и некоторые проблемы. «Ошибкой являлось, даже по верным убеждениям, вычеркнуть целую группу учительствующих, которых не кем было заменить, – указывал Н. Иорданский»²⁰⁰.

Создание новой учительской организации было делом довольно непростым. Союз учителей-интернационалистов провел учредительное собрание в помещении Пролетарского университета в Вологде лишь после ликвидации местной организации ВУС 29 декабря 1918 г. Стоит отметить, что на первом собрании присутствовала только малая часть педагогов. Организаторы собрания объяснили малую численность собравшихся вызвано тем, что «учительское сообщество еще не отреклось от своей верности к идеям только что прекратившему существованию ВУС, что раздумья учительствующих в плане выбора политической стороны продолжаются»²⁰¹.

Наибольшие опасения учительства были связаны с тем, что, как они считали, местные отделения СУИН будут изначально политизированной структурой, поскольку предполагалось их создание при отделах народного просвещения исполкомов. Это, в свою очередь, подрывало к ним доверие как к организациям, создаваемым учительством. Организаторы нового союза прямо заявили: «...Это объединение будет крепко стоять на защите интересов Советской власти и будет осуществлять ей всевозможную поддержку»²⁰².

Интеллигенция нужна была Советской власти только в качестве профессионалов, послушных воле партии, а не как выразительница интересов общества. Данная позиция была представлена в выступлениях руководителей всех уровней, о нем писала пресса – от центральных изданий до местных листовок.

В программе партии, принятой VIII съездом РКП(б), намечалась подготовка работников просвещения, «проникнутых идеями коммунизма»,

²⁰⁰ Балашов Е.М. Становление системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 (на материалах Петрограда): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 57.

²⁰¹ Известия Вологодского губисполкома. 1919. 3 марта.

²⁰² Известия Вологодского губисполкома. 1919. 3 января.

широкое пропагандирование «коммунистических идей» и с использованием «аппарата и средств государственной власти»²⁰³ для ведения агитации.

В мартовском номере Грязовецкой уездной газеты «Деревенский коммунары» за 1919 г. писалось: «В трудовой школе нет учителей, а есть школьные работники»²⁰⁴. Выступая с критикой школьных инструкторов из числа учителей председатель уездного ОНО А.А. Субботин, указал в одной из своих статей в местной прессе на то, что к числу опасных качеств таких инструкторов относится их приверженность к прежним взглядам и подходам к учительскому труду: «Он (инструктор) думает, что учитель должен только учить»²⁰⁵.

При создании СУИН власти надеялись, что данная организация поможет укрепить ее влияние в учительской среде. Однако эта попытка оказалась неудачной: педагоги отдавали предпочтение профессиональной деятельности и стремились отстраниться от политики. Противопоставление ВУС и местных учительских организаций стало следствием стремления властей внести раскол в педагогическое сообщество. Лидеры Наркомпроса призывали: «Не противопоставлять работу СУИН с другими учителями»²⁰⁶. Но на практике происходило обратное. Учителя-интернационалисты получали от властных структур деньги, помещения и т. д., при этом власти не стремились к установлению каких-либо взаимоотношений с Всероссийским учительским союзом, даже «на почве» чисто экономических вопросов.

Учительство, поначалу испытывавшее опасения за судьбу ВУС, к осени 1918 г. уже устало от затянувшегося противостояния между Советской властью и общероссийским профсоюзом. Стала звучать критика по отношению некоторых установок руководства союза со стороны педагогов на местах. И в итоге они стали относиться к роспуску союза либо индифферентно, либо поддерживали его роспуск.

²⁰³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 76–83.

²⁰⁴ Деревенский коммунары. 1919. 20 марта.

²⁰⁵ Земля и труд. 1919. 16 февраля.

²⁰⁶ Крупская Н.К. Странная педагогика // Педагогические сочинения. Т. 2. М., 1958. С. 63.

С целью подавления учителя старой формации и удаления из школы не устраивающих власть педагогов, 27 февраля 1918 г. Государственная комиссия по просвещению принимает постановление об организации выборов на педагогические и воспитательные должности. Более детальная инструкция по проведению выборов вышла в июне, а в сентябре 1919 г. появился циркуляр Наркомпроса о проведении перевыборов. Согласно данным документам, выборы были обозначены как классовые, а их цель заключалась «...в «очистке» учительства от всех «вредных» для власти элементов, «опасных» для строительства советской школы. Формирование рядов учительства из лиц, прежде не имевших доступ в школу»²⁰⁷. По результатам вышеуказанных мероприятий был установлен «специальный порядок назначения на местах новых лиц», с указанием ненормальности введения образовательного ценза для назначений на учительскую должность: «... Тем, кто хочет отдать себя работе в новой школе, но не имеет нужных документов об образовании, надо дать шанс путем colloquium в специальной группе выявить необходимые знания для деятельности учителем в новой школе»²⁰⁸. Предстояли выборы и перевыборы абсолютно всех постоянно работающих в школе лиц, в том числе и технических служащих. Заниматься данным вопросом должны были специально созданные коллегии, в состав которых вошли представители исполнительных комитетов советов, профсоюзов, отделов народного образования и т. д. Представители от школьных коллективов получили право только совещательного голоса, и в составе коллегий их могло быть не более двух человек. Таким образом, предполагалась установить систему выборов и перевыборов, через которую постоянно будет проходить все российское учительство.

Результатом такого подбора педагогических кадров стало проникновение в школу людей малограмотных, зато действующих в русле, необходимом власти. Другой результат дала перевыборная кампания 1919 г. За счет мобилизованных с

²⁰⁷ ГАВО. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 99. Л. 119.

²⁰⁸ Там же. Л. 119 об.

фронта, снижения образовательного ценза власти удалось омолодить кадровый состав учительства, сделать его податливым и лояльным.

Советское руководство органов народного образования отметило, что перевыборы 1919 г. проходили более продуктивно, по сравнению с предыдущим годом. А.А. Субботин, председатель Грязовецкого УОНО Вологодской губернии, констатировал: «Выборы в этом году организованы лучше, хотя и далеки от идеальных». Власти обратили внимание на изменение состава учительских кадров и взяли это в расчет при процессе подготовки перевыборов. В то же время подчеркивалось, что среди вологодского учительства достаточно лиц, которые не разделяют идеалов передовых слоев трудящихся и ожидают возврата старого, гибели Советской власти. «Таким образом, целью ближайших лет в деле формирования учительских кадров... станет полное изгнание из учительской среды представителей дворян, лиц духовного или купеческого происхождения, противников Советской власти и учителей, которые высказывали свое несогласие с принципами Единой трудовой школы»²⁰⁹.

Упомянутый выше А.А. Субботин отметил в своих размышлениях о перспективах перевыборов учителей, что «старое учительство ушло»²¹⁰. Уместность этой фразы на тот момент весьма сомнительна. Материалы региональной статистики показывают, что еще в 1925 г. доля учителей, работавших в школах Вологодской губернии, чей педагогический стаж работы превышал 10 лет, составляла 37 %²¹¹.

Положение технической интеллигенции, уже в первые годы после установления Советской власти, было привилегированным по сравнению с другими ее группами. Объяснялось это выполняемыми в экономике функциями инженерно-техническими работниками (ИТР). В частности, III Всероссийский съезд профсоюзов принял постановление, согласно которому ИТР получили право

²⁰⁹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 3. Д. 10. Л. 76.

²¹⁰ Известия Вологодского губисполкома. 1919. 9 марта; ГАВО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 28. Л. 123.

²¹¹ Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 гг. Вологда, 1929. С. 28.

организовывать технические секции²¹². Автономных прав внутри союза не было больше ни у какой другой группы интеллигенции. На этом же съезде произошло принятие резолюции «Специалисты в промышленности», в которой указывалось на необходимость создания более благоприятных условий для инженеров и техников. Согласно принятому СНК в 1919 г. декрету «Об улучшении положения научных специалистов» было установлено усиленное снабжение продовольствием научных и инженерно-технических кадров²¹³. Что касается денежного выражения, то ставка инженера высшего 35-го тарифного разряда была в четыре раза превышала размер оплаты труда работников 1 разряда – сторожей и уборщиц. Однако в связи с высокими темпами инфляции, в годы Гражданской войны главную роль играли не деньги, а продовольственный паек²¹⁴.

Как отмечалось выше, часть дореволюционной интеллигенции отрицательно отнеслась к установлению Советской власти и оказывала ей активное сопротивление, используя в качестве оружия наиболее действенный метод – саботаж.

В конце декабря 1917 г. вышло обращение Правления Общества русских врачей памяти Н.И. Пирогова с призывом к врачам принять участие в борьбе против надвигающейся реакции²¹⁵. Вологодский профессиональный союз врачей присоединился к этой резолюции «Пироговского съезда». На прошедшей в марте 1918 г. губернской конференции инфекционистов было принято итоговое заключение: «Нарождающийся совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, санитарные органы в громадном большинстве своем состоят из лиц малокомпетентных и неопытных в санитарном деле, наносящих вред в деле охранения народного здоровья»²¹⁶.

Эту резолюцию члены союза подтвердили и на состоявшемся 30 июня 1918 г. «холерном съезде». Вологодскими врачами признавалась необходимость

²¹² Ермушин М.В. Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2001. С. 31.

²¹³ Резолюции партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1969. С. 156.

²¹⁴ Советская интеллигенция: история формирования и роста (1917–1965). М., 1968. С. 128.

²¹⁵ Алексеев В.П. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 85–87.

²¹⁶ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

управления медико-санитарным делом в губернии различными надзорными органами, но местные организации врачей по-прежнему считали, что существовавший губернский санитарный орган и большинство других санитарных организаций на местах не удовлетворяют интересам народного здравоохранения и «...поэтому члены союза считают невозможным вступать в эти органы...»²¹⁷. Вместе с тем, вполне осознавая, что долг каждого из членов медицинского сообщества – отдавать все свои знания, опыт и силы для охранения дела народного здравоохранения, союз определенно высказывался за допустимость участия отдельных его членов в работе медико-санитарных отделов. Членами союза отвергалась всякая мысль о саботаже Советской власти. Каждый врач, полагали они, должен оставаться на своем посту и работать так же, как и раньше²¹⁸.

После Февральской и Октябрьской революций 1917 г. медико-санитарное обслуживание населения заметно ухудшилось, что привело к увеличению числа сторонников объединения под единым государственным центром всех форм ведомственной медицины – городской, военной, земской, страховой, фабрично-заводской и иных.

Профилактическое направление – принцип советского здравоохранения, который начинает активно реализовываться в России после 1918 г. Свидетельством данному утверждению являются первые постановления Советской власти: декрет от 28 января 1919 г. – о мероприятиях по борьбе с сыпным тифом; декрет от 10 апреля 1919 г. – о мерах борьбы с эпидемиями, декрет о санитарной сохранности жилища и ряд других другие²¹⁹.

В этот период наблюдается острая нехватка медицинских кадров, для преодоления которой принимаются меры по привлечению трудящихся к медико-санитарной. В первую очередь Советская власть нуждалась в специалистах высшего звена, поэтому первоочередной задачей в решении кадрового вопроса

²¹⁷ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

²¹⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.

²¹⁹ Цит. по: Барсуков М.И. Великая октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. М., 1951. С. 195.

ставилась подготовка как можно большего количества квалифицированных кадров.

22 января 1918 г. для объединения всех медицинских учреждений создается губернский медико-санитарный отдел при губисполкоме.

Сергей Константинович Соловьев стал первым заведующим губернным отделом здравоохранения²²⁰. В уездах создание медико-санитарных отделов происходит несколько позже. К апрелю 1918 г. в этом подразделении уже работало 3 врача, один из которых принял в свое ведение врачебное отделение бывшей губернской управы, которое к этому времени было упразднено²²¹.

Управление губернным медико-санитарным отделом осуществлялось коллегией, в состав которой входили заведующий отделом и члены, избранные на проведенных в период с 30 июня по 26 августа 1918 г. общегубернских съездах врачей. В обязанности коллегии входило: организовывать и осуществлять всю медицинскую помощь населению в г. Вологде и уездах, а также разрабатывать мероприятия по профилактике заболеваний²²².

Следует отметить, что при создании и функционировании уездных медико-санитарных отделов возникали значительные трудности по причине отсутствия постоянной и регулярной связи с уездами, вследствие чего даже получение сведений о заразных заболеваниях не всегда было возможным. Отсутствие единства в организации руководства медициной также не способствовало упрощению ситуации.

На местах, особенно в самой Вологде, деятельность губернского медико-санитарного отдела постоянно осложнялась различными обстоятельствами. Например, принятое на первом губернном врачебном съезде врачей решение о коллективном руководстве медицинским делом врачами в городах и уездах было опротестовано представителями профсоюза фельдшеров²²³.

²²⁰Цит по: Турупанов Н.Л. Дело, выбранное сердцем. Очерки из истории медицины Вологодского края. Вологда, 1993. С. 43.

²²¹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 135. Л. 74.

²²² ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 72. Л. 14.

²²³ Там же. Д. 1. Л. 12.

По предложению вологодского профсоюза врачей управление медицинскими учреждениями в губернии должно было перейти в руки врачей, но представители фельдшеров выразили несогласие с таким решением и разработали собственный проект, согласно которому в коллективном управлении медицинскими учреждениями должны были принимать участие представители всех категорий медицинских работников. При этом предполагалось что совместные решения будут приниматься не только по административно-хозяйственным вопросам, но и в лечебных.

На совещании, проходившем в сентябре 1918 г., вспыхивает дискуссия по данному вопросу, в ходе которой представители фельдшерского профсоюза упорно отстаивают свою позицию, даже на наличие решения первого Всероссийского съезда врачей, состоявшегося в июне 1918 г. в Москве, на котором «...также признавалось важным, чтобы за коллегии врачей закреплялась возможность организовывать лечебный процесс и любое другое необходимое в медицинских целях мероприятие»²²⁴.

Полученное из Наркомздрава в декабре 1918 г. штатное расписание губернского и уездных медико-санитарных отделов только подтвердило, что именно к врачам переходит все управление медико-санитарным делом. После получения штатов все дискуссии по данному вопросу были прекращены²²⁵.

Тяжелое положение с медицинскими кадрами заставило президиум Вологодского губисполкома в марте 1919 г. обратиться в медицинский совет Наркомздрава с запросом об открытии в Вологде медицинского факультета.

Данное предложение нашло положительный отклик Ученого медицинского совета, который приветствовал открытие медицинского факультета в Северной области как базы для подготовки кадров здравоохранения Европейского Севера России. Однако от окончательного заключения об открытии его именно в Вологде совет воздержался.

²²⁴ Цит по: *Виноградов Н.А.* Теоретические основы советского здравоохранения // Организация здравоохранения в СССР. Т. 1. М., 1958. С. 38.

²²⁵ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 135. Л. 75; Нестеренко А.И. Как был организован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории Советского здравоохранения. М.: Медицина, 1965. С.52-53.

С целью сдвинуть данный вопрос с мертвой точки Вологодским губисполкомом 10 сентября 1919 г. формируется организационный комитет, который должен был решать все вопросы, связанные с непосредственным открытием медицинского факультета в Вологде. В его состав вошли: профессора Вологодского молочно-хозяйственного института В.И. Лемус и П. Калантар, профессор Петроградского университета Н.Е. Введенский, профессор Военно-медицинской академии В.А. Оппель и заведующий губернским отделом здравоохранения доктор медицины С.К. Соловьев²²⁶.

Предпринятые губернскими властями меры с целью получения положительного ответа по данному вопросу результатов не дали, а местные власти пустили данный вопрос на самотек.

В 1920 г. был проведен общий съезд врачей со всей губерний. На данном съезде избрали постоянное бюро врачебной секции, в состав которого вошли С.И. Островский, С.К. Соловьев, Н.Я. Полубояринов и Н.В. Фалин. С.К. Соловьева был выбран на пост председателя, избрали, Н.В. Фалин стал его заместителем, а С.И. Островский – секретарем бюро²²⁷.

В связи с переходом лечебно-медицинского обслуживания под контроль государства не мог не возникнуть вопрос о продолжении существования частной медицинской практики, вели которую, чаще всего, врачи с наиболее высоким уровнем квалификации. Занятые в государственных учреждениях медики также оказывали населению подобные услуги, поскольку их зарплаты не всегда было достаточно для обеспечения нужд семьи, не говоря уже о полном достатке.

Некоторое количество медицинских работников, проникнувшихся социалистическими идеями, в том числе и часть врачей г. Вологды, уже в 1920 г. считали, что Советскому правительству следует принять декрет о запрете частной практики²²⁸. Неоднократно поднимали вопрос о необходимости декрета, вводящего запрет на ведение частной медицинской практики, и представители

²²⁶ Там же. Д. 5. Л. 1.

²²⁷ Цит по: *Турупанов Н.Л.* Указ. соч. С. 45.

²²⁸ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 144. Л. 7.

новой власти. Однако подобную позицию по данной проблеме разделяли не все профессионалы.

Так, в 12 номере газеты «Известия ВЦИК» от 19 января 1921 г. была опубликована статья наркома здравоохранения Н.А. Семашко «Медицинская Сухаревка», в которой разбиралась ситуация с ведением частной врачебной практики.

Выражая несогласие с введением декрета о запрете частной практики, автор указывал на необходимость гарантий всеобщей медицинской помощи для советских граждан. Он писал, что в первую очередь требуется предоставить каждому гражданину Советской республики возможность получения быстрой и квалифицированной медицинской помощи, и только потом решать вопрос о принятии соответствующего декрета.

Официально Наркомздрав выразил свою позицию по отношению к частнопрактикующим врачам в циркуляре от 20 мая 1921 г., где было сказано, что частная практика представляет собой пережиток капиталистического строя и вступает в противоречие с основными началами всеобщей медицины.²²⁹».

Непосредственного декрета о запрете занятий частной медицинской практикой не было, но были декреты, наносившие по этому роду деятельности существенный удар. Например, декретом СНК от 20 декабря 1920 г. (п. 7, 8) разрешалось изъятие медицинского оборудования у лиц, занимающихся частной практикой.

Можно считать, что официальный запрет на занятие частной медицинской практикой привел бы к дальнейшему ухудшению отношений между Советской властью и интеллигенцией в ситуации, когда она нуждалась в специалистах. Поэтому, скорее всего, Советской власти легче было представить работу частнопрактикующих врачей как «буржуазную деятельность», «пережиток прошлого» с указанием на то, что медицинская помощь должна находиться в ведении государства. Изымая у старой русской медицинской интеллигенции медицинское оборудование, а порой и целые медицинские кабинеты, которые

²²⁹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 46. Л. 8 об.

создавались годами, Советская власть, по сути, присваивала себе имущество врачей, ссылаясь на необходимость борьбы с эпидемиями и высокую смертностью населения, в результате чего они становились вынуждены работать в государственных медицинских учреждениях.

Однако новая власть в стремлении привлечь медиков на свою сторону использовала не только репрессивные меры. В мае 1921 г. СНК принимается решение о снабжении научных специалистов (к ним относились и врачи) продовольственным пайком²³⁰. Постановлением СНК от 25 августа 1921 г., врачи, состоящие на общественной и государственной службе, не подлежали выселению из занимаемых ими помещений²³¹.

В целом за годы Гражданской войны уровень подготовки выпускника школы резко снижается. Вологодское и череповецкое учительство оказывается в бедственном материальном положении. Многие были вынуждены сменить сферу деятельности, а пришедшая на освободившиеся вакансии смена, за частую, не имела ни достаточного уровня образования, ни достаточного опыта работы. Проведение политики по созданию «новой» школы нанесло ей огромный ущерб. До революционная школа в итоге оказалась практически разрушена, но никакой новой школы, тем более «идеальной», построить не удалось. Это признавал нарком А.В. Луначарский, подводя итоги пройденного пути. «В первый период максимального революционного энтузиазма, – писал он в 1923 г., – мы, в высшей степени правильно наметив для нашей эпохи конечный идеал школы, безоглядно пустились к его реализации, не имея для того никаких ресурсов, в силу чего мы производили часто ненужные разрушения (хотя многое и должно было быть разрушено) и часто оказывались повисшими в воздухе»²³².

Инженерно-техническая интеллигенция находилась в наиболее комфортных с точки зрения социально-правового положения условиях. Связано это было с тем, что в условиях социально-экономической разрухи власть наиболее остро нуждалась в услугах инженерно-технической интеллигенции. В

²³⁰ Там же. Д. 135. Л. 17.

²³¹ Там же. Д. 125. Л. 2.

²³² Луначарский А.В. О народном образовании. Статьи и речи за период 1917–1929 гг. М., 1958. С. 225–226.

Вологодском крае данная профессиональная категория составляла вторую по численности специализированную группу интеллигенции после учительства. В рассматриваемом регионе местным органам власти удастся уже в первые месяцы после Октябрьской революции наладить отношения с этой группой специалистов, фактически не используя против нее карательные меры.

В годы военного коммунизма местными губернскими властями предпринимаются все возможные в данных условиях меры для проведения мероприятий, направленных на вовлечение медперсонала в борьбу с массовыми заболеваниями и эпидемиями. На протяжении всех этих лет в изучаемом регионе существует острая нехватка врачебных кадров. Советское здравоохранение уже с первых месяцев своего существования пытается привлечь на свою сторону как можно больше врачей с дореволюционным стажем. Для привлечения врачей к работе в губздравицах используются как насильственные методы (в первую очередь путем декрета о всеобщей трудовой повинности и создания различных препятствий для ведения частной практики), так и «пряник» – продовольственные пайки, защита жилища от уплотнения. В свою очередь, медицинская интеллигенция, воспитанная в традициях духовности и порядочности, большей частью отрицательно восприняла действия Советской власти, но, сохраняя верность своему делу, продолжала работать, борясь с эпидемиями, последствиями голода и разрухи.

1.3. Привлечение специалистов к государственному строительству в 1918–1921 гг.

Осознание руководством Вологодского совета народных депутатов того, что без участия квалифицированных кадров не удастся осуществить стоящие перед ним задачи государственного строительства, пришло довольно рано. Уже весной 1918 г., задолго до того как к этому процессу подключились центральные власти, губисполком начал осуществление ряда мероприятий по принудительному привлечению на службу опытных работников. Первым шагом в

этом направлении стало обязательное постановление Вологодского губисполкома от 30 апреля 1918 г. Констатируя, что в городе имеется целый ряд лиц, обладающих специальными знаниями и опытом, но упорно отказывающихся занимать соответствующие их знаниям должности, а местная власть по этой причине вынуждена приглашать специалистов со стороны, обеспечивая их в условиях продовольственного кризиса продуктами и квартирой, исполком обратился к проживающим в городе специалистам с предложением приступить к работе по специальности, угрожая в противном случае выселить их с занимаемой жилплощади и выслать из города²³³.

Неотъемлемой частью в отношениях между советской властью и интеллигенцией становятся мобилизационные методы. Подтекстом практики использования мобилизаций по отношению к интеллигенции являлась, якобы существующая необходимость заставить интеллигентов работать на пользу революции и народа. Революционная пропаганда закрепляла данную установку в общественном сознании, включая интеллигенцию в состав буржуазии или ссылаясь на близость их основных интересов, что вело к формированию у нее враждебного отношения к революции.

1 октября 1918 г. было опубликовано обязательное постановление Вологодского губисполкома о гражданской мобилизации. В соответствии с этим документом на тыловые работы по укреплению оборонительных позиций наряду с лицами, живущими эксплуатацией чужого труда, призывались и те, кто уклонялся от исполнения «общеполезных обязанностей соответственно своим профессиональным знаниям». К их числу постановление относилось «бывших» офицеров, адвокатов, судейских, агрономов, врачей, фельдшеров, ветеринаров и им подобных лиц, которые, «будучи противниками советского строя», не желали работать на пользу трудящихся и устраивались на должности, совершенно не соответствовавшие их квалификации и служебному опыту²³⁴.

²³³ ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 117. Л. 11, 11 об.

²³⁴ Известия Вологодского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. № 211.

Последующие мобилизации специалистов производились на основе целого ряда правительственных актов, первым из которых был декрет СНК от 19 декабря 1918 г. об учете и мобилизации технических сил РСФСР²³⁵. Следует отметить, что переход на советскую государственную службу мог быть не только добровольным. Вследствие крайней нехватки проводились «трудовые» мобилизации различного рода специалистов. Мобилизация специалистов являлась существенным фактором, влиявшим на социальный состав местных органов хозяйственного управления, поскольку они пополнялись «непролетарскими» элементами. Однако доступ на руководящие посты для них был ограничен.

В этот период зачастую представители вологодской и череповецкой интеллигенции обвинялись в трудовом дезертирстве. Показателен пример ветеринарного врача Н.В. Павловского, который неоднократно подавал в Вологодский губернский медико-санитарный отдел заявление о невозможности продолжения работы по причине прогрессирования болезни. Советская власть относилась к подобным ситуациям, как к дезертирству, о чем свидетельствует ответ медико-санитарного отдела: «...ветеринарный врач Павловский с момента установления Советской власти в губернии выявлял попытки хворать и именно тогда, когда население в ветеринарной помощи более всего нуждалось»²³⁶.

Дефицит подготовленных кадров породил настоящее соперничество между различными учреждениями за обладание грамотными специалистами.

Своеобразными лидерами в этом отношении выступали несколько советских организаций. Прежде всего, это Вологодское управление Северной железной дороги, создавшее, пожалуй, наиболее привлекательные условия для служащих. По словам зав. отделом распределения рабочей силы губисполкома, управление Северной железной дороги (далее – СЖД), установив «бешеные» оклады, нанимало на службу всех лучших работников, в числе которых – «нотариусы, прокурор, инженеры и вологодское купечество»²³⁷. Как неоднократно сообщали местные газеты, железнодорожные служащие

²³⁵ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998. С. 145.

²³⁶ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 43. Л. 16, 16 об.

²³⁷ ГАВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

снабжались по более высоким нормам и такими продуктами, о которых в условиях всеобщего дефицита другие могли только мечтать (например, сахаром)²³⁸.

Дополнительным преимуществом работы в железнодорожном ведомстве было то, что с апреля 1919 г. его служащие по причине важности выполняемой ими работы и в целях создания благоприятных условий труда были ограждены от выселения из квартир, реквизиции и конфискации имущества²³⁹.

К числу «теплых» мест относили также губернский совет народного хозяйства, совет коммунального хозяйства и некоторые другие²⁴⁰.

Именно недовольство таким неравноценным распределением опытных кадров, когда «во многих советских учреждениях прельщенные красноармейским пайком, на должностях курьеров, рассыльных телефонистов и мелких канцелярских служащих находятся люди со специальными познаниями и высшим образованием, а в других учреждениях на должностях, требующих специального познания, служат люди без всякого образования», подвигло губисполком на принятие обязательного постановления о сборе сведений о служащих учреждений г. Вологды. После получения требуемых данных предполагалось заставить «работников интеллигентного труда» работать по специальности, распределяя их по нуждающимся учреждениям²⁴¹.

Для сохранения за собой нужных специалистов некоторые ведомства шли на уловки, всячески избегая давать информацию о них заинтересованным организациям. В частности, управление СЖД так и не прислало в отдел распределения рабочей силы полного списка своих служащих, ограничившись перечнем лиц, принятых на работу через биржу труда²⁴².

Значительная часть специалистов была готова идти на сотрудничество с властью и включиться в строительство Советского государства. Помимо прагматических причин, подтолкнувших «старую интеллигенцию» к переходу на

²³⁸ Известия Вологодского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. № 65.

²³⁹ Известия Вологодского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1919. № 88.

²⁴⁰ Известия Вологодского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. № 246.

²⁴¹ ГАВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

²⁴² Там же. Л. 25.

сторону Советской власти, существовали и психологические аспекты, связанные с потребностью обретения хоть какого-то смысла в обесмысливавшейся взаимной ненавистью жизни²⁴³.

В январе 1918 г. Народный комиссариат просвещения (далее – НКП) провозгласил о начале создания единой трудовой школы. Местные губернские отделы образования приглашали учителей вне зависимости от взглядов и партийной принадлежности принять участие в выработке единых программ образования²⁴⁴. Учительство всех городов и уездов, как Вологодской, так и Череповецкой губерний, весьма воодушевленно встретило данное воззвание. Практически все учебные заведения губерний послали своих представителей на педагогические съезды, проходившие в период с февраля по июль 1918 г.²⁴⁵. В обеих губерниях на съездах обсуждались следующие вопросы: преподавание Закона Божьего и возможности его сохранения в школьном курсе в качестве факультатива, понятие «трудовая школа» и проблемы преподавания в ней гуманитарных предметов. Большая часть родителей высказалась за сохранение преподавания религиозных предметов. Мнение родителей было поддержано и большинством учителей²⁴⁶.

Достаточно резко было раскритиковано само понятие «трудовая школа». В заявлениях учительства присутствовало недоумение по поводу данного термина, организации преподавания в подобных заведениях не связанных с трудом предметов – литературы, музыки, русского языка и других, того, в какой форме будет установлена связь между умственной и физической деятельностью²⁴⁷.

Специалисты инженерно-технического профиля, причастные к проблемам развития хозяйства региона, были сосредоточены в основном в аппарате органов губернского хозяйства. Одновременно часть их входила в состав научно-педагогических кадров. Именно представители этой «штучной» интеллигенции во многом определяли стратегию хозяйственного и

²⁴³ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 460.

²⁴⁴ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 63. Л. 9; Д. 55. Л. 1.

²⁴⁵ ГАВО. Ф. 111. Д. 55. Л. 2–5, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 16; ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1 Д. 1. Л. 19.

²⁴⁶ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 2. Д. 41. Л. 4; ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

²⁴⁷ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 63. Л. 7, 8, 9.

социокультурного развития региона. Проблемы, которые они пытались решить, были откликом на «вызов Времени и Места»²⁴⁸. Рассматривая деятельность инженерно-технических сил Вологодского края в этот период, можно утверждать, что указанный отряд занимался преимущественно решением региональных задач, которые были определены исходя из потребностей центра в освоении производственных сил, как края, так и Севера²⁴⁹.

В апреле 1918 г. в Кириллове состоялся съезд работников водного транспорта. Его программу определил недавно подписанный Россией Брестский мир и возникшие в связи с этим проблемы развития системы водного транспорта страны²⁵⁰. Одновременно с этим обсуждалась проблема отсутствия обустроенных водных путей из центра России к северным портам и необходимость продолжения начатых еще до революции и позволявших решить эту задачу работ по шлюзованию р. Шексны и реконструкции водной системы герцога А. Виртембергского²⁵¹.

В мае 1918 г. строительные работы на данных объектах признаются стратегически важными «для обеспечения экономической и военной безопасности страны», что приводит к значительному увеличению финансирования²⁵². В период с 1918 г. по 1921 г. на участке Шексинско-Беломорского водного пути сооружаются шлюзы в районе деревень Топорня, Иванов Бор, Мякса, Черепаново. Руководителям работ назначается известный инженер-гидротехник И.В. Петрашень. Ранее под его руководством были проведены работы по реконструкции Мариинской водной системы. Производимые работы имели большое социально-экономическое значение и для самой Череповецкой губернии: в районах, непосредственно прилегавших к стройке, значительно снизилась безработица. Кроме того, стройка такого масштаба способствовала притоку квалифицированных кадров из других регионов страны, часть из которых

²⁴⁸ Рыженко В.Г. Указ. соч. С. 167.

²⁴⁹ См.: Десять лет строительства Советской власти в Вологодской губернии. Вологда, 1927; и др.

²⁵⁰ ЧЦХД. Ф. 446. Оп. 1. Д. 41. Л. 42.

²⁵¹ Там же. Л. 45.

²⁵² Ленин К. К переустройству Мариинской системы // Хозяйство Северо-Западного края. 1924. № 2. С.80.

впоследствии осталась на постоянное жительство (инженеры Д. И. Алексеев, П.А. Валуев, Д.П. Успенский, и др.)²⁵³.

В конце 1918 г. инженерами К. Кроксом и Я. Иогансоном был разработан окончательный проект шлюзования рек Сухона и Северная Двина. Его осуществление, по мнению инженеров, с одной стороны, позволило бы поднять уровень воды на данном участке до судоходного на протяжении всего навигационного периода, а с другой – обеспечило бы этот регион дешевой электроэнергией. По мнению инженеров, выполнение указанных работ открыло бы новую страницу в истории Вологодской губернии и Севера: наличие в одном месте дешевой электроэнергии, больших природных богатств и квалифицированных кадров позволило бы развить здесь и другие отрасли промышленности (деревообработка, судостроение и др.). Одновременно шли подготовительные работы по постройки железнодорожных линий Котлас-Кемь и Котлас-Кострома.²⁵⁴

Подготовительные работы по осуществлению данного проекта начинаются в 1919 г. В июле того же года геологом Н.В. Благовещенским было проведено геологическое обследование бассейна Сухоны (особенно района Старой Тотьмы и д. Камчуги) с целью сбора образцов мергелей и известняков, которые могли бы служить сырьем для изготовления портландского цемента, используемого при строительстве гидротехнических сооружений²⁵⁵.

Окончательно геологические работы завершаются к декабрю 1920 г. Результаты их были представлены в книге геолога-ботаника Н.В. Ильинского²⁵⁶.

Первые строительные работы планировалось начать уже в 1921 г., но по мере затихания Гражданской войны, после ликвидации Северного фронта в апреле 1920 г., к этим работам теряет интерес военное ведомство, которое до этого рассматривало северные реки как надежную транспортную артерию, которую можно использовать для доставки военных грузов. С 1921 г.

²⁵³ ЧЦХД. Ф. 446. Оп. 1. Д. 41. Л. 3–6.

²⁵⁴ ЧЦХД. Ф. 446. Оп. 1. Д. 46. Л. 45.

²⁵⁵ Там же. Д. 69. Л.10.

²⁵⁶ *Ильинский Н.В.* Вологодский край (Естественно-геогр. очерк Вологод. губ.). Вологда, 1923.

финансирование данных работ значительно снижается, теперь они финансируются только из бюджета Народного комиссариата путей сообщения²⁵⁷.

Как видим, пытаясь решать свои профессиональные задачи на микроуровне в рамках отдельно взятого региона, местная интеллигенция органично соединяла это с гражданским долгом в служении России, стремлением к ее подъему и желанием сделать страну «мощным экономически развитым государством, с богатой культурной жизнью». Перед частью инженерно- и научно-технической интеллигенции, занимающейся в силу своей профессиональной принадлежности, модернизацией городов, была поставлена еще более ответственная задача. «Люди дела» играли чрезвычайно важную роль в вопросах налаживания городской жизни, они были необходимы для решения повсеместно вышедших на первый план задач по благоустройству и строительству. В течение 1917 г. заглавные публикации в журнале «Городское дело» только подчеркивали важность данного «вызова времени». Поиском решений занимался Музей города в Петрограде, при котором для достижения данной цели были открыты курсы для коммунальных работников в 1918 г.²⁵⁸. Эти курсы прослушали и череповецкие инженеры П.В. Кушнар, О.Ф. Мани²⁵⁹. После этого ими был разработан проект «План и перспективы развития г. Череповца на 10 лет». Его обсуждение шло с 17 по 21 сентября 1918 г. В своих докладах инженеры представили планы строительства новых промышленных объектов на территории города. Показывали выгоды, которые дает городу его географическое положение: железнодорожный узел Петроград-Сибирь и Мариинской водной системы. В целом проект получил положительный отклик, но из-за отсутствия средств в городском бюджете реализоваться не мог. Исключение составил один из пунктов плана – строительство в городе электростанции. По этому вопросу отделом народного хозяйства г. Череповца было организовано отдельное открытое обсуждение «...о возможности начала строительства в городе электростанции», проект которой был разработан еще в 1913 г. Инженерами П.В.

²⁵⁷ ЧЦХД. Ф. 446. Оп. 1. Д. 92. Л. 50.

²⁵⁸ Рыженко В. Г. Указ соч. С. 170.

²⁵⁹ ЧЦХД Ф. 367. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

Кушнарем, О.Ф. Мани, А.М. Широковым, а также архитектором Шапиро доводилась до сознания собравшихся важность строительства этого объекта как для города, так и для региона в целом. Предлагалось активно привлечь к строительству электростанции городские предприятия и горожан²⁶⁰. В итоге, несмотря на острый дефицит средств в губернском бюджете, комиссией было принято положительное решение по данному вопросу. Производителем работ был назначен инженер Отто Федорович Мани²⁶¹.

В июне 1918 г. Главный продовольственный отдел Северной железной дороги при станции Череповец начинает строительство холодильных установок, а производителем работ назначается профессор В. Велихов. Дальнейшее развитие данного направления предполагало создания в городе широкого спектра перерабатывающей промышленности новых рабочих мест. После одобрения проекта Московским холодильным отделом Череповцу выделяются значительные денежные средства, что положительно повлияло на социально-экономическую обстановку в городе²⁶².

В соответствии с условиями края строили свою работу и региональные врачи. Одним из порождений Октябрьской революции стало санитарное просвещение. Это не объясняется сменой кадров, потому что после 1917 года кадровая преемственность сохранялась. Принципиально иной подход к санитарному делу и санитарному образованию после революции был обусловлен тем, что государство признавало первоочередную важность санитарных мер, гигиены и образования в построении новой жизни. Сам термин «санитарное просвещение» подразумевал переход от простой передачи знаний к формированию целого мировоззрения в соответствии с критериями здоровья и научными принципами.²⁶³ В Вологде в 1918 г. был образован санитарный отдел при горисполкоме, который в дальнейшем превратился в санитарно-

²⁶⁰ Там же. Л. 23, 24.

²⁶¹ ЧЦХД. Ф. 367. Оп. 1. Д. 1. Л. 39, 43, 135.

²⁶² ЧЦХД. Ф. 367. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.

²⁶³ *Бернстийн Фрэнсис* Представления о здоровье в революционной России: гендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы / *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. М., 2009. С. 218-219.

эпидемическую службу. Во время эпидемий холеры и «испанки», вспыхнувших в Вологде в 1918 г. и унесших, соответственно, 75 и 956 жизней, роль и деятельность данного бюро оказались чрезвычайно важны. Руководил губернским санитарно-эпидемиологическим отделом в эти годы Н.В. Фалин, а старшим санитарным врачом Вологды был В.В. Лебедев, возглавлявший санитарную службу города²⁶⁴.

Городская санитарная служба, появившаяся в результате усилий В.В. Лебедева, стала медицинской передовой организацией. Решительные действия санитарных врачей позволяли быстро локализовывать и ликвидировать вспышки инфекционных заболеваний. Значительные масштабы приняла госпитализация больных с острыми заразными заболеваниями. Первоначально инфекционная больница в Вологде была рассчитана на 60 коек, затем их количество возросло до 100, а в период эпидемий достигало 1200. Трудности в развитии медицины связаны были с нехваткой персонала и последствиями разрухи, голода и эпидемий²⁶⁵.

В феврале 1918 года «с целью улучшения медицинского обслуживания солдат Северной группировки Красной армии в Вологду был переведен Рижский военный госпиталь, в подразделении которого практиковали высококвалифицированные врачи: А.В. Грегори, Г.И. Прибытков, А.В. Штаркер, А.А. Фрейбергер и др.»²⁶⁶. Это событие дало новый толчок в деле развития медицинской помощи в Вологодском крае. Благодаря усилиям А.В. Штакера, который по специализации являлся неврологом, в Вологодской губернской больнице начинает действовать неврологическое отделение. В 1918 и 1919 годах на базе Вологодской губернской больницы дважды проводятся съезды военных хирургов Северного фронта с участием врачей из городских гражданских учреждений. В этот же период времени А.В. Штакером читаются лекции по неврологии и одним из первых в России проводится исследования летаргического энцефалита.

²⁶⁴ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 64. Л. 93 об.

²⁶⁵ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 88. Л. 16.

²⁶⁶ Цит. по: Турупанов Н.Л. Указ. соч. С. 47.

В Чреповце в эти годы большой вклад в санитарное дело внес врач С. Д. Чечулин. Среди городского населения им была продана большая профилактическая работа по пресечению распространения эпидемии «испанки»²⁶⁷.

Принятые государством меры по регулированию профессиональной деятельности интеллигенции в Вологодском крае позволили сформировать функционирующий без значительных сбоев аппарат земельных органов, здравоохранения, народного образования и других областей экономики. При этом крайне тяжелым было материальное положение самих специалистов. Нехватка продуктов привела к введению в крае осенью 1919 г. классового принципа их распределения, причем с увеличением дефицита паяк небольшевицким слоям урезался. Трудящиеся Вологды, выплата заработной платы которым велась за счет местных бюджетных средств, жаловались на свое катастрофическое положение: «Зарплата не выдается пятый месяц». Согласно сведениям Народного комиссариата здравоохранения, жалование врачей составляло 4,2 % от довоенного уровня. Аналогичная ситуация была с оплатой труда специалистов в других отраслях.

Помимо мобилизации, для решения вопроса со специалистами, губернские власти прибегали к организации различных курсов. В 1919–1921 гг. краткосрочные курсы закончили многие педагогические и медицинские работники²⁶⁸. Только в 1919 г. на краткосрочных фельдшерских курсы в г. Вологде отучились 215 человек. Помимо них, в Вологде работали и краткосрочные курсы по подготовке школьных учителей 1-й ступени, рассчитанные на 115 человек²⁶⁹. Однако стоит отметить низкий квалификационный уровень специалистов, прошедших обучение на подобных курсах, что привело к появлению группы маргинальной интеллигенции. Следствием маргинальности, как выяснил Ю.Н. Давыдов, явилась люмпенизация интеллигентности и распространение люмпенпсихологии. Как следствие, падение профессионализма, появление левозэкстремистских настроений, распространение

²⁶⁷ А.Д. Семенова-Тян-Шанская Записки о прожитом. СПб, 2013. С.80.

²⁶⁸ ВОИНПИ. Ф. 1853. Оп. 3. Д. 82. Л. 14.

²⁶⁹ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 82. Л. 22.

идей «казарменного социализма», ориентированного на уравнильность, что проявилось в 1920–1930-е гг.²⁷⁰.

Что касается социального облика интеллигенции, то основная ее часть оставалась «народной», поскольку еще только начиналось пополнение ее рядов выходцами из рабочих. Несмотря на изменения в мировоззрении под влиянием событий Гражданской войны, значительная часть интеллигенции придерживалась прежних взглядов и традиций. Поэтому в период 1918–1921 гг. основными задачами партии являлись налаживание среди интеллигенции разъяснительной и воспитательной работы с целью привлечения ее на свою сторону и предоставление информации о законах, постановлениях и распоряжениях Советской власти. Работы В.И. Ленина и статьи коммунистических деятелей, правительственные декреты и постановления, решения партийных съездов давали широкое обоснование теоретическому и практическому аспектам применения методов советизации. Становится общепринятым мнение, согласно которому воспитанная в духе враждебности к пролетариату интеллигенция не имеет с ним никакой связи. В.И. Ленину принадлежит идея о необходимости привлечения на сторону Советской власти специалистов. Говоря об учителях, он подчеркивал необходимость убедить тех в правильности коммунистических идей, чтобы преодолеть эсеровские настроения, сохранявшие популярность в учительской массе. В.И. Ленин призывал вырвать колеблющихся из «...чуждого» влияния и подготовить нового учителя верного духу партии...»²⁷¹. Для реализации указанных задач при губернских исполнительных комитетах были созданы политотделы.

Съезды и конференции, в которых принимали участие партийные, советские и общественные организаций, помогали организовать интеллигенцию, изменить идеологические установки и направить ее деятельность в единое русло. В решениях съездов и конференций нашла отражение общая установка партии по вопросу установления взаимоотношений Советской власти с дореволюционной

²⁷⁰ Давыдов Ю.Н. Эстетика нигилизма. М., 1975. С. 25–35.

²⁷¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 25–35.

интеллигенцией. На прошедшем 13 июля 1920 г. делегатском съезде работников Вологодской губернии тов. Шолина указала: «...интеллигенция еще не понимает образование коммунистической школы, но когда поймет сама без принуждения пойдет на сотрудничество с ней»²⁷².

Большая часть квалифицированных дореволюционных кадров русской интеллигенции оказалась не в состоянии сразу понять политику Советской власти и начать ее активно поддерживать. Новые формы хозяйственной жизни и методы работы многими оказались не восприняты. В уездах дополнительные трудности были связаны с тем, что на местах отделы народного образования формировались из крестьяне, которые сами приходили к учителям за разъяснениями, вместо того, чтобы выдавать инструкции²⁷³.

Советская пропаганда оказала заметную помощь в деле перевоспитания интеллигенции. Пресса пыталась донести до общества сведения о добросовестном и сознательном отношении к своему делу со стороны лучших представителей интеллигенции. Центральные и местные газеты сообщали об активном участии в построении новой жизни со стороны академиков, инженеров, учителей и врачей.

Выводы по главе 1

На развитие вологодской и череповецкой интеллигенции в дореволюционный период значительное влияние оказали следующие факторы: наличие развитого института земств; при активном участии череповецких промышленных кругов и городских властей была создана развитая для уездного города система общего и среднего профессионального образования; значительный поток ссыльной интеллигенции, которая принимала активное участие в жизни региона, внесла значительный вклад в развитие.

²⁷² ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 3. Д. 92. Л. 17.

²⁷³ ГАВО. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 52. Л. 14 об.

В период 1917–1921 гг. в социальной структуре советского общества интеллигенция составляла не более 0,7 % населения страны. В изучаемых губерниях при общем количестве населения в 1 703 990 человек доля специалистов составляла: 0,024 % инженерно-технических работников, 0,004 % врачей, 0,094 % учительствующих и 0,2 % – лица, занятые умственным трудом. На изменение динамики численности специалистов в этот период влиял приток интеллигенции, бежавшей от войны и голода из других регионов страны. В числе переехавших встречались и так называемые «штучные» специалисты, что положительно отразилось на качестве региональной интеллигенции. Кроме того, часть этих специалистов осталась работать в регионе и после окончания Гражданской войны.

События февраля 1917 г. местной интеллигенцией были встречены с воодушевлением, вылившимся в создание профессиональных союзов и объединений. На события октября 1917 г. и последовавшую за этим монополизацию власти большевиками никаких открытых протестов со стороны большей части региональной интеллигенции не последовало. Объяснить это можно надеждами на союз с большевиками. В свою очередь региональной властью против интеллигенции практически не использовались «жесткие» методы советизации. Более того, из-за недостатка узких специалистов органы управления на местах закрывали глаза на политические взгляды, а иногда и на социальное происхождение интеллигенции. Построение отношений со специалистами, таким образом, дало возможность местным властям, несмотря на расхождения в политических взглядах, организовать взаимное деловое сотрудничество. Итогом такого сотрудничества стало включение наиболее активной части интеллигенции в общественно-политическую жизнь страны. Так, в 1918 г. вологодское и череповецкое учительство активно вступает в дискуссию, связанную со школьной реформой. Соглашаясь с тем, что школу реформировать нужно, оно не боится выступить против предложений правительства и высказывается резко против организации строительства новой школы по трудовому принципу, пытается отстоять право преподавания Закона Божьего на факультативной основе. В

устранении последствий социально-экономической разрухи в крае уже в 1918 г. активное участие принимают представители инженерно-технической и медицинской интеллигенции. В 1918–1920 гг. представителям данных профессиональных групп местные органы власти еще позволяют сохранять свою индивидуальность в методах работы и организации личной жизни. Такая относительно спокойная социально-политическая обстановка обеспечила небольшой приток квалифицированных кадров из районов, где последствия Гражданской войны ощущались более остро.

В то же время уже в 1918 г. местными органами власти делаются первые шаги, направленные на организацию регулируемого процесса формирования интеллигенции. Изначально эти меры коснулись, главным образом, сельского учительства. Связано это было с тем, что социальную основу данной группы учительства составляли выходцы из духовенства и среднего крестьянства, придерживавшиеся, в основном, эсеровского политического курса и воспринимавшие большевиков как узурпаторов власти. Осуществление этой политики происходило путем перевыборов, замены наиболее негативно настроенных к Советской власти учителей педагогами, прошедшими краткосрочные курсы подготовки.

В целом за годы военного коммунизма в Вологодском крае с помощью краткосрочных курсов и выдвиженчества было подготовлено значительное количество работников умственного труда, имевших довольно низкую квалификацию. Начиная с этого времени, можно говорить о начале процесса маргинализации вологодской и череповецкой интеллигенции – явлении, которое было характерно для Советского государства. Важной особенностью данного периода является начало политизации специалистов. Для достижения этой цели при губернских исполнительных комитетах были созданы политотделы. Чаще всего, по причине отсутствия профессиональных пропагандистских работников, интеллигенция была вынуждена самостоятельно знакомиться с нормативной системой Советского государства и дополнительно заниматься политпросвещением населения.

Таким образом, в период военного коммунизма властью делается попытка выработать систему методов регулирования социального состава интеллигенции и на осуществление ее профессиональной деятельности.

Глава 2

Власть и интеллигенция в период НЭПа

2.1. Численность региональной интеллигенции и способы ее адаптации

Построить диаграмму, которая отражала численность, состав, уровень образования основных профессиональных отрядов интеллигенции в период НЭПа частично позволяют материалы, содержащиеся отраслевой статистики и прошедшей 17 декабря 1926 г. Всесоюзной переписи населения. В материалах переписи значительное место отводится демографической характеристике социального слоя служащих. Согласно переписи, на долю служащих приходится 3,9 млн. человек из 147 млн., или 2,6 % от общей численности населения страны. Если говорить о численности интеллигенции, то результаты Всесоюзной переписи показали, что в стране проживают 1,4 млн. лиц интеллигентного труда, или 35,9 % от общего числа служащих страны. В целом же доля интеллигенции равнялась 1% от общего числа населения. Проживание интеллигенции по регионам страны не было равномерным. Большая ее часть приблизительно 1/3 была зарегистрирована в населенных пунктах городского типа.

Согласно переписи в Вологодской и Череповецкой губерниях зафиксировано 70267 человек служащих, из них 53,8 % или 37802 человека проживали в городах. Непосредственно представителей интеллигенции, т.е. специалистов со средне-профессиональным и высшим образованием, а также руководителей всех уровней, насчитывалось 12899 человек или 18,4 %, что несколько ниже, чем показатели в среднем по стране. Сопоставив общей численностью населения края (1789652), то получается, что процент численности служащих и лиц относящихся к так называемым «свободным профессиям» равен 3,9 %, а собственно интеллигенции 0,7 %, что меньше общероссийских показателей, но выше, чем дореволюционные показатели по региону. Увеличение доли интеллигенции в регионе связано с развитием среднего профессионального

образования, выпускающего специалистов для народного образования, сельского хозяйства и отчасти для местной промышленности²⁷⁴. Дополнительную информацию об интеллигенции можно получить при рассмотрении ее возрастного состава. Из данных статистики видно, что увеличивается число молодых специалистов получивших образование уже в советских профессиональных учебных заведениях. Данный факт позволяет говорить о складывании советской интеллигенции. Иллюстративно с данными о интеллигенции края можно ознакомиться в таблице, которая составлена по результатам Всесоюзной переписи 1926 г. таблица 4.

Таблица 4

Данные об профессиональных отрядах интеллигенции и служащих Вологодского края в 1926 г.

Отраслевые отряды	Вологодская губерния	Череповецкая губерния	Итого, чел.	Соотношение групп к общему составу интеллигенции, %	В т.ч. в городах, чел.
Всего служащих, чел.	41995	28272	70267		37802
Всего интеллигенции, чел.	7778	5121	12899	100	
Специалисты наделенные властными полномочиями	2867	1963	4830	37,5	1233
Специалисты ИТР	691	603	1294	10	864
Сельскохозяйственная интеллигенция	473	310	783	6	382
Спец-ты торговли и кредита	107	61	168	1,3	62
Специалисты юриспруденции и права	74	49	123	1	51
Врачи и фельдшера	792	281	1073	8,3	479
Профессора, преподаватели	188	154	342	2,7	342

²⁷⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 18. Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Отдел 2. Основные занятия. М., 1929.

Учителя	1730	1403	3133	24,3	818
Творческая интеллигенция	62	34	96	0,7	77
Лица своб. проф.	794	263	1057	8,2	564

Несмотря на значительные изменения в количественном составе интеллигенции, сравнительно низкой оставалась численность специалистов в сельском хозяйстве, торговли и финансах, количество профессорско-преподавательского состава и работников искусства. На долю этих отрядов приходилось по 0,7–8,3% от общего количества интеллигенции. Такие данные говорят о том, что по-прежнему в регионе наблюдалась нехватка торговых, банковских, научных и агрономических специалистов, медиков и работников искусства.

Можно сделать вывод, что возвращение дореволюционной численности интеллигенции по основным профессиональным отрядам к 1928 г. не только было выполнено, а по отдельным специальностям превысило прежние показатели. Тем не менее, сохранился ряд черт дореволюционной интеллигенции, в частности относительно низким оставался уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки. Численность работников умственного труда с высшим образованием на рассматриваемой части Европейского Севера России составляла 1594 человека, или 12,3 % от общей массы интеллигенции, и 2,2 % – от служащих, то есть была ниже показателей в среднем по стране: согласно общероссийским данным, около 1/3 от общего количества работников интеллигентного труда получили высшее или среднее образование.

При анализе учительского состава края видно, что основная часть имела специальное образование – 54,3 %, с высшим образованием было 34,4 % учителей, а 11,3 % учителей вообще не имели профессионального образования.

В 1926 г. в составе медицинских работников насчитывалось 223 врача (20,8 %) и 850 человек среднего медицинского персонала (79,8 %). В сельском хозяйстве на 40 % специалистов имели высшее образование, и 60 % – среднее специальное. Высоким уровнем квалификации обладали инженерно-технические кадры, из них 264 инженера (20,4 %) получили высшее образование, а среднее –

1030 техников, или 79,6 %. Данных по практикам не представлено среди показателей переписи за 1926 г., но по ряду архивных материалов по отраслям народного хозяйства и из исследования А.Е. Бейлина, произведшего учет технических сил в СССР в 1920-е гг. можно сделать вывод, что их было достаточно много в медицине, сельском хозяйстве и в промышленности. Доля практиков среди техников доля составляла 30 %, в сельском хозяйстве было занято 44,6 % практиков без образования. Среди медицинского персонала низкая квалификация отмечалась у большинства аптечных работников и фельдшеров²⁷⁵.

Система среднего профессионального образования, набирающая обороты в 1920-е гг., становится одним из основных путей пополнения интеллигенции в регионе. Подготовкой специалистов с высшей квалификацией занимались ВУЗы в Центральной России, Сибири (Томск, Омск) и на Урале (Свердловск, Пермь)²⁷⁶.

В 1920-е гг. изменения происходят не только в численности интеллигенции (в сторону увеличения), но и в ее социальном составе. Обобщающих сведений в отношении социальной структуры местной интеллигенции нет, но на основании данных по отдельным профессиональным группам можно судить и о картине в целом. Так, если говорить об учительстве – одном из самых больших отрядов интеллигенции Вологодского края, то в 1926 г. 3,4 % представителей были выходцами из рабочих, 51 % – из крестьян, 10,1 % – из интеллигенции, 14,2 % – из служащих, 22,3 % – из прочих слоев, буржуазных и мелкобуржуазных (духовенство, дворянство, купцы, кулаки), что совпадало со средними данными по СССР²⁷⁷.

«...В первое десятилетие Советской власти части так называемым «бывшим» удастся занять весьма комфортное место в действовавшей системе льгот и привилегий. Местными властями несколько раз на протяжении 1920-х гг. отмечалось, что значительная доля интеллигенции – это выходцы из социально

²⁷⁵ Бейлин А.Е. Кадры специалистов в СССР. М., 1935.

²⁷⁶ ВОАНПИ. Ф.1853. Оп. 8. Д. 91. Л. 93–95 об.; Ф. 1930. Оп. 6. Д. 87. Л. 54, 55.

²⁷⁷ ВОАНПИ. Ф.1853. Оп. 9. Д. 82. Л. 37; Ф. 1931. Оп. 1. Д. 22. Л. 14; Изменения социальной структуры советского общества 1921 – середины 30-х годов. М., 1979. С. 168.

чужой среды, до сих пор сохраняющие с ней связи²⁷⁸. Среди ответственных работников партии на местах «...много мелкобуржуазных элементов, разделяющих меньшевистскую точку зрения...»²⁷⁹. Проверка кадрового состава Вологодского губсуда в апреле 1924 г. показала, что доля служащих, вышедших из рабочих и крестьян, в нем ничтожно мала (см. прил. 1). Неудовлетворительным, с точки зрения властей, оставался и качественный состав учительского персонала: выходцами из служащих, мещан, лиц духовного звания, дворян и т. п. были 43,7 % учителей. Появлением «классовая болезненность» являлось и то обстоятельство, что при преподавании гуманитарных дисциплин не устанавливалось связей с обществоведением и не придавалось необходимой для советской школы классовой направленности²⁸⁰. В ноябре 1923 г. на заседании Череповецкого УОНО отмечалась необходимость улучшения «социального состава губернского учительства» и было принято решение об усилении контроля над беспартийным учительством²⁸¹.

Идеологическое перевоспитание интеллигенции занимало значительное место в работе партийных организаций. На прошедшей в августе 1922 г. XII Всероссийской партийной конференции партийным организациям было выдано указание «осуществлять индивидуальный подход к каждому отдельному специалистам»²⁸². Центральным Комитетом партии на протяжении 1920-х гг. неоднократно принимались постановления и рассылались на места директивные письма и циркуляры с настоятельным требованием конкретного подхода к различным группам интеллигенции и возможными путями их интеграции в экономическую и культурную жизнь страны.

Череповецкий губернский комитет, начиная с конца 1922 г., разработал свою стратегию поведения в отношении интеллигенции, суть которой была сведена «к применению знаний этой категории населения в борьбе с

²⁷⁸ Иванов А. «Смена Вех», как знамение времени // Вестник Вологодского Губернского комитета. 1922. №10. С.20-21.

²⁷⁹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 47. Л. 210.

²⁸⁰ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 422. Л. 14.

²⁸¹ ВОАНПИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁸² КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 42.

неграмотностью»²⁸³. В 1923 г. В.И. Равдоникас – российский и советский археолог, занимавший на тот момент должность директора Тихвинского краеведческого музея²⁸⁴, указывал на данное обстоятельство как на основную причину выхода из партии. За последнее время в Череповецкой организации особенно сильно почувствовалась струя специфического отношения к партийной интеллигенции. Представителями Губкома неоднократно высказывался взгляд на партинтеллигенцию в том смысле, что ее нужно использовать в партийных целях, но доверять ей нельзя, т. к. она особенно подвержена мелкобуржуазным уклонам и для строительства будущего общества малопригодна. Интеллигент должен быть только рабом, исполнителем в партии, но ни в коем случае не хозяином²⁸⁵.

Несмотря на официально провозглашенную «терпимость», власть периодически заменяла специалистов с «чуждым» социальным происхождением своими, «советскими». В октябре 1923 г. Череповецким губернским отделом ГПУ было предложено немедленно снять с занимаемой должности участкового агронома Р.Я. Скуэ и заведующего губернским отделом сельского хозяйства Ю.Д. Алксниса – «как латвийских подданных»²⁸⁶. 12 декабря 1924 г. губернская биржа труда предложила уволить в течение 12 часов техника череповецкой электростанции А.К. Соколова – «как выходца из бывшего класса буржуазии ... , а взамен его назначить т. Трубника»²⁸⁷. В декабре 1923 г. выходит распоряжение СНК, согласно которому «бывшие белые офицеры как элементы политической неблагонадежности должны быть устранены от занимаемых должностей, связанных с мобилизационной перепиской»²⁸⁸.

Усиление коммунистической прослойки среди групп специалистов было предметом особого внимания партийных органов. Большевики внимательно относились к вопросу регулирования партийного состава, поэтому для служащих и специалистов возможности вступления в партию были ограничены. Лишь для

²⁸³ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 4. Д. 8. Л. 13.

²⁸⁴ СПФАРАН. Ф. 1049. Оп. 2. Д. 80. Л. 132.

²⁸⁵ Там же. Л. 133 об.

²⁸⁶ ЧЦХД. Ф. 807. Д. 10. Л. 143.

²⁸⁷ ЧЦХД. Ф. 696. Д. 6. Л. 58.

²⁸⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 53. Л. 7.

некоторых категорий были сделаны исключения (сельское учительство, специалисты-производственники, выдвиженцы и некоторые другие).

Советских и российских исследователей на протяжении 1960–1990-х гг. особо интересовали вопросы вовлечения буржуазной интеллигенции в строительство социализма. Что касается причин привлечения дореволюционных специалистов к строительству социализма, то историки «...отмечают закономерность и неизбежность данного процесса, поскольку он являлся составной частью вопроса отношения к культурному наследию»²⁸⁹. «...Ученые выделяют следующие методы привлечения к сотрудничеству с Советской властью буржуазных специалистов:

- 1) ненасильственные методы, к которым относят координирование положения в обществе; включение в общественно-политическую жизнь через систему общественных организаций и работ в них;
- 2) репрессивные: ущемление гражданских свобод и политических прав, создание барьеров различных барьеров в профессиональной деятельности, «чистки»²⁹⁰.

С помощью «мягких» и «жестких» установок и мер партийное руководство определяло к союзникам или врагам относятся те или иные социальные слои и группы, вносило разногласия и раздор в их отряды, помогая объединению одних групп и дискриминации других.

Примером «мягкой» политики в этот период были партийно-государственные мероприятия, целью которых являлось повышение материально-бытового положения специалистов и их правового статуса, в том числе предоставление интеллигенции ряда льгот и привилегий в сфере образования, промышленности и сельского хозяйства. В качестве иллюстрации номинальности провозглашенных в СССР привилегий для интеллигенции приведем в пример разрешение на поступление их детей в высшие и средне специальные учебные заведения.

²⁸⁹Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987. С. 34.

²⁹⁰См. подробно: Красильников С.А. Социально-политическое развитие интеллигенции в Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 25; Пыстина Л.И. Льготы и привилегии интеллигенции в Советской России в 1920-е годы (проблемы изучения) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 31–33.

Перекосы по отношению к интеллигенции являлись следствием отношения к ней политических лидеров страны. Многие лидеры считали, что необходимо использовать по отношению к ней принуждение. И.В. Сталин в отчете на XII съезде РКП(б) заявил о необходимости предоставления отделу по учету и распределению работников более широких функций для того, чтобы контролировать состав местных хозяйственных и советских органов²⁹¹. Н.И. Бухарин в 1925 г. при обсуждении интеллигенции говорил, что «...необходима своя «новая» интеллигенции, которая будет уже являться «продуктом» советской власти ...»²⁹².

Центральное место в адаптационной и идейно-воспитательной работе с интеллигенцией было отведено конференциям, съездам и производственным совещаниям. В 1922 г. секцией соцвоспитания Вологодского губернского отдела образования была подготовлена предварительная программа и инструкция по перевоспитанию работников просвещения, главной задачей которой была выработка марксистского мировоззрения у школьных работников²⁹³.

Со временем ведущей формой политико-просветительской и адаптационной работы в учительской среде становится создание разнообразных кружков и курсов, проведение лекций и развитие системы политического самообразования. Данные мероприятия становятся основными средствами политико-воспитательной работы, целью которой являлось превращение через учителя марксистско-ленинской идеологии в основу школьного образования и мировоззрения нового поколения, создание в школе барьера от чуждых идей. Десятый съезд РКП(б) провозгласил об установлении определенного образовательного стандарта в стране по которому приоритет отдавался коммунистической подготовке учащихся²⁹⁴.

Летом 1923 г. по инициативе ЦК РКП(б) по всей стране и в Вологодской губернии были организованы курсы переподготовки учителей школ I и II

²⁹¹ Сталин И.В. Орготчет ЦК РКП(б) 17 апреля 1923 г. // Сочинения. Т. 5. С. 212.

²⁹² Судьбы русской интеллигенции... Новосибирск, 1991. С. 39.

²⁹³ ГАВО. Ф. 111. Д. 534. Л. 1.

²⁹⁴ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 337.

ступеней. Программа курсов включала четыре дисциплины: теория и практика трудовой школы – 16 часов, содержание школьной работы (методика) – 50 часов, организация педагогической работы – 10 часов, исторический материализм – 11 часов²⁹⁵. Вологодские губернские летние учительские курсы состоялись в августе 1923 г. и собрали 120 человек (представители Вологодского, Грязовецкого уездов и г. Вологды)²⁹⁶. Основными способами работы курсов были выбраны семинарский и кружковой методы, а также конференции. В ходе работы курсов на первом плане оказались вопросы политического содержания, а все методические проблемы, касавшиеся образовательного процесса, остались в стороне. Части собравшихся это не понравилось, в связи с чем довольно часто звучали высказывания: «...Политику можно и дома изучать, а мы приехали сюда на учебу»²⁹⁷. Данная оплошность больше не повторялась.

Некоторые учителя по решению секции соцвоспитания отправлялись на курсы переобучения в Москву и Петроград. В основном на эти курсы командировались учителя обществоведения, к которым предъявлялись весьма высокие требования. Будущий слушатель должен был обладать высокой квалификацией и большим педагогическим стажем, быть способным воспринять новые идеи и методы преподавания обществоведения. Кроме того, командированный на курсы должен был представить материал, характеризующий его работу по обществоведению в школе (программу работ по обществоведению, применению трудового метода, применению краеведческого метода при подборе материала, показать его связь с современностью)²⁹⁸. Всего за 1923 г. через курсы прошло 849 работников образования, или 51 % от общего количества учителей²⁹⁹.

Летом 1924 г. в Вологодской губернии работали двухмесячные губернские курсы и семь полуторамесячных в каждом из уездов и в Свердловском районе. Через эти курсы прошло 593 работника (38,6 %). В течение августа 1924 г.

²⁹⁵ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 534. Л. 25.

²⁹⁶ Там же. Л. 1.

²⁹⁷ Там же. Д. 567. Л. 14.

²⁹⁸ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 534. Л. 19.

²⁹⁹ Отчет Губернского исполнительного комитета X Губернскому съезду советов. Вологда, 1923. С. 44.

работники, не привлеченные на курсы, участвовали в кружковой работе. Всего по губернии работало 46 кружков с участием 726 работников (47,27 %). Оставшиеся 217 работников были вовлечены в переподготовку в сентябре – на проводившихся в Вологде и в уездах педагогических конференциях продолжительностью от 7 до 10 дней³⁰⁰.

В Череповецкой губернии за период 1923–1924 гг. переподготовку на различных уездных курсах, конференциях прошли 480 учителей (42 %) ³⁰¹.

В 1925–1929 гг. на территории Вологодской и Череповецкой губерний также был организован целый ряд курсов повышения квалификации и марксистского воспитания: ветеринарные, избачей и учителей, медицинские, сельскохозяйственные, счетоводческие и юридические³⁰². Курсы включали в себя общеобразовательный, общественно-политический, профессиональный и экономический циклы. Политическое образование занимало особое место, а основной его задачей считалось формирование «нового пролетарского мышления»³⁰³. Все курсы работали при непосредственном участии райкомов и ячеек ВКП(б)³⁰⁴.

Проблема нехватки «грамотных» кадров постоянно поднимается заведующим Череповецкого ГубОНО. Так, в апреле 1924 г. в очередном докладе им сообщается, что наибольшая трудность в подборе работников по ликбезу заключается в том, что трудно подобрать работников из партийцев ... поэтому остается одно – поручить работу по ликбезу наиболее преданным Партии и Советской власти школьным учителям³⁰⁵.

Во второй половине 1920-х гг. среди учителей становятся распространенными методы самообразования и самопереподготовки³⁰⁶. Задачами переподготовки учительства являлись выступления учителей, сделанные на

³⁰⁰ Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1923–1924 хозяйственный год. Вологда, 1925. С. 232.

³⁰¹ Отчет Череповецкого губернского исполнительного комитета XIII созыва. Череповец, 1925. С. 241.

³⁰² ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 6. Д. 137. Л. 14, 15; ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 507.

³⁰³ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 6. Д. 137. Л. 16.

³⁰⁴ Там же. Л. 16 об.

³⁰⁵ ГАВО. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 51. Л. 76 об.

³⁰⁶ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 692. Л. 22.

основе личного опыта по внедрению революционной педагогики и марксистско-ленинской литературы, постановлений партии и правительства. В рамках программы ГУСа значительное место уделялось обучению школьных работников школ I и II ступеней истории, экономике и природе родного края. Эту воспитательную работу с учителями проводили в основном члены Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК)³⁰⁷.

Цель «самокурсов» заключалась в воспитании учительством сначала в себя, а потом и своих учеников бойцовских качеств «...необходимых для строительства коммунизма». Это делалось, во-первых, через формирование социального инстинкта, т. е. развитие чутя на классовых врагов; во-вторых, через прививание навыков общественной жизни, основными из которых были коллективизм и борьба с индивидуальностью и собственническими интересами; в-третьих, через складывание коммунистического сознания путем выдавливания из него всего антинаучного и религиозного, мешающего выработке марксистского подхода³⁰⁸. Но приведенные способы повышения политической грамотности оказались не эффективными в отношении представителей дореволюционной интеллигенции: они по-прежнему многое не понимали в марксистско-ленинской теории, отдельные аспекты которой не согласовывались с современностью.

«...В качестве «ударной силы», направленной на изъятие определенной части дореволюционных служащих, власть использовала новое пополнение «красных» специалистов из числа выдвиженцев, выпускников вузов, служащих-активистов. Манипулирование выдвиженцами было возможно в силу их малограмотности, низкого культурного уровня и традиционного недоверия к образованной, квалифицированной части служащих и специалистов. Недавним выпускникам учебных заведений отводилась решающая роль в процессе замещения «старых кадров».

Целью выдвижения на руководящие должности в аппарате госуправления, в народном хозяйстве и общественных организациях передовых рабочих было

³⁰⁷ Там же. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 41. Л. 48.

³⁰⁸ ВОАНПИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

решение рабочим классом главной задачи – практическое осуществление, как писал В.И. Ленин, «управления, организации и контроля»³⁰⁹. Согласно данным статистики по 30 российским губерниям, выдвиженцев из рабочей среды на руководящие должности было...»³¹⁰ 563 человека в 1923 г., в 1924 г. – 3096, в 1925 г. – 7459, в 1927 г. – 14500³¹¹.

В отечественной историографии отсутствует единое мнение о том, кого считать выдвиженцами. Одни исследователи относят к ним только тех рабочих и крестьян, которые были выдвинуты по общественной инициативе, т. е. гласно. Такое назначение на должность предполагало контроль со стороны выдвинувших коллективов за их деятельностью. В.С. Волков считает, что в 1920-е гг. преобладал именно этот способ³¹². Другие историки считают выдвиженцами и тех, кого назначали на должности в вышестоящие органы³¹³. Высказывалось мнение, что выдвиженчество в широком смысле обозначает путь практической подготовки специалистов в процессе их деятельности в отличие от обучения в вузах и техникумах³¹⁴.

В своем исследовании выдвиженцами мы будем считать рабочих и крестьян, выдвинутых низовыми организациями на руководящую должность в после обсуждения их кандидатуры общественностью и утвержденных вышестоящими органами. Особенность же положения данной категории была связана с отсутствием специального образования, сочетающегося с выполнением функций инженеров и техников.

Убеждение о праве каждого класса на утверждение и осуществление власти стало идеологическим обоснованием принципа выдвиженчества, поскольку благодаря продвижению своих представителей во властные органы они получали возможность реализовать данное право. Помимо идеологии, для

³⁰⁹ ВОАНПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

³¹⁰ Цит по: *Котов А.С.* Социальный состав советской интеллигенции... С.178

³¹¹ Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. М., 1977. С. 65.

³¹² *Волков В.С.* Выдвиженчество в условиях становления командно-административной системы в СССР (20-е – 40-е годы) // *Российская интеллигенция. Страницы истории.* СПб., 1991. С. 46.

³¹³ *Андреюк Г.П.* Некоторые вопросы выдвиженчества в советской исторической литературе // *Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР.* Л., 1978; и др..

³¹⁴ Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М., 1987. С. 36.

выдвиженчества существовал и ряд объективных причин. Привлечение практиков к управлению позволяло власти решать трудности, вызванные необходимостью строительства и модернизации промышленности в условиях нехватки специалистов и не возможностью в столь короткий срок подготовить нужное количество инженеров³¹⁵. Однако только в редких случаях практики, выполняющие на предприятиях инженерные обязанности, действительно имели соответствующие знания и умения.

За 1918–1921 гг. было выдвинуто 3500 рабочих и более 2000 крестьян на руководящие технические должности³¹⁶. В 1926 г. к выходцам из рабочей среды относились более половины всех руководителей высших органов промышленности и 3/4 директоров фабрик³¹⁷. Следует отметить, что в рабочей среде данная социальная группа нередко получала весьма нелестный отзыв: «Наши выдвиженцы скоро обюрокрачиваются; дай ему хорошую квартиру, хорошую ставку, а дальше – семейственность, отрыв от рабочих, которые его выдвигали»³¹⁸.

В Вологодской и Череповецкой губерниях выдвиженчество начинается с 1923 г. и к 1925 г., как отмечается в Череповецком губисполкоме, «...приобретает плановый характер...»³¹⁹. Всего за период с 1923 по 1926 гг. в Череповецкой губернии было выдвинуто 360 человек в возрасте от 20 до 25 лет³²⁰. По социальному происхождению 81% составили рабочие, 10% – крестьяне и 9% служащие.

О формах подобной работы у профсоюзных организаций представления не было. Кроме того, выдвиженчество нередко сочеталось с обычным продвижением по служебной лестнице. По сведениям на 1930 г., в вологодской промышленности практики составляли 52,34 % технической интеллигенции³²¹.

³¹⁵ Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков, 1976. С. 38.

³¹⁶ Советская интеллигенция. История формирования и роста. С. 84.

³¹⁷ Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. С. 67.

³¹⁸ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 327.

³¹⁹ ЧЦХД. Ф. 1 Оп. 1. Д. 52. Л. 7.

³²⁰ Там же. Д. 39. Л. 13.

³²¹ Подсчитано по материалам к отчету ВКП(б). Вологда, 1930. С. 82.

Основной задачей советско-партийной школы была не только подготовка новых специалистов политико-просветительской сферы, «...но и помощь в организации школ партийной и советской работы на местах губернским уездным комитетам РКП(б), предоставление им имеющихся материалов³²². При этом требовалось учитывать сочетание двух важных условий: во-первых, по окончании курсов и школы слушатели должны обладать достаточной теоретической и практической подготовкой для самостоятельной работы...»; во-вторых, это нужно было сделать в кратчайшие сроки³²³. В 1922 г. III Всероссийский съезде Главполитпросвета РСФСР назвал подготовку партийных и советских работников, а также доведение организации обучения в СПШ до образцового уровня в числе важнейших задач политпросвета³²⁴.

Начальная стадия общеполитического советского образования, представленная курсами и школами политической грамоты, имела целью ликвидацию азбучной неграмотности и углубление первоначальных знаний. Организованные по линии коммунистической и производственной пропаганды, они охватывали все города и деревни в Вологодской губернии. С первого дня работы стала проявляться классовая и идеологическая направленность школ политграмоты. Это можно было понять не только исходя из программы обучения, но и проанализировав социальный состав абитуриентов: в первую очередь принимались коммунисты, и только потом беспартийные рабочие и крестьяне, сочувствующие Советской власти³²⁵.

Особое место было отведено естествознанию, поскольку, разработчики программы считали, что именно этот предмет был необходим для понимания исторического материализма. Кроме того, с его помощью предполагалось знакомство учащихся с борьбой против заболеваний растений, «...методами опытного исследования и успехами современного сельского хозяйства³²⁶. Из отмеченного выше становится очевидно, что самое главное знание, полученное

³²² Там же Д. 3. Л. 6.

³²³ Там же. Л. 8.

³²⁴ ВОАНПИ.Ф. 1930. Оп. 2. Д. 30. Л. 145.

³²⁵ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 94. Л. 17.

³²⁶ Там же. Д. 112. Л. 22.

новыми управленцами и пропагандистами уездного и волостного масштаба (женорганизаторы, избачи, инструкторы, ликвидаторы неграмотности, милиционеры, пропагандисты, секретари партийных ячеек) – это коммунистическое знание.

На протяжении ряда лет испытывались значительные трудности при наборе курсантов. Связаны они были: во-первых, с низкой грамотностью рабочих и крестьян, в том числе и партийных...»; а также с резко отрицательной реакцией крестьянской среды на обучение учеба детей в подобных образовательных учреждениях. Показательна судьба одного из выпускника Вельской уездной совпартшколы, который отказывался ехать домой в связи с тем, «...что сильно получит о родни за то, что приехал коммунистом». От уже отправленных домой также уже приходили телеграммы с заявлениями командировать их на должность в другое место, чтобы быть ухаживать от родни.»³²⁷.

«...В первые годы Советской власти для привлечения коммунистов к учебе Вологодский губернский комитет РКП(б) использовал разверстку. Все районные комитеты РКП(б) должны были проявить инициативу и отправить на обучение двух курсантов, а также принять меры для отправки в школу представителей от каждого советского учреждения...»³²⁸. Такой способ разверстки предоставлял возможность руководителям предприятий и председателям сельских волостных ячеек избавиться от неудобных по тем или иным причинам людей. Данное обстоятельство не могло не отразиться на качестве командированных на обучение. О том, что руководство СПШ испытывало множество проблем из-за морально-нравственного облика курсантов, свидетельствуют материалы стенгазет, которые по проблематике можно разбить на следующие группы.

1. Пьянство, нарушение дисциплины (этой проблеме в каждом номере стенгазеты уделялось наибольшее внимание. «...С 1926 г. за этот проступок виновные подлежали отчислению).

³²⁷ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 110. Л. 92 об. – 94.

³²⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 5. Д. 6. Л. 34.

2. Увлечение женщинами, беспорядочные половые связи внутри школьных стен.³²⁹

Состав слушателей Череповецкой СПШ по результатам проверки 1925–1927 гг. во многом не удовлетворял предъявляемым к данному учебному заведению требованиям: сохранялись недостаточность рабочей прослойки и низкая доля активистов; большой процент крестьян из числа середняков и даже кулачества; фактически отсутствовали батраки; большая часть курсантов имела незначительный стаж партийной работы и слабую общеобразовательную подготовку³³⁰. Часть курсантов, поняв, что не имеет способностей к учебе, не дожидаясь отчисления писали заявления об отчислении: «Прошу отчислить меня из рядов курсантов Череповецкой советской партийной школы, так как учеба здесь мне не дается, и я не смогу оправдать то доверие, которое на меня возлагают»³³¹. Часть слушателей, которые имели способности к учебе, ставили знания на первый план, после окончания школы изъявляли желание учиться в коммунистическом университете³³².

Непросто обстояли дела и с материальным обеспечением курсантов. Например, поступившим в Череповецкую СПШ вместе с уведомлением об этом вручали памятку, в которой сообщалось, «что в связи с трудным экономическим положением в губернии школа не сможет обеспечить курсантов всем необходимым <...>. В связи с чем, всем по прибытию необходимо иметь свой комплект осенней и зимней одежды»³³³. Поэтому в большинстве случаев представители «беднейшего» крестьянства не могли себе позволить учебу здесь. С большой неохотой на учебу соглашались представители рабочего класса, чей средний заработок в этот период времени составлял 150 руб. в месяц. Согласившись на учебу, они обрекали себя, а иногда и свою семью, на голодное существование.

³²⁹ ВОАНПИ. Ф. 1996. Оп. 1. Д. 30. Л. 14, 15.

³³⁰ Котов А. С. К изучению некоторых вопросов формирования... С. 36.

³³¹ ВОАНПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

³³² Там же. Л. 23.

³³³ ВОАНПИ. Ф. 1996. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.

«...Одновременно с обучением в школе, курсанты обязаны были участвовать в партийной жизни, в чем помогали коммунистические ячейки, организованные из членов партии и сочувствующих в каждой СПШ...»³³⁴.

Таким образом, на всем протяжении 1920-х гг. представители дореволюционной интеллигенции играли важную роль в экономической и политической жизни региона. Попытки снизить это влияние были на всем протяжении 1920-х гг. Одним из основных способов адаптации интеллигенции региона к новым условиям жизни стали различные курсы переподготовки. Однако большинство представителей местной интеллигенции проходили их в пределах своего региона и даже уезда, где лекторами часто выступали такие же представители дореволюционной интеллигенции, но только прошедшие эти курсы в Москве или Ленинграде (Петрограде). Поэтому абсолютизировать их влияние на представителей так называемых «бывших» не стоит. Наиболее действенным способом формирования советской интеллигенции стало выдвиженчество. Другим способом становления советской интеллигенции явилась учеба в СПШ. Однако из-за сельскохозяйственной специфики региона, нежелания учиться живших в регионе представителей рабочего класса, тяжелой экономической ситуации основной процент курсантов СПШ составили крестьяне, представлявшие так называемых «середняков» и «кулаков», значительная часть из которых рассматривала учебу в данном учебном заведении как способ укрепления своего авторитета в деревнях или отправную точку для дальнейшего карьерного роста. В целом же, как показывают отчеты, значительная часть курсантов была далека от идеалов коммунизма.

2.2 Социально-правовое положение вологодской интеллигенции в 1921-1929 гг.

Отход от военного коммунизма и необходимость модернизации местной промышленности в условиях дефицита инженерно-технических кадров заставлял

³³⁴ ВОАНПИ. Ф. 1996. Оп. 1. Д. 30. Л. 14, 15.

власть создавать для них приемлемые условия, делать привлекательным социализм³³⁵.

Несмотря на то, что при НЭПе возможно было получать альтернативный доход, все же основным источником средств являлась заработная плата. По данным С.А. Федюкина, у технических специалистов среднего звена она была выше, чем у чернорабочего, в 6 раз³³⁶.

Зарботная плата для власти выступала одним из инструментов регулирования отношений с технической интеллигенцией. Использование централизованной тарифной политики позволяло разным уровням органов власти управлять перемещением рабочей силы. В 1920-е гг. работа в органах управления промышленностью становится более выгодной, чем на производстве. Руководство учреждений получает возможность назначать нужным специалистам повышенные должностные оклады, что стимулировало к работе в сфере управления.

Профсоюзы играли особую роль в привлечении специалистов к сотрудничеству. Вышедшая в мае 1921 г. резолюция IV Всероссийского съезда профсоюзов указывает «...необходимо сохранить, а в последствии улучшить положение того немногочисленного слоя специалистов, которые являются обладателями огромного запаса знаний и технического опыта». В связи с этим необходимо выработать действенные меры для включения инженерных работников в деятельность профсоюзов и для создания таких условий труда, при которых они имели бы возможность совершенствовать свои профессиональные навыки³³⁷.

Проблемы повышения и фиксации заработной платы пытались решить при помощи заключения коллективных договоров. Несмотря на имевшиеся в них части носившие явно популистский характер, коллективные договоры можно

³³⁵ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 489.

³³⁶ Федюкин С.А. Борьба за перевоспитание старой технической интеллигенции в восстановительный период // История СССР. 1965. № 4. С. 112–113.

³³⁷ Пыстина Л.И. Общественные организации инженерно-технической интеллигенции Сибири (1920–1930). Новосибирск, 1987. С. 52.

признать как шаг в достижении урегулировании трудовых отношений между государством и технической интеллигенцией³³⁸.

В договорах прописывались трудовые обязанности и размер вознаграждения, правила и порядок оплаты сверхурочных работ, продолжительность рабочего дня и времени отдыха.³³⁹

В 1920-е гг. происходит реальный рост заработной платы инженерно-технических кадров по сравнению с периодом «военного коммунизма» (см. прил. 2).

Постановлением ЦК РКП(б) от 9 сентября 1925 г. «О работе специалистов» заострялось внимание на желательности принятия мер по повышению качества жизни специалистов. В том же месяце правительством СССР принимают меры направленные на улучшение условий труда специалистов, состоящих на службе в государственных учреждениях и на предприятия. Согласно им соответствующим наркоматы и комитеты должны принять соответствующие меры по уменьшению налоговой нагрузки, квартирной платы и платы за коммунальные услуги для технической интеллигенции³⁴⁰.

В 1926 г. у технических специалистов происходит увеличение размера заработка необлагаемого налогом³⁴¹. По мимо этого разрабатывается проект, предусматривавший частичную выплату инженерно-техническим кадрам, от годовой чистой прибыли производства. В жизнь данный проект реализован не был³⁴².

Нельзя упускать из виду, что в обстановке острой нехватки инженерных кадров функции инженеров на предприятии исполняли квалифицированные техники. Связи с этим обычным явлением становилось назначение администрацией техникам должностных окладов инженерных работников. Одновременно с этим широкое распространение имела ситуация принятия

³³⁸ Бородин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обзор. Вып.5. М., 2000. С.28.

³³⁹ ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 162. Л. 31–33; ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–28; Оп. 2. Д. 4. Л. 5–7.

³⁴⁰ Крыштановская О.Н. Инженеры, становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 85.

³⁴¹ ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1003. Л. 34 об.

³⁴² Инженерный труд. 1926. № 4. С. 13.

молодых выпускников институтов на должности техников с гораздо меньшим окладом.

Основным коэффициентом, измеряющий уровень материального достатка технической интеллигенции является размер уровня доходов и розничных цен на продовольственные товары. Этот размер тем выше, чем меньше размер совокупного дохода, который уходит на покупку продовольственных товаров. В 1920-е гг. главным источником доходов ИТР являлась заработная плата. В табл. 5 нами показан размер номинальной зарплаты инженеров на Вологодском участке Северной железной дороги. За основу была взята зарплата по низшему разряду³⁴³.

Таблица 5

Данные об уровне заработной платы

Год	Номинальная заработная плата инженера, руб.	Стоимость набора продуктов питания, руб.	Доля затрат на приобретение продуктов питания, %%
На 1 января 1921 г.	7928	3526	44,5
На 1 января 1926 г.	50	16	32
На 1 декабря 1928 г.	89	36	40,5

При сравнении данных следует иметь в виду, что в 1921 г. часть зарплаты получалась в виде продуктов, что уменьшало траты семейного бюджета на покупку продовольствия. По итогам года, цены на продовольственные товары к концу 1921 г. в Вологде увеличились примерно в 7,5 раза, в то время как оплата труда – не более чем в 2 раза. Следует учитывать, что в таблице не сделаны расчеты стоимости товаров промышленного производства и оплаты жилья.

Как видно из табл. 5, к началу 1926 г. материальное состояние вологодских инженеров улучшилось. Стоимость продовольственной корзины в 1926 г. упала на 12,5 %. Это стало возможным в связи с улучшением общеэкономической ситуации в стране и целенаправленной политики государства по повышению дохода ИТР. В 1928 г., по сравнению с 1926 г., доля зарплаты, потраченная на

³⁴³ Составлено по: ГАВО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 123. Л. 6–8; Д. 324. Л. 14; Д. 562. Л. 22,23; Ф. 143. Оп. 1. Д. 673. Л. 14–15; Д. 722. Л. 15–16.

приобретение продовольствия, растет приблизительно на 8,5 %. Причиной тому стало то, что планы промышленного строительства в стране пришли в противоречие с ее реальными возможностями, что обусловило снижение материального благосостояния населения.

В Вологодском крае в этот же период времени средняя заработная плата инженера в 4–5 раз превышала средний заработок рабочего³⁴⁴. Разрыв в оплате высокооплачиваемых специалистов и рабочих мог достигать 7–10 и более раз. В 1926 г. размер заработной платы специалистов колебался в среднем от 80–100 до 360–400 руб. Средний размер заработной платы труда специалистов не превышал 200–210 руб. в месяц (средний заработок рабочих – 45–47 руб.)³⁴⁵.

В 1922 г., после перехода страны к НЭПу и новой системе финансирования, большая часть учебных заведений оказалась на балансе местных бюджетов. Государство в основном брало на себя обязательства по финансированию высших и некоторых средних специальных учебных заведений, а содержание школ I и II ступени легло на региональные власти. В итоге к июню 1922 г. задолженность по заработной плате учителям по некоторым уездам Вологодской и Череповецкой губерний составляла до 7 месяцев³⁴⁶. На начало апреля 1921 г. общий ежемесячный заработок учителя школы I ступени в Вологде составляла до 15 тыс. руб. у 60 %, у 27 % – от 20 до 30 тыс. руб., у 13 % – 30–40 тыс. руб. при прожиточном минимуме в 21600 руб. Важно отметить, что 42 % учителей, помимо основной своей работы, вынуждены были иметь дополнительный заработок в виде частных уроков, работы по ликвидации безграмотности, вечерних курсов и т. п. Во всех случаях сумма вознаграждения за этот род занятий превышала основной заработок педагога³⁴⁷.

Попытка переложить содержание школ на местные волостные советы провалилась. В Череповецкой губернии из 150 волостных советов только 60 изъявили готовность частично взять школы на содержание, 90 – отказались

³⁴⁴ Заработная плата в промышленности Сев.-Зап. Области в апреле-ноябре 1926 г. // Хозяйство Северо-Западного края. 1927. №1. С.110

³⁴⁵ Маргиналы в социуме... С. 173.

³⁴⁶ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 732. Л. 36; ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 5. Д. 64. Л. 22 об.

³⁴⁷ Деятельность учреждений народного просвещения // Жизнь города. № 1. 1922. С. 17–18.

вовсе³⁴⁸. Недовольны переводом школ на местные бюджеты были и сами учителя, которые писали о том, что они поставлены лицом к населению, которое не может и не хочет понять общественного значения школы и учительства, а видит в нем только лицо, запускающее руку в его хлебный мешок³⁴⁹. В целом заработная плата учителей по рассматриваемому нами региону была одной из самых низких в стране – 4 товарных рубля. Для сравнения: в соседней Северо-Двинской губернии заработок учителей составлял 5 руб. 25 коп., а в некоторых регионах Сибири – 12 руб. и более³⁵⁰.

Частично защищенным было и социально-правовое положение работников здравоохранения. Количество пациентов принимаемых в день участковым врачом, значительно превышало норму. По правилам организации врачебного приема установленного Наркомздравом, каждый участковый врач должен был принимать в день по 30–40 амбулаторных больных, а по факту эта увеличивалась в два–три раза.

В 1927 г. месячный заработок медицинского работника в крае вирировался от 42 до 135 руб. Согласно декрету СНК СССР от 2 декабря 1925 г. местные бюджеты для повышения качества труда сельских медицинских работников должны были изыскать средства на 10-процентную надбавку к зарплате на коммунальные услуги³⁵¹.

Первые существенные сдвиги в решении кадрового вопроса в системе вологодского здравоохранения происходят в 1925 г. (см. прил. 3). Тогда же, с середины 1920-х гг., органы управления системы здравоохранения Вологды и Череповца стали обращать внимание на профессиональный состав медицинских кадров. Регулярно стали проводиться губернские собрания (до трех раз в год). В 1925–1929 гг. вологодские и череповецкие врачи традиционно принимали участие во всероссийских съездах врачей, проходивших в Москве, Ленинграде, Харькове. В 1926 г. 12 вологодских врачей с общим стажем до трех лет были направлены на

³⁴⁸ Отчет о работе V пленума Череповецкого губисполкома, IV Съезда советов с 25-го по 27-е сентября 1926 года. Л. 8 об.

³⁴⁹ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 522. Л. 19.

³⁵⁰ Там же. Д. 619. Л. 93.

³⁵¹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 514. Л. 6 об. Л. 53–54.

курсы усовершенствования, организованные Наркомздравом при столичных государственных университетах³⁵².

На всем протяжении 1920-х гг. региональная власть наибольшее внимание уделяла положению технической интеллигенции. С этой целью были приняты постановления, направленные на улучшение материального положения ИТР: на повышение заработной платы, выделение дополнительной жилплощади. В целом уровень жизни инженерно-технического работника к середине 1920-х гг. повышается, но уже к концу 1920-х гг. намечается тенденция к его понижению.

Перевод финансирования большей части системы образования на региональный бюджет поставил значительную часть учительства на грань выживания. На всем протяжении 1920-х гг. заработная плата работников образования в регионе оставалась самой низкой по стране. Условия труда медицинских работников также являлись двойственными. С одной стороны, это повышенные нагрузки на работе, с другой – резкая дифференциация в размере заработной платы: от минимальной по отрасли (42 руб.) в отдаленных уездах до средней по стране (135 руб.) в губернских центрах.

В начале 1920-х гг. в Вологодской губернии большое число специалистов занимала важные должности на предприятиях³⁵³. Согласно отчету Вологодского губкома, к октябрю 1922 г. командный состав на 84,3 % состоял из беспартийных специалистов³⁵⁴. На 1 января 1923 г. в Вологодской губернии среди 240 директоров, их заместителей и членов правления трестов 139 были интеллигентами³⁵⁵. В правлении пяти льнотрестов из 38 руководителей 26 были специалистами с большим дореволюционным стажем работы³⁵⁶.

Сильное влияние «спецы» имели и на рабочих крупных промышленных предприятий региона – Вологодских железнодорожных мастерских и Сокольской целлюлозной фабрики. Объяснить это можно тем, что в 1918–1922 гг. основу кадрового состава Вологодского и Череповецкого агитационно-

³⁵² Там же. Д. 428. Л. 1.

³⁵³ Вологодская жизнь. 1922. 29 ноября.

³⁵⁴ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 62. Л. 98.

³⁵⁵ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 238. Л. 54.

³⁵⁶ Там же. Л. 54 об.

пропагандистского отделов составляли крестьяне, которые привыкли работать в привычной для себя социальной среде (деревне) и строить свою работу на своем жизненном опыте. В связи с этим такие агитаторы всячески стремились под любым предлогом отказаться от работы в чужой для себя социальной среде³⁵⁷. Одной такой социальной средой для местных агитаторов были крупные рабочие коллективы. Здесь в первые годы Советской власти большевики были вынуждены невольно отдать практически всю культурно-просветительскую работу среди рабочих на откуп местным инженерно-техническим кадрам³⁵⁸. С их помощью власть надеялась заложить основы общественного договора с рабочими, который допускал, хотя и с ограничениями, переговоры об условиях труда, но не разрешал рабочим вмешиваться в политическую сферу или оспаривать право директора принимать важные решения. Данное обстоятельство позволило части специалистов, работавших на этих предприятиях, создать для себя относительно комфортную рабочую обстановку. Весомость авторитета инженеров среди рабочих доказывает избрание в ноябре 1921 г. в Вологодский горсовет от Вологодских железнодорожных мастерских двух инженеров (членов партии меньшевиков) – В. Сестрогодского и С. Блатова³⁵⁹.

К середине 1922 г. нарастают противоречия между этими управленцами и рабочими-коммунистами, а также беспокойство по поводу чрезмерного влияния управленцев на партийные организации.³⁶⁰ В марте 1922 г. секретарь Сухонского районного комитета РКП(б) Рыжков в своей докладной записке отмечал: «...вопрос о спецах, которым расширяют хозяйственно-административные права, смущает... не только рядовых членов РКП, но и ответственных работников. И, конечно, нужно сказать, что расширение функции спецов больно бьет по советским и особенно партийным организациям. Спецы стремятся сделать эти организации зависимыми от них экономически, добиваясь, таким образом, уничтожения политического влияния пролетарских организаций на хозяйственно-

³⁵⁷ Соколов Ю.А. С. 85–86.

³⁵⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 3. Д. 94. Л. 63.

³⁵⁹ ГАВО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 232. Л. 24.

³⁶⁰ Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 257–258.

административное управление и на беспартийную массу»³⁶¹. Подобное негативное отношение к интеллигенции со стороны членов правящей партии можно встретить и в других регионах Севера. Ответом местной власти на «чуждое влияние» стало усиление идеологической работы среди рабочих под руководством А.В. Мальцева³⁶².

В конце 1922 г. обозначается отказ власти от политики взаимодействия с ИТР, назначения ее на ответственные должности на производстве и руководстве. «Партии и профсоюзам, – отмечалось в резолюции XII съезда РКП(б) «О промышленности», – следует обратить серьезное внимание на рост кадров хозяйственников из рабочих, в особенности коммунистов, в органах управления промышленностью на всех ступенях хозяйственной иерархии»³⁶³.

Другим фактором, оказавшим отрицательное воздействие на положение технической интеллигенции, явилась непрерывная нотация об исключительной роли пролетариата. Преобразившимся в рабочем сообществе чувство «пролетарского чванства» способствовало развитию «спецеедства». В понимании большей части общества марксистское понятие об исторической миссии пролетариата адаптировалась, принимало вид иллюзии абсолютного превосходства и непогрешимости. Большинство трактовало свой переход из угнетаемого состояния в правящее с наделением прав без обязанностей³⁶⁴.

По мнению Т.Б. Котловой, причина конфликта между ИТР и рабочими лежит в имперской России. При предыдущем режиме инженерно-технический служащие получали часть прибыли от дохода предприятия. С установлением НЭПа и попытками власти улучшить положение инженера, рабочие также видели в технических специалистах представителей буржуазного прошлого³⁶⁵. Большое внимание большевики уделяли журналистике³⁶⁶. Начиная с 1920-х гг., на

³⁶¹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 47. Л. 209.

³⁶² Шпрыгов А.П. Из истории политической гибели непролетарских партий на Европейском Севере РСФСР (1921–1925 гг.) // Европейский Север в судьбе России. С. 75.

³⁶³ КПСС в резолюциях... Изд. 7-е. Т. 3. М., 1963. С. 72.

³⁶⁴ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 54.

³⁶⁵ Котлова Т.Б. Партийно-государственная политика по отношению к технической интеллигенции в годы индустриализации: проблемы подготовки и использования. С. 94.

³⁶⁶ Булдаков В.П. Утопия, агрессия... С. 320.

страницах периодических изданий постепенно набирала обороты кампания искусственного конструирования образа врага из «неудобных» людей, которые появлялись тут же, как только Советская власть терпела какие-либо неудачи. Наиболее часто в этих визуализированных образах угадывалось очертание интеллигента, которое представлялось в виде ночных кошмаров рабочего корреспондента³⁶⁷ или в образе бюрократа-«вредителя»³⁶⁸. Культурный тип интеллигента стал в 1920-х гг. средоточием «мелкобуржуазного», «индивидуалистского» мировоззрения, т. е. «мещанства»³⁶⁹.

Инженерам, занимавшим директорские должности, на коллективных собраниях часто ставили в вину посещение церкви, приверженность к дореволюционным порядкам, бесхозяйственность, участие в хищениях³⁷⁰.

В сводках ГПУ за 1920-е гг. часто встречаются донесения, где рабочие обвиняют инженеров в простом того или иного агрегата, станка или «вредительстве». Отдельной группой можно выделить донесения, где в вину специалистам вменяют приверженность старым привычкам и порядкам: устройство семейных елок на Рождество, служебные поездки в отдельных вагонах, содержание прислуги, личных поваров, излишняя аккуратность и даже чистоплотность с «чрезмерной» вежливостью³⁷¹.

Большое число партийцев на местах позволяли себе негативное отношение к технической интеллигенции. В первичных ячейках сторонников привлечения дореволюционных специалистов было незначительным. На большинстве партийных собраний, они выступали с критикой ИТР, одновременно с этим резолюции об уважительном отношении к техническому персоналу принимались единогласно³⁷².

³⁶⁷ Страшный сон рабочего корреспондента (повесть без слов в 12 картинках, нарисованных Константином Ротовым) // Крокодил. 1924. № 26. С. 8.

³⁶⁸ Николаева М.Ф. Динамика образа врага в советском плакате (1917–1941) и модели идентификации советского человека // Диалог со временем. Вып. 39. М., 2012. С. 384.

³⁶⁹ См.: Колет в боку // Крокодил. 1926. С.11; Благоухающий букет // Коммунист. 1926. 31 марта. № 73; Кто такие наши инженеры? // Красный Север. 1926. 3 июля.

³⁷⁰ ЧЦХД. Ф. 367. Оп. 1. Д. 3. Л. 154–156.

³⁷¹ ВОАНПИ. Ф.1853. Оп. 7. Д. 53. Л. 1, 3, 8 об., 15; Д.85. Л. 7; Оп. 8. Д. 98. Л. 6, 10.

³⁷² ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 5. Д. 6. Л. 8.

Нужно отметить, что зачастую инженерно-технические работники сами являлись виновниками хамского отношения к себе, в ряде случаев недобросовестно выполняя свои должностные обязанности. Например, на Чагодощенском стекольном заводе начальники участков не могли организовать работу персонала, вследствие чего случился простой линии³⁷³.

Уравнительные настроения рабочих являлись важным элементом формирования их «революционного сознания». Одним из факторов их проявления стала эгалитарная реакция на одежду³⁷⁴. В 1920-е гг. трансформируются важные элементы одежды, по которым прежде определялся инженер. Прежде инженерное сообщество стремилось выделить свою профессиональную принадлежность, то после революции появляется стремление слиться с основной массой общества. Н.Н. Берберова вспоминала: «Вместо форменного мундира одевается косоворотка, фуражка со значком профессии – молотком и разводным ключом – напоминала что-то офицерское, и это не нравилось. Манера носить галстук и сорочку с накрахмаленным воротничком могла быть расценена как желание осуществить реставрацию прежних порядков»³⁷⁵. Н.Б. Лебина называет такое явление в повседневности «...тенденцией социальной маркировки...»³⁷⁶.

Исключительный статус рабочего проявился и изобразительном искусстве. Присутствие рабочего на плакате или картине приводило к наделению героическим статусом фигур находящихся с ним, если он изображался один, то практически всегда в гигантском формате. Лишь красноармеец занимал более высокую позицию³⁷⁷.

В литературной традиции 1920х гг. инженер представляется комическим героем, деятельность которого заканчивается провалом. Формируется новый жанр – заводской фольклер, надсмехающийся над техническими специалистами:

³⁷³ ЧЦХД. Ф. 288. Оп. 1. Д. 67. Л. 64.

³⁷⁴ Яров С.В. Человек перед лицом власти. М., 2014. С. 305.

³⁷⁵ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 70.

³⁷⁶ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. СПб., 2015. С. 131.

³⁷⁷ Боннелл Виктория Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 191.

«Инженеру (имярек) паром рыло обварило. Жалко нам, братцы-ребята, что всего не окатило»³⁷⁸. Карикатурные черты внешности и характера интеллигента, предлагавшейся прессой, были запоминающимися и давали почву для развития конфликтов в различных социальных пространствах – от заводского цеха до коммунальной кухни. Карикатурный образ бежал впереди реальности, создавая клише, поддерживающие новую господствующую идею «классовой» структуры переходного периода. Из печатных полос в сторону интеллигенции летели обвинения отсутствие классовой ненависти, за готовность обслуживать любой господствующий класс идеологически и технически³⁷⁹.

Вдохновленные успехами власти в выявлении «врагов», о которых регулярно сообщалось на страницах местных и центральных периодических изданий, некоторые рабочие не только на словах поддержать это начало, но и предпринимают конкретные начинания. Так, помощник главного лесничего М.В. Вельяминов был обвинен лесничим С.А. Уховым в том, что М.В. Вельяминов при уборке в своем кабинете разорвал и выкинул портреты вождей революции. После того, как дело было передано в губпрокуратуру, М.В. Вельяминов был уволен и взят под стражу. В ходе следствия С.А. Ухов признался, что оговорил М.В. Вельяминова, так как он постоянно к нему придирался и по всем «признакам» он враг, который все равно себя рано или поздно проявил бы. В итоге заведенное против Вельяминова дело было закрыто, но в должности он так восстановлен и не был³⁸⁰.

На усталость инженеров от такой социальной атмосферы указывают речи, которые порой звучали на заседаниях инженерно-технических секций: «...раньше врагами были евреи, а теперь оказались инженеры...», «...наши газеты почитаешь, так нет врага опасней инженера...»³⁸¹.

³⁷⁸ Крыштановская О.В. Указ. соч. С. 85.

³⁷⁹ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России стратегия выживания и интеграции, 1917 –1936 годы. М., 2003. С.53.

³⁸⁰ ЧЦХД. Ф. 1233. Оп. 3. Д. 1. Л. 314–320.

³⁸¹ ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1003. Л. 84; ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

Организация «шахтинского дела» привела к росту негативного отношения к специалистам. За этим событием последовали массовые аресты инженеров, хозяйственных экспертов.

После «Шахтинского дела», в отношении инженерно-технических кадров были организованы массовые проверочные кампании, в ходе которых на «чистую воду» выводились «вредители»³⁸². Слова «инженер» и «вредитель» принимают практически один и тот же смысл. В.В. Маяковский в 1928 г. писал:

«...Прислушайтесь,
на заводы придите:
в ушах —
навязнет
страшное слово
«вредитель» —
навязнут
названия шахт.
Пускай статьи
определяет суд.
Виновного
хотя б
возьмут мишенью тира.
Меня
презрение
и ненависть несут
под крыши
инженеровых квартир...»³⁸³.

Неоднозначную реакцию это дело вызвало у самих специалистов. С резким осуждением действий своих коллег, инженеров Донбасса, выступил председатель Череповецкого окружного отдела Межсекционного бюро инженеров и техников (МБИТ) М.А. Богданов³⁸⁴. «Шахтинскому делу» было посвящено внеочередное собрание рабочих фабрики «Сокол». На нем рабочие также выступили с резкой критикой инженерно-технических работников: «...среди наших инженеров не исключена возможность пребывания «спецов» типа донбассовских заговорщиков. Их надо сжать в большевистские тиски, чтобы они чувствовали, что работают в

³⁸² Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М., 1990. С. 389.

³⁸³ Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1958. С. 157.

³⁸⁴ ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

стране Советов». Однако на том же собрании часть рабочих выступила в защиту инженеров, предостерегая от повального развития «спецеества». Слова защиты в адрес инженеров Донбасса звучали и от части вологодских специалистов: «Советской власти надо было отвлечь внимание населения от внутреннего развала на хозяйственном фронте, ну вот она и придумала Шахтинское событие, ловко свалив развал на специалистов Донбасса»³⁸⁵.

В это время окончательно складывается и образ врага-интеллигента, появившийся на советских плакатах работы В. Дени в виде человека в фуражке инженера и в очках, натягивающего на пути у несущегося паровоза социалистического строительства веревку с надписью «вредительство»³⁸⁶.

Заходила в тупик школьная реформа, поэтому нужно было срочно найти виновного и наказать его. Понятно, почему очередной губернский съезд работников просвещения, состоявшийся в ноябре 1922 г., прошел в достаточно напряженной атмосфере. В сторону Отдела просвещения от учителей не раз звучали обвинения в развале школы: «В данный момент не существует ни новой, ни старой школы. I ступень выпускает слабо образованных детей, II – недоучек, которые с трудом переходят в высшую школу и не подготовлены к жизни»³⁸⁷.

Властью также признавалось, что в процессе построения новой школы существуют проблемы, но причина в этом одна – педагогические кадры. В 1923 г. на Вологодской общегородской конференции работников просвещения зав. губернным образованием В.С. Ципнятов напоминал собравшимся учителям: «Предлагая на открытое обсуждение те или иные предложения по организации школьного строительства, вы должны усвоить..., что теперь Ваша основная задача – не подготовка специалистов, а выработка методов коммунистического воспитания». Особенно резкие высказывания в адрес вологодского учительства прозвучали из доклада А.С. Новосильцева. В нем учительство обвинялось в том, что ряд учебных заведений г. Вологды представляют собой сохранившиеся образцы реальных училищ, гимназий, «где преподавание истории ведется по

³⁸⁵ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 12. Д. 97. Л. 23–23 об.

³⁸⁶ Николаева М.Ф. Указ. соч. С. 385.

³⁸⁷ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 522. Л. 16.

Иловайскому, а в школьных библиотеках сохраняется всякий хлам, отражающий не то что буржуазную, а феодальную идеологию»³⁸⁸. Здесь следует заметить, что это вовсе не вина учителей, что современные учебные пособия просто-напросто в городе отсутствовали. Подобная ситуация с методической литературой была характерна для провинции в целом.

Обращаясь к вопросу строительства новой школы, большинство докладчиков сходились во мнении: «Если старое учительство хочет работать в новой школе, то оно должно изжить в себе мелкобуржуазную идеологию и не отставать от общего революционного движения. <...> Если же нет, то лучше совсем закрыть такую школу, чем терпеть такое положение дел». Звучали в адрес учительства и слова поддержки, в которых докладчики обращали внимание на то, что во многих случаях других учителей просто нет и «что не каждый марксист может стать учителем-марксистом»³⁸⁹. В пример городскому ставилось сельское учительство, которое, по мнению руководства, стояло к Советской власти гораздо ближе и в душе никогда не было против нее. Однако здесь следует заметить некоторую долю лукавства руководства отдела образования. Некоторые источники показывают совершенно иную картину. Учитель П.И. Губачев (Череповецкая губ.), командированный с целью пропаганды «самообложения», высказался: «Меня посылали в деревню для того, чтобы я выяснял, у кого хлеб есть... и сообщал, но я этого не делал, потому что я сам мужик и... в корне против такого бесчеловечного отношения к тем, кто кормит всю страну»³⁹⁰. Открытое выступление сельского учителя против политики власти можно объяснить стремлением идти навстречу интересам крестьянства и стать для него «своим», преодолев недоверие и отчуждение³⁹¹. Отрицательное отношение взрослого крестьянского населения к школьному образованию не было случайным. Восстановление экономической рентабельности сельскохозяйственной деятельности, повлекло за собой увеличение распахиваемой земли, что в свою

³⁸⁸ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 619. Л. 25, 26 об.

³⁸⁹ Там же. Л. 27.

³⁹⁰ ЧЦХД. Ф. 719. Оп. 2. Д. 3. Л. 402.

³⁹¹ Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей М., 2015. С.76.

очередь повысило ценность имеющихся в семье рабочих рук. В связи с этим, получение образования стала восприниматься крестьянством, как потеря ребенка для семьи, что одновременно являлось значительной потерей для хозяйства³⁹². По Северному и Ленинградско-Карельскому районам в 1926 г. в составе самодеятельного населения, т. е. принимающего непосредственное участие в производственной деятельности, оказалось соответственно 65,1 % и 64,6 % (при среднем показателе по стране 61,4 %). Столь высокий показатель «занятости» сельского населения объясняется прежде всего тем, что крестьянские дети с десятилетнего возраста включались в работу, т. е. оказывались уже самодеятельными. В качестве самодеятельных, не достигших 10 лет, оказалось записано 25,8 % жителей Северного и Ленинградско-Карельского районов³⁹³. Поэтому значительная часть крестьянских детей успевали окончить только три класса, после чего родители переставали отпускать детей в школу, говоря: «Читать мало-мальски можешь, фамилию пишешь, и хватит с тебя» или «Для чего учить? Пусть будет работник по хозяйству»³⁹⁴. Важно отметить, что одной из целью нового образования было разрушения традиционной культуры, это в деревне большинством воспринималось весьма болезненно. В сознании старшего поколения школа, комсомол и хулиганство воспринималось равнозначными понятиями³⁹⁵.

В официальных заявлениях партийного руководства нередко встречается разделение учителей на «старых» и «новых». В вину «старым» педагогам ставилось «не владение» современными методами преподавания, пренебрежение политической подготовкой учащихся, проведение занятий без использования комплексного метода, неохотно практикуют школьное самоуправление, высказывания в поддержку кулачества и ведение между собой разговоров о скудности продовольственного пайка и тяжелых условиях жизни. Особым пунктом обвинения являлось «стремление сохранить традиции старого порядка».

³⁹² Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926. С.45

³⁹³ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 522–523.

³⁹⁴ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 205–207

³⁹⁵ Трошина Т.И. Указ. соч. С. 179.

В пример приводился случай, когда в ночь с шестого на седьмое января 1929 г. в вологодском детском саду № 15 под видом собрания педагогами была устроена рождественская елка³⁹⁶. Здесь же педагогами обсуждались и проблемы просвещенцев, которым была посвящена отдельная стенгазета. Особое раздражение власти вызвало содержавшееся в ней следующее четверостишие:

«...Науки юношей питают,
Отраду старцам подают
Так нас в отделе уверяют
И все они, конечно, врут.
Получка, вот что нас питает,
Она отраду нам дает.
Это всякий умный знает,
Не знает только идиот».

Партийное руководство расценило стихотворение как открытое выступление против Советской власти, высмеивание и нежелание этих педагогов заниматься общественной работой³⁹⁷.

Особые проблемы возникали у врачей. Одной из узнаваемых характеристик рабочего класса (но не «пролетариата» в полном смысле этого слова) времен НЭПа было наличие в его среде квалифицированных рабочих, имевших связь с землей. Как следствие, зачастую рабочие весной и ранней осенью стремились «закосить» на работе под предлогом «хвори», являвшейся наследством царского режима, – врача же ни чего не оставалось кроме, как предоставить им больничный лист. Получение бюллетеня гарантировало пособие в размере до 95 % от среднего заработка³⁹⁸ и дополнительную статью дохода в семейный бюджет от результатов огородно-полевой деятельности. Отказавшиеся его выдать серьезно рисковали: на фабрике «Сокол» «непонятливого» заводского доктора избили до полусмерти. После этого случая

³⁹⁶ ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

³⁹⁷ ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 69. Л. 48.

³⁹⁸ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917–1930-е годы // Социальная история. 2010. С. 286.

вакансия заводского врача, несмотря на высокую зарплату – 160 руб. (при средней в регионе – 100 руб.), оставалась открытой в течение всего 1926 г.³⁹⁹ Во время приема довольно часто подвергались оскорблениям врачи первичного звена.

Помимо всего прочего, в народном сознании именно интеллигенция была виновной в сложившейся бюрократической системе и волоките. «...Религиозные обряды – если нужно совершить их в деревне – нужно разрешение... сельсовета, корову хочет продать крестьянин – бумагу... Человек умер – требуется анкета в 50 вопросов. Спрашивается адрес умершего, был ли он в плену... Анкета на самоубийц – 100 вопросов»⁴⁰⁰. Власть также стремилась укрепить данный стереотип в народном сознании. В конце 1923 г. в г. Кириллове Череповецкой губернии состоялся суд на врачом Ордынской. В вину подсудимой инкриминировали искусственное создание очередей в поликлинике с целью «подрыва населения доверия к советской власти»⁴⁰¹.

Если охарактеризовать в целом политику государства применительно к интеллигенции в 1920-е гг., можно отметить преобладание классово-идеологических критериев над рационально-хозяйственными и научными интересами.

На всем протяжении 1920-х гг. одним из способов регулирования социального состава интеллигенции являлись периодически проводимые «чистки» государственного аппарата, предприятий и различных учреждений. Массово их начинают проводить с середины 1920-х гг. по инициативе местных органов власти. Так помощник губернского прокурора по Кирилловскому уезду в своем донесении обосновывает необходимость проведения «чистки» в уезде тем, что несмотря на отсутствие серьезных антисоветских группировок, есть скрытая угроза от беспартийных спецов, до сего времени остающихся на советской службе и теми «антисоветскими отбросами», которые были выметены с советской

³⁹⁹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 428. Л. 32.

⁴⁰⁰ Слезин А.А. «Легкая кавалерия» комсомола в системе политического контроля // Вопросы истории. 2001. № 11-12. С. 135.

⁴⁰¹ ЧЦХД. Ф.246. Оп.2. Д.21. Л.48 об.

службы <...>. Эти бывшие царские слуги из помещичьих, поповских и им подобных пород до сих пор присутствует среди специалистов и могут представлять угрозу для советской власти. Связи с этим за ними необходимо вести постоянный контроль и при первой возможности их необходимо заменить своими советскими служащими⁴⁰². Эти мероприятия получили столь значительное распространение, что вызвали появление секретного циркуляра ЦК РКП(б) от 17 декабря 1924 г., запрещавшего «огульную чистку» совучреждений как нецелесообразную и «в настоящее время» вредную, хотя данная инициатива рассматривалась как свидетельство «назревшей необходимости пересмотра личного состава госаппарата» и «естественное стремление» к его оздоровлению и исключению из его состава «далекого от Советской власти и деклассированного элемента, полученного нами в наследство от бюрократическо-царской России»⁴⁰³.

Первая массовая «чистка» в вологодском края проходила на всем протяжении 1924 г. Большое влияние на нее оказал рост сельскохозяйственного налога в период 1923-1924 гг., который повлек за собой всплеск недовольства в крестьянской среде. В этот период времени из уездов поступают весьма тревожные сводки о участившихся отдельных контрреволюционных выступлениях в разных деревнях. Особо подчеркивалось, что <...> проводниками таких выступлений являются различные «спецы». Часть этой братии засела в городских учреждениях и оттуда распространяет политическое богохульство, <...> которое докатывается и до крестьянства. «Спец» же витающие непосредственно среди крестьянства еще больше пытаются еще больше раздуть недовольство к советской власти т. е. против коммунистов. Крестьяне взвинченные продналоговым аппаратом, еще сильнее возбуждались действиями «спецов»⁴⁰⁴. Другой повсеместной проблемой являлось взяточничество и волокита в большинстве губернских учреждениях. Поэтому в официальных документах указывалось, что компания преследовала две цели – блокирование и изъятие из аппарата «чуждых» и «антисоветски настроенных» служащих, а также

⁴⁰²Там же.. Л.68.

⁴⁰³ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 584. Л. 17 об.

⁴⁰⁴ ЧЦХД. Ф.244. Оп.2. Д.14. Л.49;Ф. 344. Оп. 1. Д. 3. Л. 45

повышение эффективности работы чиновников⁴⁰⁵. В марте 1924 г. Тихвинская аттестационная комиссия провела пересмотр личного состава уездных агрономов. По заключению комиссии из 14 проверяемых пятеро отстранялись от занимаемой должности и один был переведен в соседний уезд. Причем у троих в качестве причины была указана формулировка «принадлежность к буржуазному классу, использование недовольства крестьян в личных целях»⁴⁰⁶

Оценка социокультурного облика затронутой «чистками» части провинциальной интеллигенции дает возможность понять, против кого была направлена в регионе данная кампания и какую конкретную цель она преследовала. По материалам Вологодской и Череповецкой рабоче-крестьянской инспекции 1923–1929 гг. рассматривались половозрастные характеристики, образовательный уровень, партийная принадлежность, стаж работы «вычищаемых», оценка их деятельности властью и обществом.

Согласно произведенным подсчетам, средний возраст «вычищенного» специалиста в Вологодской губернии составлял 45,6 года⁴⁰⁷. Несколько моложе были череповецкие служащие – 39,4 года⁴⁰⁸.

Примерное соотношение полов среди «вычищенной» интеллигенции региона было таково: мужчин – 82 %, женщин – 17 %. Возраст женщин, попавших под увольнение, колебался от 23 до 62 лет⁴⁰⁹. Такой широкий возрастной диапазон объясняется тем, что большинство «вычищенных» женщин (до 98,4 %) были заняты в сфере образования, где активное вливание молодых кадров начинается уже с начала 1918 г. Одновременно с этим, в основном в сельской местности, в период 1919–1920 гг. местные уездные и волостные власти в связи с нехваткой профессиональных учительских кадров были вынуждены брать на работу в школу просто образованных лиц. Как правило, это были женщины, в основном выходцы

⁴⁰⁵ Цит по: Котов А.С. Социальный состав советской интеллигенции... С.178.

⁴⁰⁶ ЧЦХД, Ф.344. Оп. 1. Д. 4. Л.11.

⁴⁰⁷ Подсчитано по: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 482. Л. 8–10, 14–17, 20–24, 32–41; Д.492. Л. 15–18, 23–25, 33–47; Д. 501. Л. 5–8, 10–14, 15–22.

⁴⁰⁸ Подсчитано по: ЧЦХД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–18, 23–28, 35–42; Д. 4. Л. 3–7, 10–11, 15–19; Д. 5. Л. 8–15, 22–27.

⁴⁰⁹ Подсчитано по: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 482. Л. 32–41; Д. 50. Л. 22–25; ЧЦХД. Оп. 1. Ф. 339. Д. 3. Л. 35–41; Д. 4. Л. 15–17.

«из бывших», умевшие читать, рисовать, обладавшие знаниями по математике, владевшие иностранным языком⁴¹⁰.

Определенный интерес представляют данные о месте рождения «вычищаемой» интеллигенции в этот период. Около 72 % специалистов, подвергнутых увольнению в регионе из различных отраслей хозяйства, были уроженцами других регионов страны и приехали на территорию Вологодского края в основном в период 1918–1921 гг.⁴¹¹ Данный факт можно объяснить тем, что «вычищаемые» еще не успели или не смогли обзавестись достаточно весомыми связями и знакомствами среди представителей региональной интеллигенции, обладавшей властными полномочиями и определенным влиянием, и, будучи «чужими» для местного интеллектуального социума, первыми были принесены в «жертву»⁴¹². В результате можно говорить о том, удержаться на своем рабочем месте удавалось прежде всего тем, кому давали хорошую рекомендацию (положительную характеристику) коллеги, – следовательно, наиболее уживчивым, способным общаться и расположить коллектив к себе, наличие связей, профессиональные качества. В итоге на первом этапе «чисто» местные органы власти были склонны «назначать» одними из виновных в бедственном положении трудящихся представителей неместной интеллигенции, которые, по мнению руководства, не были знакомы со спецификой региона⁴¹³.

Анализируя социокультурный облик «вычищенной» интеллигенции, необходимо сказать о ее политических взглядах. У большинства уволенных специалистов (62,4 %) в графе партийная принадлежность указывалось «Склонен поддерживать чуждую Советской власти идеологию», 12,5 % в прошлом являлись членами партии эсеров, 10,2 % были в прошлом в составе меньшевиков, 1,8 % – члены РКП(б), 13,1 % – беспартийные.

⁴¹⁰ ГАВО. Ф. 343. Оп. 1. Д. 107. Л. 18; Д. 143. Л. 41–41 об.; Ф. 1455. Оп. 1. Д. 72. Л. 56–57; ЧЦХД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 3. Л. 66.

⁴¹¹ Подсчитано по: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 482. Л. 32–41; ЧЦХД. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–41.

⁴¹² Трошина Т.И. Указ. соч. С. 31.

⁴¹³ Например, 4 марта 1924 г. комиссией при Череповецкой рабоче-крестьянской инспекции обсуждались инженеры «Шекснастрой»: В. Арцибашев (родился и до 1916 г. работал в Нижегородском пароходстве) и М. Ловский (родился в Могилеве и до 1914 г. работал в Витебске), которым был вынесен не типичный вердикт обвинения «...В связи с туманным прошлым и отсутствием среди окружения и общественности тех, кто мог бы за них поручиться...уволить по второй категории». См.: ЧЦХД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 5. Л. 72.

По уровню образования деление происходило следующим образом: 32,3 % – высшее, 68,7 % – среднее⁴¹⁴.

В ходе «чистки» личного состава Вологодского губернского суда, проходившей в период с 28 февраля по 2 марта 1924 г., к увольнению со следующими формулировками: «чуждый элемент», «не внушающий доверия», «противник Советской власти» – было намечено 25 из 76 сотрудников. По социальной принадлежности они делились следующим образом: духовного звания – 8, бывших служащих полиции – 2, дворян – 9, прочих – 6. В отчете инспекции особо отмечалось, «что в пролетарском суде только 3 выходца из рабочих... Главным образом суд творится непролетарским элементом, порой лицами, совершенно чуждыми Советской власти...». Такое положение дел в губернском суде инспектируемые объясняли тем, что в губернии нет достаточного количества квалифицированных коммунистов, могущих заменить «спецов юристов», и поэтому часть «спецов» с юридическим образованием мы вынуждены пока оставить на службе⁴¹⁵. Подобная проверка состоялась и в Череповецком губернском суде в нем к увольнению было намечено 15 из 56 служащих. Из них к представителям бывших слоев – 9.⁴¹⁶

С марта 1923 г. осуществлялась «экспертиза» работников образовательных учреждений. Эта процедура осуществлялась по двум направлениям: определение профессиональной и политической подготовки учительства. Освобождение от проверки в профпригодности могли получить те работники школ первой ступени, которые получили образование в учебных заведениях, образованных после революции. Указывалось, что выпускники данных учебных заведений выходят полностью подготовленными к работе. Учителя школ второй ступени от проверки профпригодности не освобождались. От политической проверки освобождались также члены РКП(б). Для получения разрешения преподавать учителем должен были обладать необходимым минимумом политических

⁴¹⁴ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 483. Л. 21–24, 31–33; Д. 505. Л. 5–7, 11, 18–22; Д. 516. Л. 111–113, 121–124; ЧЦХД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 78–80; Д. 4. Л. 156–159, 201–203.

⁴¹⁵ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 664. Л. 26, 27.

⁴¹⁶ ЧЦХД. Оп. 2. Д. 3. Л. 14. об.

знаний. В состав экзаменационной группы включали представителя от исполкома, отделов народного образования, комитетов партии, союза работников просвещения. Согласно приказу Главпрофобра основной целью проверки определялось выяснение объема знаний по политической подготовки и степень политической развитости учительства, распределение его по соответствующим категориям, установление квалификации лиц, стремящихся работать в сфере образования⁴¹⁷. Вологодский губком партии, указывал на то, что члены рабочей группы должны организовать «...беспристрастную работу комиссии конечной задачей, которой является «... «вычистить» из школы все вредные и антисоветские элементы»⁴¹⁸.

Самая масштабная кампания по «чистке» госаппарата, кооперативных и общественных организаций была развернута в стране в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Она проходила на фоне борьбы с «вредительством» и политических процессов против интеллигенции. Жертвами чисток официально становили «бюрократы и социально чужды» элементы, но зачастую это были представители дореволюционной интеллигенции⁴¹⁹. Одним из характерных отличий ее от предыдущих «чисток», по оценкам центральных контрольных органов, была «публичность». ««Чистки» проводились, как правило, в присутствии многочисленных представителей рабочих, профсоюзных организаций, комсомола и т. д.»⁴²⁰. Теперь в учет не брались прежние заслуги, профессиональный уровень, заступничество со стороны вышестоящего руководства. Более того, тот, кто пытался заступиться за «вычищаемых», привлекал к себе особое внимание и за частую сам вскоре попадал под «удар».

Решение о необходимости проведение массовой «чистки» советского аппарата приняла в апреле 1929 г. XVI Всесоюзная конференция ВКП(б). Летом того же года были опубликованы постановления ЦИК и СНК СССР «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных

⁴¹⁷ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 112. Л. 18.

⁴¹⁸ Там же. Л. 19.

⁴¹⁹ Вихвайн Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции СПб., 2004. С.199.

⁴²⁰ ЧЦХД. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

организаций» (от 1 июня 1929 г.), инструкция НК РКИ СССР по проведении «чисток»⁴²¹. Повсеместно намечались объекты и очередность проверки, создавались комиссии по «чистке» и рабочие бригады содействия ей на всех уровнях, проводились собрания общественных организаций и коллективов для разъяснения целей кампании; массовая агитация развернулась в печати.

Следует отметить, что в Череповецком округе местные органы РКИ пытались приступить к сплошной «чистке» уже в 1928 г. ...»⁴²². Необходимость данных мер обосновывалась якобы существовавшей угрозой эсеровского мятежа. В центре эти меры не встретили поддержки, они были признаны преждевременными, хотя частично и осуществлялись⁴²³.

В отношении квалифицированных кадров власть проявляла прагматическую избирательность: «...требуя осуществлять индивидуальный подход при оценке специалистов...»⁴²⁴.

«...Для комплектования многочисленных комиссий по проверке конкретных учреждений и организаций не хватало сколько-нибудь компетентных людей, тем более специалистов. Поэтому нередко «чистка» организовывалась на основе данных предоставленных администрацией. «Чистка» конкретного учреждения включала несколько стадий: 1) подготовительную (создание комиссии, информирование общественности через прессу о начале «чистки», разработка плана работы, создание рабочих групп); 2) проверку или смотр учреждения (обследование учреждения рабочими бригадами, сбор, обработка, изучение информации); 3) «чистку» личного состава учреждения (открытая «чистка» с привлечением общественности, закрытая — с вынесением постановления); 4) выдвижение в аппарат; 5) завершающую (дополнительный сбор информации по спорным делам, рассмотрение апелляций, подведение итогов, составление отчета для вышестоящих органов)⁴²⁵.

⁴²¹ ЧЦХД. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁴²² Цит по: *Котов А.С.* Социальный состав советской интеллигенции... С.179.

⁴²³ ЧЦХД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 1. Л. 22.

⁴²⁴ Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 10. Л. 158.

⁴²⁵ Там же. Д. 3. Л. 140–147.

Материалы «чисток» дают наглядное представление о методах их проведения, характере претензий и обвинений, предъявлявшихся «спецам». Несмотря на официальные уверения о том, что главным критерием оценки служащих и специалистов являются их деловые качества, на деле учитывалось, прежде всего, социальное происхождение, прошлая деятельность и т. п. ...».

Так как «чистки» 1929–1930 гг. в крае проходили под лозунгом борьбы с эсеровской «угрозой», то и коснулись они больше отделов, связанных непосредственно с сельским хозяйством. Объяснить страх власти перед ней можно тем, что многие специалисты сельскохозяйственного ведомства до революции имели сношения с Вологодским сельскохозяйственным обществом и непосредственно С.С. Масловым. В 1927 г. в Лондоне состоялся съезд партии «Крестьянская Россия», которая была преобразована в партию «Трудовая крестьянская партия» (ТКП). Генеральным секретарем партии стал С.С. Маслов.⁴²⁶ В начале 1928 г. при обыске на квартире одного из преподавателей череповецкого сельскохозяйственного техникума были найдены информационные бюллетени и программные документы этой партии.⁴²⁷ О том, что С.С. Маслов действительно имел постоянную связь с Россией свидетельствуют его публичные многочисленные публичные доклады. По итогам проверки необходимо было сформировать «...крепкий земельный орган местного аппарата ориентирующий в общегосударственных программах и полностью поддерживающий линию партии»⁴²⁸ «...В связи с этим первые проверки прошли в аппарате Череповецкого окружного земельного управления и находящиеся при нем отделах (ветеринарный, сельскохозяйственный, лесной). Изначально они были выборочными и осуществлялись силами двух бригад из 10 человек. Основная работа комиссии по «чистке» развернулась в декабре – январе, заключительное заседание по подведению итогов «чистки» было проведено 4 февраля 1930 г. Работая в открытом режиме, в нем приняли участие рабочие, служащие – всего 120 человек. В конце заседания по итогам «чистки» была принята резолюция,

⁴²⁶ Куреньшев А.А. Указ соч. С.53.

⁴²⁷ ЧЦХД. Ф.246. Оп.1. Д.3. Л.28.

⁴²⁸ Там же. Ф.807. Оп.1. Д.6. Л.2.об.

согласно которой проверку прошли 35 сотрудников окружного земельного управления из 51 (по списку на начало «чистки»)⁴²⁹ Большое значение для принятия решения имело социальное происхождение специалиста (сын купца, священнослужителя, чиновника)...»⁴³⁰. В это же время проверке подверглось Кирилловское земельное управление. По ее итогам от должности были отстранены заведующий уездного земельного управления Ю.С. Алкснис и участковый агроном Р.Я. Скуа «как латвийские оптанты» Вместе с ними были уволены еще 3 человека. Все снятые с должностей имели высшее и среднее специальное сельскохозяйственное образование, все в прошлом были членами партии эсеров.⁴³¹ В 1928 г. с целью улучшения качества работы школы и повышения уровня подготовки учащихся начинается «чистка» учительских кадров. «... В том же году в результате выборочной проверки педагогического персонала Череповецкого округа уволить было приказано 120 учителей из 1248 проверенных. Поводом к увольнению являлись следующие обнаружившиеся обстоятельства: невыполнение программ и директив ОНО по работе в школе; манкировка со стороны работника занятиями, систематический пропуск занятий в рабочие дни; неверное идеологическое освещение вопросов программ перед детьми. О преимущественно политической ориентации данной кампании свидетельствует состав списка намеченных к увольнению ...» (см. прил. 4). В Тихвине причиной увольнения учительницы музыки стало донесение информации от том, что в свободное время и по выходным, она поет в церковном хоре.⁴³² Зачастую на учителя просто перекладывались просчеты руководства. Так учительница одной из деревень Череповецкой губернии была уволена за то, что преподавала историю по старому учебнику Баранова в котором содержалось большое количество иллюстрационного материала. Доводы ее о том, что другого наглядного материала у нее просто нету, руководство не услышало. С

⁴²⁹Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–11 об.

⁴³⁰ Там же. Л. 3, 10, 113–115 об.

⁴³¹ЦЦХД. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3. Л.117, 150.

⁴³²Там же.. Ф.719. Оп.2. Д.3.Л.149

формулировкой «... закаленное старое психологическое сознание» был уволен учитель математики Устюженской школы.

Одновременно с этим на различных профсоюзных и партийных собраниях провозглашались требования необходимости новых, более тщательных «чисток» в учительской среде, «т. к. по-прежнему среди нашего учительства есть дочери купцов и элементов непролетарского происхождения».

Вместе с чисткой кадрового состава началось активное «очищение» сознания людей от всего, что чуждо советскому человеку. В осуществлении этих задач литература играла первостепенную роль. Связано это было с тем, что телевидения в те годы в России не было, радиофикация страны еще только начиналась, театры еще не привлекали массовую аудиторию и, таким образом, книга стала основным средством пропаганды. Происходит идеологизация литературы, перед которой ставится конкретная задача – формирование «нового советского гражданина». Автоматически внимание власти привлекает библиотека, которая из хранителя книги превращается в ее пропагандиста. В 1923–1924 гг. приходили инструкции, в которых указывалось на необходимость провести «чистку» всего библиотечного фонда⁴³³. Согласно инструкции, «чисткам» подлежали все отделы библиотечных фондов. При этом, кроме дореволюционных изданий, среди запрещенной литературы оказались книги и брошюры, изданные советскими органами в 1918–1920 гг. К числу такой «устаревшей» литературы относились издания по «тем вопросам, которые в данное время иначе разрешаются советской властью», а именно: относительно «земельного вопроса, налоговой системы, вопроса о свободной торговле, продовольственной политике»⁴³⁴.

В Череповце чистка библиотек проводилась в двадцатых числах мая 1924 г. Вошедший в состав комиссии по проведению «чистки» представитель Уполитпросвета заявлял, что вся литература, не отвечающая целям пролетарской республики, должна изыматься беспощадно. По итогам «чистки» из городских

⁴³³ ГАВО. Ф. 893. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁴³⁴ Труханович Т.Ю. Архивные документы о цензуре в Череповецкой губернии: [по фондам арх. г. Череповца] // Губернский город Череповец (1918–1927 гг.). Череповец, 2005. С. 42.

библиотек раздел «История» практически исчезает. Под запрет попали Н.М. Карамзин («История государства Российского»), Н.И. Костомаров («Русская история»), А.Г. Брикнер («Иллюстрированная история Петра Великого») и труды ряда других историков. Полному изъятию подвергся дореволюционный журнальный фонд. Журналы изымались под разными предлогами. Так, изъятие «Русской старины» объяснялось «большим содержанием статей религиозного характера»⁴³⁵.

Жесткому контролю подвергалась в эти годы и издаваемая в городе и губернии литература. Примером является история, произошедшая с рукописью В.И. Равдоникаса «Тихвинский край». Работа была передана в губернское издательство в конце 1923 г. и после этого пролежала на полке более двух лет. Только после ходатайства ЦБК и исключения ряда страниц книга была опубликована в 1927 г.⁴³⁶.

Таким образом, проводившиеся в регионе «чистки» имели свои ярко выраженные особенности и черты. Особенностью кампании 1924–1925 гг. стало то, что «вычищению» в основном подверглись специалисты, не являвшиеся уроженцами рассматриваемого региона, проживавшие в нем еще достаточно короткий срок. «Чистки» 1929–1930 гг. региональные власти объясняли борьбой с эсеровской угрозой, поэтому и коснулись они в основном специалистов, чья профессиональная деятельность так или иначе была связана с сельским хозяйством, и учителей в рядах которых также имелись «бывшие» в прошлом эсеры. Несмотря на проходившую в это время в стране массовую борьбу с инженерами-«вредителями», рассматриваемый регион они не затронули, за исключением «травли» в прессе и обсуждений инженеров на коллективных собраниях.

2.3. Вклад интеллигенции в развитие края

⁴³⁵ ВОАНПИ. Ф.1930. Оп. 4. Д. 92. Л. 8, 10, 22 об.

⁴³⁶ СПФАРН. Ф. 1049. Оп. 2. Д. 77. Л. 117, 135.

1920-е гг. – это время начала отработки запросов Советской власти к интеллигенции, в том числе и к тем отрядам служащих квалифицированного труда, род занятости которых принадлежал к первостепенно важным для организации жизнедеятельности любого общества. В их число, безусловно, входят медики и учителя, инженеры и техники, работники культуры. Именно от качества выполнения ими своих профессиональных функций, связанных с социально-экономическими потребностями местности, зависит результат приращения или утраты регионом своего культурно-цивилизационного ландшафта.

Переориентация внимания местных органов управления с военно-политических задач на социально-экономические и культурные соответствовала социальной позиции основной массы вологодской интеллигенции. В результате активного участия интеллигенции в работе «...губернских советов народного хозяйства, плановые комиссии и экономические совещания занимались изучением фактического состояния экономики края и подготовкой предложений по реорганизации деятельности предприятий по принципу децентрализации, хозяйственной самостоятельности и материальной заинтересованности...».

Необходимость реализации культурно-просветительской работы на производстве в период НЭПа была вызвана низкой культурой местных рабочих. Постепенный приход в негодность простаивающих предприятий заставлял власть немедленно принимать меры по их восстановлению, переоборудованию с последующим запуском. Реализация этих мер на практике значило выполнение государственной программы по строительству новых производственных мощностей и сооружений, переоборудование уже существующих предприятий, создание новых рабочих мест. Осуществить данные мероприятия было возможным только при повсеместном привлечении инженерно-технических работников, которые имели достаточный практический опыт в деле создания промышленных объектов. С целью достижения положительных результатов по восстановлению предприятий требовалась организация культурно-просветительской деятельности как в среде специалистов, так и в рабочей среде.

Необходимо было осуществить определенные задачи по реализации политики повышения культуры производства рабочих на производстве. Осуществить ее планировалось через создание сети фабрично-заводских клубов, на производственных кружках.

Осуществление этих задач ложилось на плечи инженеров имевших дореволюционный стаж работы. В дореволюционный период вместе с выполнением своих должностных обязанностей (научные, проектно-конструкторские, технологические и организация и обслуживание производства), ими осуществлялось и повышение квалификации рабочих, имевшее, как правило, установочный характер. Повсеместно же такая практика не получила широкого распространения ⁴³⁷. Во времена НЭПа, в государстве, где существует проблемы на рынке труда и низкий уровень образования большинства людей трудоспособного возраста, специалист, имеющий высокий образовательный ценз, выполняет функции не только инженера и администратора, каковым он являлся в глазах рабочих, но и учителем, на добровольных началах распространяющий свой опыт и знания в рабочей среде.

В повышение культуры производства рабочих имели свой интерес три стороны. Во-первых, государство. Реализация культурно-просветительской программы улучшало качество рабочей силы. Во-вторых, сами рабочие. Повышение качества профессиональных навыков и умений рабочих способствовало повышению их общей квалификации и, как результат, улучшение материального благополучия, культурный рост, возрастание финансового и бытового благосостояния. «...В-третьих, специалисты. Ведение культурно-просветительской деятельности могло сблизить специалистов с рабочими, изжить «спецеество»...». «Безвозмездный» труд инженера и техника помогал ему понять психологию и повседневность трудящегося, найти с ним общий язык, так как для трудового коллектива, ценность техника и инженера становилась наиболее понятна, когда он будучи занятым в выполнение своих обязанностей

⁴³⁷ Волков В.С. Техническая интеллигенция России: традиции и новации в функциях и облике // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 50.

выполнял их не только в качестве администратора⁴³⁸. Это влияло на место специалиста на производстве, а так же выполнение им производственной нормы. Для достижения материального благополучия специалисты должны были принимать участие в общественной жизни предприятия. В противном случае инженерно-техническим работникам ставили в вину неучастие в общественной жизни. О.В. Крыштановская в своей монографии приводит следующее высказывание: «...Что? В служебное время нужно заниматься делом? Ага. Значит, общественная работа, по-вашему, не дело? Товарищи, ну как это иначе можно квалифицировать, как не антиобщественный поступок!...»⁴³⁹. В результате, на специалиста с дореволюционным опытом работы в рассматриваемый период накладывались не только обязательства по восстановлению промышленности, но и дополнительные обязанности по просвещению.

«...В результате частью производственной повседневности технической интеллигенции становится чтение лекций в рабочих клубах, ведение занятий в производственных кружках и т. п., причем следует отметить, что участие в культурно-просветительской деятельности не освобождало от выполнения основных обязанностей на производстве⁴⁴⁰.

Организация культурно-просветительской деятельности возлагалась на профессиональные союзы. Уже на IX съезде РКП(б) в 1920 г. постановили: «Задачи профессиональных союзов лежат, главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной». «Одной из особо важных задач профсоюза является подготовка офицерских кадров нашей промышленности из рабочих, т. е. дело профессионально-технического учения»⁴⁴¹.

На I Всесоюзном съезде инженеров и техников, состоявшемся в январе 1922 г., констатировали, что участие инженерно-технических работников в культработе крайне важно и необходимо. Это участие будет способствовать

⁴³⁸ Волков В.С. Указ. соч. С. 243.

⁴³⁹ Крыштановская О.В. Указ. соч. С. 93.

⁴⁴⁰ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 48. Л. 13.

⁴⁴¹ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 494.

повышению уровня технических знаний рабочего и вообще повышению его общей квалификации. Оно полезно и для самих инженеров и техников, т. к. сблизит техперсонал с рабочей массой...»⁴⁴².

В связи с началом деятельности МБИТ, на I съезде инженеров не были еще поставлены общие задачи и определены объекты культурно-просветительской работы инженерных организаций. «...Лишь в 1924 г. на II Всесоюзном съезде инженерно-технических сил СССР была принята резолюция «О культурной работе инженерно-технических профорганизаций», определившая первоначальные задачи и направления для дальнейшего планового разрешения культурно-просветительских вопросов.

Культурно-просветительская работа разделялась на три основных направления:

- 1) культурная работа среди членов секций;
- 2) культурная работа среди рабочих и крестьян;
- 3) участие в профтехническом образовании⁴⁴³.

Согласно резолюции съезда, культурно-просветительская работа среди инженеров и техников имела своей целью: общеполитическое и профессиональное просвещение и обслуживание общекультурных потребностей ...»⁴⁴⁴.

«Наиболее оптимальным способом для удовлетворения культурных потребностей стала клубная деятельность, в рамках которой могло производиться общение между инженерно-техническими работниками, их вовлечение в активную профессиональную работу и повышение квалификации специалистов.

Несмотря на решение о создании клубов для инженеров и техников, принятое на съезде инженерно-технических сил, в Вологодской и Череповецкой губерниях таковых в годы НЭПа не существовало.

⁴⁴² ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 479. Л. 17.

⁴⁴³ ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 479. Л. 17 об.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 18.

Одним из направлений культурно-просветительной работы среди специалистов являлась организация МБИТом и губбюро секций лекций и докладов по различным вопросам техники и производства.

Устройство научно-технических докладов и лекций было развито слабо...». В 1926–1928 гг. для специалистов Вологды было прочитано несколько лекций имевших научно-техническую направленность.

«...Большой вклад в возрождение культурно-хозяйственного потенциала края вносили специалисты лесного хозяйства. Их деятельность была направлена на обслуживание нужд соответствующей отрасли промышленности, на проведение лесокультурных, лесовозобновительных и лесоохранных мероприятий. Проблемы рациональной организации лесного хозяйства являлись предметом пристального внимания губернских съездов лесничих, инженерно-технической секции лесников⁴⁴⁵. В частности, на Вологодском губернском съезде лесничих в июне 1924 г. было признано необходимым активизировать деятельность по обследованию и обустройству лесов, т. к. состояние и потенциальные возможности северных лесных массивов были изучены лишь на 30 %.⁴⁴⁶

Основной отраслью сельского хозяйства региона являлось мясомолочное и племенное животноводство, обладавшее большим товарным потенциалом. Поэтому усилия специалистов, обслуживающих данную отрасль, были направлены на улучшение породы крупного рогатого скота, правильную постановку ветеринарно-санитарной помощи, расширение кормовой базы скотоводства, на организацию переработки и сбыта продукции животноводства...»⁴⁴⁷.

Заинтересованность власти в таких специалистах и в успешном результате их работы и в дальнейшем доказывают эпизоды, когда, несмотря на многочисленные доносы и жалобы на руководителей таких хозяйств, местные

⁴⁴⁵ Резолюции IV Череповецкого губернского съезда научно-технической секции лесоводов (15–20 марта 1926 г.). Череповец, 1926. С. 3–7.

⁴⁴⁶ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 575. Л. 16.

⁴⁴⁷ Там же. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 53. Л. 100.

власти и даже отдел ГПУ признавали представленные сведения заведомо ложными. В 1924 г. в Череповецкий губком и отдел ГПУ на председателя совхоза «Борисоглебский» Череповецкой волости Б.В. Васильева поступил донос, в котором он обвинялся «в эсеровских взглядах и покровительстве кулакам». Борис Васильевич Васильев, уроженец Ягановской волости, в 1910 г. окончил Санкт-Петербургский университет. При его непосредственном участии в 1922 г. в совхозе был организован племенной конезавод, а в 1923 г. совхоз «Борисоглебский» занял лидирующие позиции в губернии по производству мяса и молока. Отправленная в совхоз ревизионная комиссия не нашла в хозяйстве никаких нарушений и «постановила считать данный донос ложным»⁴⁴⁸.

Местная губернская власть неоднократно публично отмечала «заслуги специалистов в восстановлении хозяйственно-экономического потенциала региона, указывала на необходимость создания для специалистов улучшенных условий работы»⁴⁴⁹.

Интеллигенция края принимала активное участие в подготовке проектов по строительству и модернизации немногочисленных в регионе предприятий целлюлозно-бумажной, машиностроительной, текстильной промышленности⁴⁵⁰.

Большую роль в восстановлении хозяйства края играли производственные совещания. В 1925 г. около 70 % предложений, переданных производственными совещаниями администрации Вологодского железнодорожного узла и Свердловского целлюлозного завода, были реализованы на практике. Инженерно-техническими секциями Вологодской губернии осуществлялись проекты по организации автомобильного сообщения в Вологде, развивалось жилищное строительство, оценивались возможности развития предприятий легкой и перерабатывающей промышленности⁴⁵¹.

В Череповце инженерами коммунальной и строительной секций разрабатываются планы по благоустройству и дальнейшему строительству в

⁴⁴⁸ ЧЦХД. Ф. 807. Оп. 1. Д. 4. Л. 76, 77.

⁴⁴⁹ ГАВО. Ф. 2201. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.

⁴⁵⁰ ЧЦХД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11. Л. 32.

⁴⁵¹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 678. Л. 48–51.

городе. В июле 1925 г. Череповецким губисполкомом было принято постановление по благоустройству города (понимаемому как налаживание порядка)⁴⁵². Согласно ему город должен был развиваться на освоенных ранее территориях и пустырях. В этот период в Череповце проектируется прообраз так называемой микрорайонной застройки, которая впервые проявилась при застройке так называемого «Городка Водников». Именно благодаря активности инженерных работников череповецкого гидра узла в этом районе были построены первые в Череповце дома с благоустроенными квартирами. Микрорайон имел свою социальную инфраструктуру: клуб, школа, поликлиника.

Одним из важнейших направлений деятельности интеллигенции в годы НЭПа являлись членство и работа в различных общественных организациях. С 1922 г. в стране наблюдается постепенное оживление общественной жизни. Происходит отказ от принудительного и обязательного членства в профсоюзах. Начинается кампания по переходу на индивидуальное и добровольное вхождение в общественные организации.

Наиболее известной научной общественной организацией края было Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК). Образованное в 1909 г. и с трудом пережившее революционные потрясения, общество уже в начале 1920-х гг. вновь разворачивает активную научно-изыскательную деятельность основной задачей, которой был поиск природных богатств края, выработке новых идей для ускорения экономического развития края. Огромную роль ВОИСК в укреплении хозяйственно-экономического потенциала страны и сохранении его культурного достояния отметил И.М. Гревс вовремя посещения Вологды в июле 1922 г.⁴⁵³ Председателями общества были «...И.Е. Гурьев – заместитель председателя губисполкома и председатель губплана, а с 1928 г. – председатель губплана М.М. Бек. К 1 января 1923 г. в обществе состояло 349 членов (3 почетных, 16 пожизненных, 16 действительных и 314 членов-сотрудников). Общество издавало свои научные труды, большинство из которых печаталось в

⁴⁵² ЧЦХД. Ф. 696. Оп. 1. Д. 4. Л. 19, 98; Ф. 7. Оп. 1. Д. 26. Л. 78; Д. 8. Л. 11, 74; Д. 39. Л. 54.

⁴⁵³ СПФАРАН. Ф. 796. Оп. 1. Д. 198. Л. 36.

журнале «Север»...»⁴⁵⁴. «...Количество учтенных краеведов постоянно увеличивалось, согласно официальной статистике, но актив оставался стабильным — до 50 челове⁴⁵⁵.

Советские краеведы в 1920-е гг. использовали опыт своих предшественников и по возможности организовывали сеть новых или оживляли деятельность ранее существовавших организаций. Наиболее самостоятельным было Тотемское отделение ВОИСК, организованное еще до революции, его члены продолжали активно работать и в первое десятилетие советской власти⁴⁵⁶.

Вельское отделение ВОИСК образовалось 24 января 1922 г. в г. Вельске. Инициатором стала группа членов профсоюза работников просвещения и социальной культуры Вельска. В 1916 г. несколько представителей Вельского уезда были действительными членами ВОИСК. В 1919 г. в Вельске организовался культурно-просветительский кружок во главе с агрономом-инструктором Северсоюза Н.П. Леонтьевским, который выступил с инициативой тесного сотрудничества с ВОИСК⁴⁵⁷. В январе 1922 г. кружок трансформировался в отделение ВОИСК, первыми членами которого стали 16 человек, преимущественно преподаватели местных учебных заведений⁴⁵⁸. В состав временного правления были избраны: В.Е. Кряклин, И.Д. Туров и А.М. Сафонов, кандидатом — А.И. Стениловский⁴⁵⁹.

Деятельность отдела была достаточно разнообразна. Как и везде, на основе архивных документов готовились научные доклады по истории Важского края, проводились геологические экскурсии, составлялись карты Поважья, собиралась библиотека, работал музей...»⁴⁶⁰. Не утратили своей значимости и на сегодняшний день некоторые работы А.М. Сафонова. Наибольший интерес

⁴⁵⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

⁴⁵⁵ Предварительные итоги Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. по Вологодской губернии. Вологда, 1927. С. 62.

⁴⁵⁶ *Спирина Д.В.* Научно-археологические исследования Н.А. Черницына // Тотма: краевед. альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 5–16.

⁴⁵⁷ *Веревкина Г.А.* Создание и деятельность Вельского отдела ВОИСК в 1920-е годы // Важский край в истории России: прошлое и настоящее (Ломоносов и Русский Север): Материалы науч.-практ. конф. Верховажье. 2001. С. 38.

⁴⁵⁸ *Романов М. И.* По ухабам жизни: мемуары. Вельск., 2006. С.52.

⁴⁵⁹ ЧерМО. Б/ф. Собрание А.М. Сафонова. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

⁴⁶⁰ *Романов М. И.* Указ соч. С.63-67.

представляют следующие его труды: «Из прошлого Вельского уезда. Культурно-бытовой очерк из истории уезда» и «Вельский летописец»⁴⁶¹. Обе эти работы были написаны не ранее 1924 г. и могут быть использованы как источник по истории повседневной жизни северного русского города в XIX – начале XX в. Для исследователей общественной жизни Европейского Севера России в период 1905–1917 гг. интерес представляет работа Сафонова «Воспоминания о 1905–1907 гг. в Вельске»⁴⁶².

30 марта 1924 г. в Череповце состоялось первое организованное собрание членов Общества по изучению Череповецкого⁴⁶³. В течение осени 1924 г. внутри общества образовались три секции: естественнонаучная – 40 человек; историко-этнографическая – 17 человек; хозяйственно-экономическая – 32 человека. По общественному положению члены общества распределились следующим образом: служащих – 17; учащихся – 27; учащихся – 51; лиц разных профессий – 4⁴⁶⁴. Положительную оценку деятельности общества дал И.М. Гревс им же были составлены методические рекомендации по организации экскурсоведения по краю⁴⁶⁵.

Перед местными государственными органами Вологды и Череповца в 1920-е гг. в ряду общих социально-экономических задач вставали огромные проблемы в сфере здравоохранения. Необходимо было приступить к развитию, а кое-где и к созданию материально-технической базы, форсировать подготовку медицинских кадров, создать условия для закрепления медицинских кадров на селе. Решать стоящие задачи было необходимо в рамках реализации сформулированных государственными органами принципов здравоохранения: общедоступность квалифицированной медицинской помощи, бесплатность, гуманность, его государственный характер.

Для создания материально-технической базы нужны были крупные капиталовложения, особенно в отдаленных уездах. С введением НЭПа

⁴⁶¹ ЧерМО. Б/ф. Собрание А.М. Сафонова. Оп. 2. Д. 33. Л. 2–63.

⁴⁶² Там же. Д. 50. Л. 1–12.

⁴⁶³ ЧЦХД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 37. Л. 19; Д. 34. Л. 2.

⁴⁶⁴ ЧЦХД. Ф. 922. Оп. 1. Д. 6. Л. 18 об.

⁴⁶⁵ СПФАРН. Ф. 796. Оп. 1. Д. 200. Л. 34–36.

здравоохранение в стране было переведено на финансирование из местного бюджета, что на нем отразилось весьма неблагоприятно и повлекло за собой сокращение до одной трети числа всех лечебных учреждений. Например, в Вологодской губернии были расформированы 3 больницы, 8 амбулаторий, 6 стоматологических амбулаторий⁴⁶⁶. Произошло сокращение штатов здравоохранения. В разработанном в 1922 г. «Положении о Народном комиссариате здравоохранения» были установлены следующие штаты местных здравоохранений: губернских – от 26 до 42 человек, уездных – 6 чел.⁴⁶⁷. Из 7 амбулаторий, работавших в Устюженском уезде Череповецкой губернии, осталась одна, находившаяся непосредственно в уездном центре⁴⁶⁸.

В то же время в результате активного взаимодействия власти и активной части медицинской интеллигенции в регионе происходит прорыв в деле развития местного здравоохранения. «...В Вологде в 1922 г. открылась детская больница, первым главным врачом которой стал Н.Я. Полубояринов. Это стало большим событием, т. к. в дореволюционной России детские больницы существовали только в нескольких городах. Открылись также детская амбулатория и консультация по охране материнства и детства.

На базе созданного В.В. Лебедевым санитарно-эпидемического бюро организуется в 1921 г. первая в губернии станция скорой медицинской помощи. Дореволюционная Россия почти не имела этой службы.

В 1924 г. открывается городской противотуберкулезный диспансер с диагностическим отделением на 20 коек и противотуберкулезный санаторий для взрослых «Октябрьские восходы» на 45 коек⁴⁶⁹.

В 1926 г. организуется совет социальной помощи и институт сестер социальной помощи для обследования бытовых условий туберкулезных больных и проведения санитарно-профилактических мероприятий на дому. В организации

⁴⁶⁶ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 215. Л. 15 об.

⁴⁶⁷ Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 248. Л. 41.

⁴⁶⁸ ЧЦХД. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

⁴⁶⁹ Кропин А.И. Пути и итоги борьбы с туберкулезом // Здравоохранение Вологодской области за 50 лет. Вологда, 1967. С. 32.

и укреплении противотуберкулезной службы большую роль сыграли А.А. Левитский, А.Н. Кропин, А.П. Солодкова, М.В. Павлова и многие другие врачи.

Получает развитие хирургия. В Череповце в первые годы Советской власти хирургическую помощь организует В.А. Токарская-Буйковская. Позднее ей начал помогать хирург Ф.Г. Стрелков. Более широкое развитие хирургии начинается с прибытием в Череповец В.И. Рождественского, который был назначен заведующим окружной больницы и сумел вывести всю хирургическую работу в гней на новый, более высокий уровень. К числу его заслуг относится строительство в Череповце нового здания больницы...»⁴⁷⁰.

Важную роль в становлении и развитии медицины в Череповце сыграло Череповецкое общество врачей, которое было образовано в 1924 г. по инициативе Г.С. Нейштубе. По своему составу общество качественно и резко отличалось от большинства других добровольных объединений города. Правление общества практически полностью состояло из людей, имевших весьма большой дореволюционный стаж работы по специальности и воспринимавшихся властью в качестве носителей и сторонников «старого мировосприятия». В.И. Рождественский окончил медицинский факультет МГУ в 1912 г.; М.К. Маршалкович окончил Базельский университет и в 1909 г. получил звание доктора медицины; В.М. Королев окончил Военно-медицинскую академию в 1904 г.; С.В. Тучемский окончил Военно-медицинскую академию⁴⁷¹. Остальные члены общества также имели высшее или среднее специальное образование. Одной из целей общества врачей являлось научное совершенствование и научное общение. Для этого создавались лаборатории, библиотеки, музеи лечебниц, устраивались научные совещания, публичные лекции и спектакли. Члены общества считали своим долгом содействовать местной администрации и общественным учреждениям в надлежащем устройстве врачебно-санитарного дела в губернии и

⁴⁷⁰ Турупанов Н.Л. Указ. соч. С. 96.

⁴⁷¹ ЧЦХД. Ф. 20. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.

всемерно развивать научно-практическую медицину. За выдающиеся научные и популярные медицинские сочинения члены общества получали премии⁴⁷².

Именно с этого момента начинает постоянно увеличиваться сеть местных учреждений здравоохранения, несколько улучшается снабжение больниц и амбулаторий медикаментами и оборудованием. С 1925 г. начинает восстанавливаться деятельность свернутых врачебных и фельдшерских пунктов в сельской местности. Большое внимание стало уделяться решению проблемы охраны материнства и детства, обеспечению населения качественными медицинскими услугами⁴⁷³.

Учитывая важность задач по санитарному просвещению населения, в 1920 г. в Вологде открывается Дом санитарного просвещения. Практически сразу после открытия Дом санитарного просвещения начинает осуществлять активную деятельность по вопросам санитарного просвещения населения. «...Здесь читали лекции профессора В.Н. Тонков, В.А. Оппель, С.П. Чугаев, которые приезжали по поводу создания и открытия в Вологде медицинского факультета при предполагавшемся университете.

В Череповце в течение нескольких санитарный контроль осуществлялся имевшимся в городе санитарным врачом. Постоянная же санитарная секция при Череповце будет организована в 1927 г. Во много именно благодаря санитарной службе территория города делась более комфортной для проживания. В 1924 г. рамках улучшения санитарного состояния в городе и снижение угрозы кишечных заболеваний в городе отводятся специальные места для купания, санитарными врачами разрабатываются правила по содержанию придомовых территорий.

В губернии развивалась и творческая мысль медицинских работников. Проводились съезды, конференции. В 1921–1922 гг. выходил научный журнал «Врачебный вестник» редакция которого активно сотрудничала с «Северным медицинским журналом». Врачи стремились обобщить опыт работы, поделиться своими наблюдениями о лечении больных. На страницах журнала выступали А.В.

⁴⁷² Там же. Л. 40 об.

⁴⁷³ ЧЦХД. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6. Л.18.

Грегори, С.К. Соловьев, П.П. Мокровский, А.Н. Орлов, В.В. Лебедев, Г.М. Гарновский. Свои работы опубликовали известные профессора В.А. Оппель, В.И. Воячек, Н.А. Куршаков и др...»⁴⁷⁴.

В декабре 1925 г. в Череповце было образовано Череповецкое губернское общество эсперантистов. Целью общества было способствовать расширению и изучению международного языка эсперанто. Инициаторами создания общества стали несколько педагогов Череповецкого педагогического техникума, которые составили костяк его правления. Всего в обществе состоял 21 человек. Восемнадцать из них были люди «интеллигентного труда» в возрасте от 25 до 40 лет, остальные – студенты педагогического техникума⁴⁷⁵.

Важное место в культурной жизни 1920-х гг. принадлежало музеям. «...Уже в 1918 г. при Наркомпросе, наряду с другими «культурными» структурами, был учрежден музейный отдел во главе с женой Л.Д. Троцкого Н.И. Для создания единой системы руководства музейным строительством 7 декабря 1918 г. Наркомпрос вынес постановление об образовании подотделов по делам музеев и охране памятников «искусства и старины» при отделах Наробраза губсовдепов⁴⁷⁶. Тем самым в России впервые была создана единая государственная система управления музейной сферой, за что задолго до революции ратовала краеведческая общественность. Одновременно, и также впервые, было разработано законодательство, регулировавшее отношения в области музейного дела, охраны памятников истории и культуры, гарантировавшее сохранность последних и их положение в качестве объектов народного достояния. ...»⁴⁷⁷.

После революции в Вологодский край, в первую очередь в Вологду и Череповец, растет поток беженцев, среди которых присутствовали и представители столичной интеллигенции. Это фактор способствовал оживлению общественно-культурной жизни края. К числу такой штучной интеллигенции

⁴⁷⁴ Турупанов Н.Л. Указ. соч. С. 97.

⁴⁷⁵ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 8. Д. 21. Л. 16; ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

⁴⁷⁶ Декреты и постановления Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 11. 1920. С. 59.

⁴⁷⁷ Музейное дело в России. М., 2003. С. 129.

«...относился действительный член Санкт-Петербургского археологического института Александр Николаевич Каленкин, юрист по образованию, в течение тридцати лет занимавшийся вопросами искусства и археологии⁴⁷⁸.

При активном участии А.Н. Каленкина, совмещавшего в те годы должности директора губернского музея старины и преподавателя Института народного образования, 5 декабря 1918 г. при губнаобразе был сформирован подотдел музеев и охраны памятников искусства и старины. С этого времени в Череповецкой губернии началась регистрация памятников архитектуры и искусства в частновладельческих имениях...»⁴⁷⁹.

В 1924-1930гг. директором Череповецкого губернского, а позже окружного музея был Я.Т. Богачев, который потратил немало сил на развитие музейного дела в Череповце. В сентябре 1925 г., после долгих переговоров, которые вел Я.Т. Богачев Череповецкий губернский музей включили в систему Главнауки, что обеспечило поступление в хранилище музея 30 картин крупных русских и иностранных художников, а также 250 изделий из бронзы, хрусталя, фарфора⁴⁸⁰. В 1929 г. Я.Т. Богачев вносит предложение в Череповецкий горком об организации Музея памятников религиозного культа в помещении Благовещенской церкви (снесена в 1939 г.), но поддержки у местных городских властей данное предложение не нашло.

В 1924 г. на базе Кирилло-Белозерского монастыря был образован историко-художественный музей с тремя отделами: Ферапонтовским и Горицким монастырями и Нило-Сорской пустынью. Во главе музея встал А.А. Холмовский⁴⁸¹. С первых дней своего существования музей столкнулся с рядом сложностей и в первую очередь – с отсутствием финансирования. У губернских властей, а тем более у губернского музея, средств на содержание памятников такого масштаба не было. Поэтому практически сразу после создания данного музея Я.Т. Богачев начинает переговоры с отделом Главнауки о передаче на

⁴⁷⁸ ЧерМО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 23.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 57. об.

⁴⁸¹ Там же. Д. 39. Л. 24.

баланс последнему Кирилло-Белозерского музея. Переговоры затянулись, и лишь в июле 1927 г. Кирилло-Белозерский и Ферапонтовский монастыри перешли в ведение Главнауки, что спасло эти памятники архитектуры от разорения, т. к. уже в сентябре того же года, по распоряжению Кирилловского укома, в Ферапонтовском монастыре должен был разместиться детский дом. Тогда и было предложено «...подумать, как более выгодно и рационально использовать бывший Кирилловский монастырь...». Уже в августе 1927 г. отделом Главнауки был наложен запрет на создание детского дома в Ферапонтовском монастыре⁴⁸².

В 1920-е гг. основные сложности в деле строительства и развития музейного дела в регионе были связаны со слабым финансированием. Нехватка средств тормозила, в первую очередь, работы по выявлению и охране памятников старины, искусства и быта. В 1925–1927 гг. работы в этом направлении в Череповецкой губернии проводились в основном в трех уездах: Белозерском, Кирилловском и Череповецком. За лето 1925 г. зав. губмузеем Я.Т. Богачевым и хранителем музея И.И. Ильиным были осмотрены четыре церкви уезда, причем две из них были взяты на учет Главнаукой: Троицкая церковь (деревянная, 1644 г.) в с. Никола-Выкса и Покровская (деревянная, 1780 г.) в с. Логиново⁴⁸³.

В целом местной интеллигенцией была проделана большая работа по сохранению и развитию культурного потенциала региона. Силами специалистов проводились мероприятия, направленные на просвещение местного населения, повышение его хозяйственной грамотности.

Многие из существовавших в Вологде и Череповце в 1920-е гг. общественных организаций, сохраненных или созданных силами местной интеллигенции, не только играли важную роль в культурно-хозяйственной жизни региона, но и получили известность далеко за пределами края: Вологодское общество изучения Северного края, Череповецкое общество врачей и другие.

Выводы по главе 2

⁴⁸² ЧЦХД. Ф. 922. Оп. 1. Д. 13. Л. 74; Д. 39. Л. 24 об.

⁴⁸³ Там же. Д. 39. Л. 70.

Согласно переписи в Вологодской и Череповецкой губерниях зафиксировано 70267 человек служащих, из них 53,8 % или 37802 человека проживали в городах. Собственно интеллигенция составила 0,7 %, что ниже среднего показателя по стране, но выше дореволюционного показателя региона. Собственно интеллигенции было 12 899 человек, или 0,7 % (по стране 1 %).

Территориально специалисты были размещены неравномерно – 2/7 сосредоточены в городах, поселках городского типа. Наибольшее количество интеллигенции числилось в Вологодской губернии – 7 778, в Череповецкой губернии – 5121.

Отраслевой состав интеллигенции: на долю руководящего персонала от общего количества приходится 37,5 %, учительского – 24,3 %, инженерно-технического – 10 %, медицинского – 8,3 %, сельскохозяйственного – 6 %, юридического – 1 %. Как и до революции, самыми многочисленными оставались профессиональные группы чиновников и учителей, остальные отряды были значительно меньше.

Профессиональная подготовка специалистов края оставалась низкой. В процентном соотношении доля работников умственного труда с высшим образованием не превышала 12 %.

Основным источником формирования местной интеллигенции была система среднего профессионального образования. Как и до революции, большинство специалистов высшей квалификации не являлись уроженцами региона, исключение составляли специалисты сельского хозяйства, которых стал готовить Вологодский молочно-хозяйственный институт.

По сравнению с дореволюционным периодом социальная структура интеллигенции Вологодского края начинает изменяться со второй половины 1920-х годов. В ее составе начинает сокращаться число выходцев из так называемых «бывших». Одновременно начинает расти численность крестьянской прослойки. Новым для края стало появление к концу 1920-х гг. интеллигенции из рабочих и увеличение в ее составе доли собственно интеллигенции. Эти

изменения указывают на то, что в регионе началось воспроизводство собственной интеллигенции.

Политика региональных властей по отношению к местной интеллигенции в 1921–1929 гг., воспроизводила общие директивы центра, но в то же время имела и свои характерные черты. В 1921–1923 гг. в деле восстановления народного хозяйства явно доминирующая роль принадлежит специалистам. Они имели значительную самостоятельность в деле решения производственных вопросов, высокий авторитет в рабочих коллективах. Учитывая рост рабочих выступлений, непонимание политики НЭПа, местная власть видит в интеллигенции опасного конкурента. Устранение соперника начинается с 1923 г. На страницах региональных изданий появляется образ врага, в котором угадывается образ интеллигента. Специалисты объявляются виновными в ряде негативных явлений жизни: в бюрократии, в очередях в поликлиники, в кризисных явлениях в экономике.

Активно осуществляются меры, направленные на адаптацию интеллигенции к новым реалиям: учеба на губернских и окружных профсоюзных съездах и конференциях, переподготовка на различных курсах и в кружках, а также через привлечение к общественной работе.

Отдельно следует отметить период так называемых «чисток» 1924–1925 гг. и 1928–1929 гг., целью проведения которых было искоренения инакомыслия в государственных учреждениях и организациях, откуда в общей сложности было «вычищено» около 35 % служащих. Эти меры нельзя назвать антиинтеллигентскими, но на изменение состава региональной интеллигенции, они влияние оказали.

В силу естественных обстоятельств в начале 1920-х гг. местные органы управления были вынуждены опираться на так называемый слой дореволюционных специалистов, который, по мнению идеологов партии, из-за своего социального происхождения, духовных качеств и материального положения всегда тяготел к союзу с буржуазией. Их усилиями за короткий срок

удалось возродить хозяйственно-экономическую и культурную жизнь края, обозначить дальнейшее направление его промышленного развития.

Однако со второй половины 1920-х гг. власть в регионе постепенно начинает наступление на старую интеллигенцию: она высмеивается и критикуется в местной прессе, часть «спецов» снимается с прежних должностей, а на смену им приходят выдвиженцы, которые и составили основу «новой» советской интеллигенции. Однако полностью заменить дореволюционную интеллигенцию они так и не смогли.

Глава 3

Положение студенчества в Вологодском крае в 1917-1929 гг.

3.1. Развитие сети высших и средних профессиональных учебных заведений

Успех политики по формированию советской интеллигенции определялся не признанием представителями дореволюционной интеллигенции Советской власти и ее безоговорочным переходом на советские позиции, а обликом нового поколения интеллигенции, получившей образование уже в советской России. Для успешного существования молодого государства необходимо было вырастить поколение, мыслящее по-новому, порвавшее все связи со старым. В дальнейшем лучшая его часть должна была стать советской интеллигенцией.

Политика в области профессионального образования в 1920-х гг. полностью определялась задачами восстановления и дальнейшего развития экономики страны. Для реализации этих задач необходимо было в короткие сроки многократно увеличить воспроизводство специалистов и рабочих кадров.

В 1919–1920 гг. происходит организация отделов профессионального образования в крае – губернского профессионального образования (губпрофобров). Изначально они работали как самостоятельные организации, а в 1921 г., результате преобразования Наркомпроса, были подчинены ГубОНО.

Губпрофобр в Вологодской губернии появился в конце 1919 г., а в Череповецкой губернии – в 1920 г.

В январской резолюции 1921 г., были намечены два направления развития профтехобразования: «а) рациональная организация фабрично-заводского ученичества с необходимым коммунистическим воспитанием для создания кадров квалифицированных мастеров; б) широкая систематическая организация профессионально-технических школ, техникумов и т. д.». Техникум (индустриальный, сельскохозяйственный, экономический, педагогический и др.) был признан основной формой специального образования для юношества.

Совещание определило его задачи: «Техникум имеет четырехгодичный курс (15–19 лет) и дает законченное образование; готовит квалифицированного специалиста-практика (тип инженера определенной специальности). В течение первых двух лет одновременно завершается общее образование (в объеме прежней школы II ступени), и по истечении их вновь дается возможность переменить специальность и перейти в высшее учебное заведение прежнего типа с более теоретическим характером»⁴⁸⁴.

Развитие сети техникумов происходило двумя путями: путем реорганизации существовавших до 1917 г. реальных училищ и профессиональных школ, а также путем создания новых средних специальных учебных заведений.

Изначально единые программы профессионального образования отсутствовали, а те которые имелись были разработаны отраслевыми профсоюзами⁴⁸⁵.

Образовательное заведение имело право составлять свою рабочую программу по подготовки кадров, в соответствии возможностями своей производственной базы. По итогу специалисты одной и той же отрасли готовились по совершенно разным программам, что приводило к снижению профессионализма. В апреле Вологодским губпрофобром была организована рабочая группа для подготовки единообразных учебных программ. По окончании своей работы группа не смогла решить поставленной задачи, попричине того, что большинство директоров средне специальных учебных заведений края не смогло принять участие в работе группы.⁴⁸⁶

«...В 1923 г. научно-технической секцией ГУСа были утверждены примерные учебные планы техникумов для разных специальностей. Тем самым вводилось единообразие планов и программ...». В мае 1925 г. комиссия по массовому профессиональному образованию и научно-техническая секция ГУСа

⁴⁸⁴ Резолюции 1-го партийного совещания по вопросам народного образования // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1931. С. 351.

⁴⁸⁵ *Осовский Е.Г.* Развитие теории профессионально-технического образования в СССР (1917–1940). М., 1980. С. 133–134.

⁴⁸⁶ Вологодский губернский исполнительный комитет. Отчеты о деятельности губернского исполнительного комитета и его отделов девятому Губернскому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (декабрь 1922 года). Вологда, 1922. С. 122.

окончательно утвердили принцип построения учебных планов техникумов. «В них количество часов сокращалось на теоретические занятия, но увеличивалось на практическое обучение. Кроме того, в программах на изучение общих теоретических дисциплин отводилось меньше времени, чем на специальные предметы»⁴⁸⁷. Из этого следует, что техникумы нужно рассматривать как средние специальные учебные заведения, готовящие помощников инженеров для крупных предприятий и самостоятельных техников-руководителей для средних и небольших предприятий.

На партийном совещании по вопросам народного образования высшим и средне специальным учебным заведения была определена задача: «Обеспечить страну квалифицированными кадрами»⁴⁸⁸.

Из-за сложной экономической ситуации в стране техникумы переходили на самообеспечение. Череповецкий механический техникум в 1923 г. заключил договор с заводом «Красная звезда» на изготовление отдельных агрегатов; также принимались заказы от частных лиц.

Кроме того, с 1 февраля 1923 г. обучение становилось платным. «...Рабочие и служащие, получавшие заработную плату от 45 до 70 руб., платили за обучение своих детей 20 коп. в месяц. Те, кто получал от 70 до 100 руб., платили 30 коп., от 130 до 150 руб. – 75 коп., от 150 до 175 руб. – 1 руб., от 175 до 200 руб. – 2 руб., от 200 до 250 руб. – 3 руб. С детей торговцев, священников взималась плата в размере 30 руб. Домовладельцы платили 48 руб., владельцы и совладельцы предприятий – от 72 до 120 руб. От платы освобождались рабочие и служащие, доход которых не превышал минимальной заработной платы, а также безработные, зарегистрированные на бирже труда, сироты, красноармейцы, работники просвещения, крестьяне, не применявшие наемный труд»⁴⁸⁹.

Образовательный уровень преподавательского состава рассматриваемого региона был достаточно высокий (см. прил. 5). Так, в Вологодском практическом

⁴⁸⁷ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М., 1961. С.225

⁴⁸⁸ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М., 1930. С. 353.

⁴⁸⁹ ЧЦХД. Ф. 754. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

институте из 50 преподавателей 41 имели высшее образование, причем 14 имели звание профессора и были известны за пределами губернии: А.А. Веселовский, Н.В. Ильинский, Б.М. Костриц⁴⁹⁰. На Вологодском рабочем факультете работало 28 преподавателей, все с высшим образованием. Большинство из работавших педагогов (18) имели педагогический стаж свыше 10 лет. По партийной принадлежности четверо являлись членами РКП(б), а остальные были беспартийными⁴⁹¹.

В системе среднего профессионального образования региона в 1920-е гг. работали опытные преподаватели и специалисты своего дела (см. прил. 6,7). Профессор А.Н. Бунаков первым возглавил Череповецкий институт народного образования. За время работы в Череповце А.Н. Бунаков провел большую работу с учительством города и губернии: «прочел на педагогических курсах методику русского языка и истории литературы, читал лекции на курсах в Вологде, Череповце, Кириллове, Белозерске на курсах инструкторов по ликвидации неграмотности»⁴⁹². После ухода А.Н. Бунакова из института новым председателем правления был избран бывший выпускник учительской семинарии 1900 г. Г.И. Виноградов. Он же стал и первым директором Череповецкого педагогического техникума⁴⁹³. Наиболее деятельное участие в работе института, а после его реорганизации в Череповецком педагогическом техникуме «...в те годы принимали педагоги: М.Д. Семенов-Тян-Шанский (Семенов-Тян-Шанский – внук известного русского ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского, сын его старшего сына Дмитрия), М.Н. Хильтов, Н.Н. Хильтов, Л.С. Львов, Ю.В. Цеханович⁴⁹⁴, С.Е. Ляпин⁴⁹⁵, П.Г. Стрелков ...»⁴⁹⁶.

⁴⁹⁰ ГАВО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 167. Л. 48.

⁴⁹¹ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 84. Л. 13.

⁴⁹² ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4а. Л. 115; Д. 2. Л. 81.

⁴⁹³ Там же. Д. 2. Л. 2–16 об.

⁴⁹⁴ «...Цеханович Юрий Владиславович – преподаватель биологии, впоследствии детский писатель, автор книг «Ур Мурыч Давлюшкин Топлюшкин Горельш» (Свердловск, 1936; Пермь, 1958); «Повести» (Свердловск, 1948); «Маленькие рыбки (из детских воспоминаний)» (Екатеринбург, 1910) и др....»

⁴⁹⁵ Очерки по истории народного образования в Череповце... Л., 1970. С. 71. «...Ляпин Сергей Евгеньевич – доцент ЛГПИ им. А.И. Герцена, автор многочисленных учебников по арифметике и методике преподавания математики: «Методика преподавания математики в восьмилетней школе» (М.: Просвещение, 1965); «Сборник задач по элементарной математике. Арифметика и алгебра» (М.: Учпедгиз, 1960) и др. Ряд его учебников переведен на болгарский язык...».

Одним из преподавателей Вологодского медицинского техникума был Н.В. Фалин⁴⁹⁷. Директором Тихвинского педагогического техникума в эти годы был В.И. Равдоникас. В Череповецком лесомеханическом техникуме работал А.А. Мошнин, инженер-технолог по специальности, преподаватель черчения и специальных дисциплин, который имел печатные научные труды⁴⁹⁸.

Следует заметить, что до 1927 г. местные власти практически не создавали для преподавательского состава каких либо ограничений в реализации своих профессиональных возможностей. Повсеместным практиковалось совместительство, широкое распространение получило занятие репетиторством. Подавляющая часть преподавателей, работающих в техникумах, были беспартийными. Из 11 преподавателей Череповецкого лесомеханического техникума в 1925/1926 учебном году только обществовед А.Н. Лебедев являлся членом ВКП(б)⁴⁹⁹.

Безусловно при подготовке будущего специалиста преподаватель играет большую роль⁵⁰⁰. Однако власть думала иначе и уже в первые

⁴⁹⁶ Петр Георгиевич Стрелков. Профессор, зам. директора Института теплофизики. С 1919 по 1928 преподаватель физики Череповецкого педагогического техникума. С 1936 г. работает под руководством П.Л. Капицы в Институте физических проблем. Здесь Петр Георгиевич изучает спектры излучения цинка, ртути, кадмия, меди и кремния в сильных магнитных полях. Проводит эксперименты по свойствам открытого тогда П.Л. Капицей сверхтекучего гелия. Эта работа – «Радиометрические эффекты в гелии» – составила содержание его диссертации, за которую ему без кандидатской степени была сразу присуждена докторская. В годы Отечественной войны им была разработана технология производства бактериологических фильтров для крови. За эту работу ему была присуждена Сталинская премия. В 1943 году Петра Георгиевича послали в США для организации в СССР производства тогда недавно открытого пенициллина. В 1959 году чл.-кор. П.Г. Стрелков с группой своих учеников перешел в Сибирское отделение Академии Наук в качестве зам. директора Института теплофизики. Под его руководством в Отделе физики твердого тела в 1968 впервые за Уралом был получен жидкий гелий. Жидкий водород был произведен еще раньше – в 1963 году.

⁴⁹⁷ Известный краевед-статистик, член Вологодского общества изучения Северного края, автор около пятидесяти научных работ, посвященных, главным образом, вопросам статистики и профилактики массовых инфекционных заболеваний в Вологодской губернии в XIX — начале XX века. Служил земским и фабричным врачом, заведовал губернским санитарным бюро.

⁴⁹⁸ А.А. Мошнин родился в Санкт-Петербурге в 1888 г. (отец из крестьян, дослужился до управляющего мануфактурного магазина). В 1912 г. окончил Санкт-Петербургский технологический институт с квалификацией инженер-технолог. С 1 июля 1917 по 1 декабря 1918 г. занимал должность главного механика Мытищинского военного завода. С 1 декабря 1918 до 16 июля 1919 г. работал младшим инженером в Главном военно-инженерном управлении в Москве. Затем назначен начальником депо I участка бывшей Николаевской железной дороги и работает на этой должности до 15 марта 1920 года. После этого был переведен в г. Городок (Витебская губерния) на должность заведующего учебной частью местной школы металлистов. В сентябре 1925 г. принял предложение Череповецкого механического техникума занять должность заведующего мастерскими и преподавателя специальных предметов. Уволен в 1929 г. с формулировкой «несоответствие занимаемой должности». (ЧЦХД. Ф. 719. Оп. 2. Д. 3. Л. 307).

⁴⁹⁹ ЧЦХД. Ф. 719. Оп. 2. Д. 719. Л. 115.

⁵⁰⁰ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 225. Л. 18.

послереволюционные годы оценивала компетентность педагога в первую очередь с классовой позиции.

В июле 1922 г. представители Вологодского губкома обратились к заведующей Главпрофобра В.Н. Яковлевой с предложением пересмотреть правление и часть преподавательского состава Вологодского института народного образования. Предлагалось снять с должности ректора проф. Н.А. Коновалова – «...хотя он и является в известной мере лояльным человеком по отношению к советской власти, но, как бывший приват-доцент духовной академии, он несомненно попадет под влияние группы противников коммунизма или под влияние духовных реакционных сил». Кроме того, предлагалось уволить второго члена правления Солоницкого – «как состоявшего в рядах белого движения», и члена правления Подстаницкого – «как правого эсера». Кроме того, из состава преподавателей вуза губком требовал убрать как имеющих большой авторитет среди студентов правого социал-революционера Огородникова и бывшего редактора кадетского органа печати Феофилова⁵⁰¹. В сентябре 1922 г. данное требование было полностью удовлетворено. На должность ректора был назначен член РКП(б) А.Д. Кондратьев (образование среднее), а Н.А. Коновалову была предоставлена должность преподавателя словесности. Остальные были уволены.

В мае 1924 г. во время подведения итогов «чистки» студенческого состава Вологодского МХИ предлагается обратить особое внимание и на преподавательский состав данного учебного заведения: «Профессуру МХИ нашей, советской признать нельзя, ее взгляды чисто кадетские. В связи с этим в ближайшее время нужно принять меры по усилению коммунистического влияния в МХИ и срочно освежить профессорский состав»⁵⁰².

В 1927 г. в системе образования выбирается направление на повышение коммунистического влияния в деле народного образования. В очередной справке Череповецкого отдела образования, направленной в Народный комиссариат просвещения, указывалось: «Имея в штате образовательных учреждений бывших

⁵⁰¹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 47. Л. 284.

⁵⁰² Там же. Оп. 8. Д. 199. Л. 44.

активных контрреволюционеров, меньшевиков, эсеров, выдающих себя за честных беспартийных... отдел образования заставляет сместить наиболее невыгодных и заменить их коммунистами»⁵⁰³. В результате в 1928 г. начинается тщательная проверка преподавателей Череповецкого педагогического техникума. Поводом для проверки явились вновь открывшиеся факты по делу «О кружке среди учащихся Череповецкой учительской семинарии в 1901 г.», где «выяснилось, что именно показания Г.И. Виноградова (с 1922 по 1928 гг. – директор Череповецкого педагогического техникума – А.К.) жандармскому ротмистру явились причиной раскрытия кружка и ареста его членов». Помимо этого, в вину Г.И. Виноградову вменялось то, что, «будучи в должности директора педагогического техникума, он имел тенденцию покровительствовать ученикам – детям торговцев и кулаков, в ущерб интересам детей бедняков». Несмотря на то, что Г.И. Виноградов подал заявление об освобождении его от занимаемой должности, начавшаяся проверка остановлена не была и уже к июню того же года к немедленному увольнению было намечено три преподавателя техникума: Н.П. Астахова (бывшая дворянка, идеологически чужда советской общественности, религиозна), Л.И. Иванова (из мещан, оказывает покровительство детям из чуждого класса, идеологически аполитична), А. Хильтов (из духовного звания, религиозен, идеологически чужд советской общественности)⁵⁰⁴.

«...В июле 1929 г. ЦК ВКП(б) издал директиву «О руководящих кадрах народного образования». Согласно ей всем государственным учреждениям в короткий срок рекомендовалось уволить: «идеологически чуждый элемент, искажающий классовую линию...»⁵⁰⁵. Следуя этому распоряжению уже в декабре 1929 г. Вологодский окружной отдел народного образования приступил к пересмотру преподавательского состава⁵⁰⁶.

⁵⁰³ ВОАНПИ. Ф. 1931. Оп. 3. Д. 56. Л. 45 об.

⁵⁰⁴ ЧЦХД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2. Л. 89.

⁵⁰⁵ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М., 1930. С. 115–118.

⁵⁰⁶ ВОАНПИ. Ф. 1931. Оп. 4. Д. 56. Л. 17.

Таким образом, конце 1920-х гг. сеть профессионально-учебных заведений края выглядела следующим образом: в Вологодской губернии работали Вологодский молочно-хозяйственный институт, 3 педагогических техникума, 1 кооперативно-экономический техникум, а также Вельский техникум с педагогическим, лесным и сельскохозяйственным отделениями; в Череповецком округе функционировали 2 педагогических, 1 сельскохозяйственный, 1 промышленно-экономический техникум и 1 техникум водных путей сообщения с механическим отделением. Таким образом, к концу 1920-х гг. на изучаемой территории существовала достаточно широкая сеть учебных заведений, ориентированная на социально-экономические потребности региона.

Сохранение региональной системой образования достижений предыдущих лет является заслугой местного преподавательского состава. Наличие в его составе педагогов, принадлежавших к «старой» школе, позволило во многом сохранить преемственность и традиции между предыдущим и следующим поколениями местной интеллигенции.

3.2. Контингент учащихся, способы его регулирования и поддержки

Характеризуя в целом среднюю и высшую профессиональную школу 1920-х гг., можно с полным основанием утверждать, что одной из ее важнейших особенностей являлся гипертрофированный классовый подход, пронизывавший все стороны жизнедеятельности студенчества – от комплектования техникума или вуза до организации учебно-воспитательного процесса и решения бытовых проблем.

Одновременно с началом Нэпа в стране планомерно началось осуществление политики по «пролетаризации» техникумов и вузов. Реализация данной политики по достижению классовой «чистоты» состава студенчества в указанных типах заведений комплексно реализовывалось путем осуществления следующих мероприятий: а) создание комиссий для не допущения поступления в указанные типы учебных заведений «не благонадежных» абитуриентов; б)

развитие системы рабочих факультетов; в) периодическое осуществление «чисто» в учебных заведениях от «чуждых» элементов.

Историки называют следующие причины пролетаризации.

«...1. Острая нужда советского руководства в «новой» интеллигенции из рабочих⁵⁰⁷.

2. Необходимость покончить с привилегированным положением имущих классов в высшей школе, не ущемляя при этом интересов трудящейся интеллигенции...»⁵⁰⁸.

Осознавая политическую ненадежность дореволюционного студенчества, Советская власть была вынуждена начать пролетаризацию высшей школы⁵⁰⁹. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема» было постановлено: каждое лицо с 16 лет, независимо от уровня образования, могло стать слушателем любого университета и института. Постановлением СНК РСФСР от 6 августа 1918 г. Наркомпросу предписывалось обеспечить преимущественный прием в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства.⁵¹⁰ При реализации этих мер стало видно, что после ликвидации вступительных экзаменов происходит рост доли поступающих рабочих и крестьян в вузы и техникумы, но низкий уровень образовательной подготовки не давал им в дальнейшем продолжить учебу⁵¹¹. В 1921 г. были выработаны новые правила приема которые «установили принцип командирования на учебу, а не свободного поступления». Молодые люди могли командироваться на рабфак или сразу на первый курс. Система командирования, то есть направления в вузы по командировкам от предприятий либо по партийных организаций, подразумевала, что для попадания в вуз претендент должен быть

⁵⁰⁷ Котлова Т.Б. Партийно-государственная политика по отношению к инженерно-технической интеллигенции в годы индустриализации: проблемы подготовки и исследования. С. 121.

⁵⁰⁸ Украинцев В.В. КПСС – организатор революционного преобразования в высшей школе. М., 1963; Борисов Ю.С. Изменение социального состава учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях. 1917–1940 гг. // Культурная революция в СССР. М., 1967. С. 131.; Федюкин С.А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 28.

⁵⁰⁹ Иванов Е.А. Между рефлексией и действием: высшая школа и наука перед лицом Революции // Российская революция 1917 года: власть общества культура: 2Т.– М.: РОССПЭН, 2017. – 2.Т. – С. 460.

⁵¹⁰ Декреты Советской власти. Т. III. М., 1964. С. 138, 141.

⁵¹¹ Советская интеллигенция: история формирования и роста. С. 273.

работающим, предпочтительно заводским рабочим, коммунистом или выходцем беднейшего крестьянства. Учеба в вузе со школьной скамьи не поощрялась.⁵¹² Данный документ создал трудно преодолимое препятствие при поступлении высшие и средние учебные заведения из «чуждых» классов: детей торговцев и служителей культа, выходцев из дворянской среды.

В заключительной части положения указывалось, что конечная его цель «... распространение научных знаний среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане»⁵¹³. С его вступлением социальное происхождение студента стало определяющим в дальнейшей профессиональной судьбе⁵¹⁴.

Осуществления набора в вузы на основе классового характера был неоднозначно воспринят в партийной среде. Оппонентом повсеместной «пролетаризации» высших и средних учебных заведений стала в 1923 г. руководитель Главполитпросвета Н.К. Крупская. Ее дискуссия с членом Главпрофобра В.Н. Яковлевой была напечатана в газете «Правда»⁵¹⁵. Наибольшее значение Н.К. Крупская придавала «классовому характеру программ занятий», которые как она считала, «...помогут, «перевоспитать» даже «непролетарского» студента, в то время как их отсутствие могло привести к утрате «пролетарием» его «классового сознания» и превращению его в «мелкобуржуазный элемент...». Она подчеркивала, что «...если преподавание в вузах будет поставлено, как следует, каждый студент будет воспитываться в коммунистическом духе, будет выходить из вуза верным слугой пролетариата...»⁵¹⁶. «Воспитание» или «перевоспитание» в пролетарском духе могло исправить « пороки» социального

⁵¹² ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 45. Л. 34.

⁵¹³ Цит по: *Андреев Д.А.* Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // *Расписание перемен ...* М., 2012. С. 496.

⁵¹⁴ О социальном происхождении «красного студента» см.: *Иванчиков В.* Смена. К генеалогии русского студенчества // *Пролетарское студенчество*. 1922. № 1. С. 47; *Меицераков Н.* Современное студенчество и его нужды // *Высшая школа в РСФСР и новое студенчество*. М., 1923. С. 53; *Гуревич С.Г.* Владимир Ильич, студенчество и рабочая молодежь // *Красный студент*. 1924. № 2. С. 19.

⁵¹⁵ См. подробно. *Крупская Н.К.* О классовом приеме в вузы // *Правда*. 1923. 15 августа.; *Яковлева В.Н.* Классовый прием и реорганизация вузов // *Правда*. 1923. 30 сентября; *Крупская Н.К.* Классовый прием и реорганизация вузов // *Правда*. 1923. 4 октября

⁵¹⁶ *Крупская Н.К.* О классовом приеме в вузы // *Правда*. 1923. 15 августа.

происхождения. В 1924 г. Н.К. Крупская не раз публиковала статьи, посвященные этому вопросу. Она писала: «Люди непролетарского происхождения прекрасно могут встать на точку зрения пролетарской идеологии», тогда как «люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями». Окончательным доводом в пользу своей теории перевоспитания внутри вузов было указание на непролетарское происхождение Маркса, Энгельса и Ленина, которое, по словам Н.К. Крупской, не помешало им стать пролетарскими вождями...»⁵¹⁷.

Другой темой для дискуссии обсуждения в прессе стала учащаяся молодежь, которая стремилась влиться в ряды комсомола. Эти молодые люди и девушки из интеллигенции, которых относили по признаку социального происхождения к категории «прочие», считали, что уже преодолели классовую сущность своей семьи. В 1925-1926 годах в «Комсомольской правде» обсуждалось,, что «прочие» не только пишут заявления на поступление в комсомол, но без конца подают апелляции и жалобы, если их не принимают⁵¹⁸

Эта проблема обсуждалась на VII съезде комсомола: «Проблема коммунистического влияния на рабочую молодежь разрешается РЛКСМ более или менее удовлетворительно, чего нельзя утверждать по отношению к интеллигентской так называемой «прочей» молодежи. < ...> Необходимо уделить большое внимание работе среди учащейся молодежи и, оставаясь на прежних решениях в отношении приема интеллигенции в союз, усилить работу советских ячеек. <...> Раскрыть в настоящий момент сколько-нибудь широкие двери в союз для «прочей» молодежи безусловно нельзя. Эту мысль надо представителям интеллигентской молодежи твердо усвоить и прекратить бумажный поток жалоб и заявлений руководителям партии и союза»⁵¹⁹

⁵¹⁷ Крупская Н.К. Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 18.

⁵¹⁸ Лившин А.Я. Орлов И.Б. Власть и общество. Диалог в письмах. М., 2002. С.154-155.

⁵¹⁹ Прочая молоднжь и комсомол // Комсомольская правда. 1926. 6 марта.

Право направлять «политически благонадежных» молодых людей в советские техникумы и вузы предоставлялось партийным, советским, профсоюзным и комсомольским органам, воинским частям⁵²⁰.

В итоге система набора в техникумы или вузы оказалась смоделирована так, что зачисление в них происходило главным образом через ведомства, в каждом из которых ОГПУ имело свои «глаза и уши». Каждый поступающий заполнял анкету, в которой тщательно заполнял все данные о себе: социальное происхождение, политические взгляды и убеждения, уровень материального благополучия⁵²¹. Разумеется, надежность этих данных всецело зависела от искренности граждан, заполнявших анкеты. Таким образом одним из очевидных путей к высшему образованию было скрывание социального происхождения.

Существовали способы и порвать со своим «чуждым» происхождением. Одним из них было усыновление «новыми» пролетарскими родителями. Подобный случай приводится Е. Замятиным в рассказе «Мученик науки». Варвара Андреевна Столпакова, дочь сахарозаводчика и вдова генерала, узнав из газеты, что в советские вузы при поступлении вводится классовый отбор, приходит в ужас, что ее семнадцатилетний сын Ростислав не сможет из-за этого поступить. Для спасения сына она повторно вступает в брак с Яковом Бордюгом (ее бывший кучер), который «...усыновляет ее сына ввиду нового строя. <...> Так исчезает семнадцатилетний Ростислав Столпаков и рождается Ростислав Бордюг, теперь уже бесспорно студент и будущий профессор»⁵²². Подобные стратегии поведения людей были вызваны вовсе не враждебными наклонностями «бывших», а самой системой комплектования вузов, избранностью абитуриентов рабоче-крестьянского происхождения и дискриминацией представителей тех, кому с социальным происхождением «не повезло».

Важность «верного» происхождения наглядно показывает судьба сына священника и узника ГУЛАГа, писателя Варлама Шаламова. Его отец наивно надеялся на то, что отдел народного образования обязан направить его

⁵²⁰ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

⁵²¹ Там же. Л. 7.

⁵²² Замятин Е. Мученик науки // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 28. М., 2003. С.164.

одаренного сына в вуз. Вот как написано у самого В. Шаламова: «Я кончил школу пятнадцати лет, первым учеником. И хоть давно было известно, что в высшие учебные заведения можно попасть только по командировке, а командировку не дадут сыну священника, отец продолжал на что-то надеяться. <...> Тут же выяснилось, что никаких командировок в вуз детям духовенства никакое РОНО (районный отдел образования) давать не будет. Выяснилось той же осенью, что все мои школьные товарищи – абсолютно все: из детей дворян, купцов, торговцев – все поступили в Ленинграде туда, куда хотели... У всех оказались какие-то связи, какие-то знакомства»⁵²³. Особого внимания заслуживает случайное признание инспектора РОНО Ежкина, заявившего Варламу: «Вот именно потому, что у тебя хорошие способности – ты и не будешь учиться в высшем учебном заведении – в вузе советском»⁵²⁴. Из приведенного выше жизненного эпизода видно, что применявшийся в эти годы «классовый» способ «фильтрации» абитуриентов ни как не отменял коррумпирующую составляющую не и систему личных взаимоотношений.

Изъяны в биографии закрывали дорогу не только в вуз, но и в техникумы. Например, известный историк М.А. Алпатов вспоминал, что поступавшему вместе с ним в Донской педагогический техникум И. Бочарову было отказано в зачислении из-за того, что старший брат эмигрировал из страны⁵²⁵.

М.А. Скворцов в своих рассуждениях о ХХ в воспоминания своей матери Губановой В.Д. приводит выписку из протокола Школьного совета школы №2 г. Череповца от 27 мая 1925 г. о признании пригодности ее командировки в вуз. «<...> кандидатура Губановой, дочери крестьянина, являющегося нынче железнодорожным служащим, вызывает некоторое возражение со стороны части членов Совета, так как по их мнению Губанова с одной стороны находилась в весьма благоприятных условиях, а с другой – являлась дочерью служащего, а не крестьянина-бедняка. Школьный Совет, учитывая не только успехи Губановой, но и ту работу, которую она всегда несла в школе как председатель класса и как член

⁵²³ Шаламов В.Т. Указ. соч. С.143.

⁵²⁴ Там же. С. 144.

⁵²⁵ Алпатов М.А. Возвращение в юность. М., 1983. С. 13.

староста, большинством 14 против 3 при 4 воздержавшихся принимает кандидатуру Губановой⁵²⁶. Затем комиссия при Череповецком ГубОНО еще раз проверив ее кандидатуру командировывает ее в «Педагогический институт имени Герцена».⁵²⁷ Резко негативные оценки подобной процедуре содержатся в воспоминаниях М.И. Перашень⁵²⁸, которая после окончания первой Череповецкой школы поступила в Петроградский университет на физико-математическое отделение. «После зачитывания моей характеристики и перехода к процедуре голосования один членов комиси взял слова и попросил указать, в протоколе, что совсем недавно я состояла в движении скаутов и до сих пор нахожусь в дружеских отношениях с внуками бывшего городского головы, коммерсанта И.А. Миллютина. После этого некоторые члены комиссии пришли в некоторое замешательство, и только резкое слово в мою защиту М.Д. Семенова-Тян-Шанского склонило большинство членов комиссии к положительному решению по моей кандидатуре»⁵²⁹.

Присутствие отборочных испытаний изначально не играло ни какой роли для выходцев из рабочих и крестьян, в связи с тем, что изначально их зачисляли даже с отрицательными баллами за экзамен⁵³⁰. В свою очередь студентам «непролетарского» происхождения блестяще сданные экзамены не гарантировали еще места в выбранном учебном заведении. Например, поэт С.И. Чекмарев трижды блестяще сдавал вступительные экзамены в МВТУ, но из-за «чуждого» социального происхождения так и не был туда зачислен⁵³¹.

Главным фильтром в техникуме или вузе являлись приемные комиссии, состав которых утверждался губернским партийным комитетом⁵³².

⁵²⁶ Скворцов М.А. Мои впечатления о XX веке. Часть I до 1953 года. М., 2018. С.45.

⁵²⁷ Там же. С.46.

⁵²⁸ Мария Ивановна Петрашень (1906-1907), кандидат физико-математических наук, профессор. Родилась в 1906 г. в семье известного инженера гидролога Ив. Петрашень. В 1923 г. окончила Череповецкую школу №1 и поступила на математическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета. В 1940 году совместно с В.А. Фоком и М.В. Веселовым сформулировала метод неполного разделения переменных, который сейчас называется уравнение Фока-Веселова-Петрашень. В 1967 г. ею был написан классический учебник по квантовой механике «Применение теории групп в квантовой механике» (И.В. Петрашень и его семья: страницы прошлого. СПб., 2011. С.14.); <http://fock.phys.spbu.ru/petrashen.htm> (дата обращения: 18.03.2018).

⁵²⁹ И.В. Петрашень Уаз. соч. С.24.

⁵³⁰ ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

⁵³¹ Ильичева С. Сергей Чекмарев // Когда им было двадцать. М., 1982. С. 138.

⁵³² ГАВО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 116. Л. 15; ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

Те же, кто все-таки не смогли скрыть свое происхождение, но не оставили надежду на поступления в вуз или техникум имели шансы в туда поступить путем обретения «статуса» рабочего. Получить его можно было путем трудоустройства на завод или через государственные курсы. Государственные курсы были одной из возможностей, предоставленной государством молодежи из «бывших» для получения образования. Из общеобразовательных дисциплин особое внимание в таких школах уделялось общественным предметам. При проведении занятия следовало избегать лекционных методов, а организовывать учебный процесс в виде собеседования с вопросом и ответом. Сеть курсов и школ возникла еще в начале 1920-х годов; она была разветвленной и охватывала всевозможные специальности. Она же стала трамплином, благодаря которому ряд «бывших» смогли проникнуть в высшие и средне специальные учебные заведения страны. В некоторых случаях «путевку» в вуз можно было получить работая на предприятии. Руководства предприятия могло оформить необходимые документы и получить от предприятия «командировку» на учебу.⁵³³

Уровень знаний командированных в учебные заведения был крайне низким⁵³⁴. Одной из причин этого были низкие требования, предъявляемые средней школой к своему выпускнику. Существовала разница между необходимым объемом знанием, который нужно было показать при поступление в техникум и тем чего требовали со школьника в рамках учебного предмета в школе. При приеме в учебное заведение проводились вступительные испытания, которые выявляли, «обладает ли действительно кандидат, с одной стороны, кругом необходимых знаний, с другой – гражданско-политическим развитием»⁵³⁵. Подобное положение дел сложилось и в системе высшего образования⁵³⁶. Из всех поступавших в Череповецкий индустриальный техникум в 1924 г. 48 % не обладали достаточными знаниями по математике, были слабы знания и по другим

⁵³³ ВОАНПИ. Ф.1930. Оп.7.Д.431. Л.33-38об.

⁵³⁴ СПФАРАН. Ф.1049. Оп.2. Д. 81. Л.72.

⁵³⁵ Веселов А.Н. Указ. соч. С. 227.

⁵³⁶ Сафразьян Н.Л. Указ. соч. С. 140–142.

предметам, включая обществоведение. Из числа прошедших испытания только 32 % полностью соответствовали требованиям программы⁵³⁷.

Введение в 1926 г. конкурсного набора в вузы породило большие надежды у абитуриентов с «дефектным» социальным происхождением. В Вологодский и Череповецкий губисполкомы в полтора раза увеличилось количество заявлений от молодежи с «чуждым» социальным происхождением с просьбой командировать их в вуз. В основном они просили отправить их на медицинские или педагогические факультеты. Объясняется такая тенденция тем, что, с одной стороны, эти профессиональные направления были непопулярно среди рабоче-крестьянского студенчества, стремившегося стать «командирами индустрии»⁵³⁸. С другой стороны, более высокие требования к образовательному уровню конкурсантов, предъявлявшиеся при поступлении на медицинские и педагогические факультеты⁵³⁹, и острая нужда региона в данных специалистах давали более высокие шансы «неблагонадежной» молодежи получить путевку в вуз при заявлении на нужную региону специальность. Всего за 1926–1928 гг. на медицинские и педагогические факультеты Московского, Томского и Ленинградского университетов и Пермского медицинского института из края было командировано 62 человека в возрасте от 17 до 23 лет, причем 48 из них имели «чуждое» социальное происхождение (дети торговцев, духовенства, дворян)⁵⁴⁰.

Необходимое маневрирование Народного комиссариата просвещения между Сциллой классового отбора и Харибдой уровень образования абитуриентов поступающих в вузы и техникумы приводило в негодование пролетарско-крестьянскую молодежь. В 1926 г. крестьянский юноша Н. Круглов писал в Вологодский отдел ВЛКСМ: «...Таким, как он, дорога в вузы закрыта, там «засели сынки кулаков, нужна монета» и что бедняк, сын погибшего в борьбе за революцию солдата, не может попасть даже на рабфак, поскольку «и там

⁵³⁷ ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.

⁵³⁸ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 204.

⁵³⁹ Овчаров В.К. К истории высшего медицинского образования в СССР. М., 1957. С. 64–65.

⁵⁴⁰ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 128. Л. 15 об.

требуется конкурс...»⁵⁴¹. Обиженную крестьянско-рабочую молодежь, оставшуюся за воротами техникумов и вузов, несколько не беспокоило практически отсутствовавшие знания школьного курса. Желание «выйти в свет» толкало их на то, что любым способом пробиться в выбранное учебное заведение.

Пролетарская общественность предлагала вести жесткую куриальную систему приема в вузы. По их мнению, она должна была включать три категории претендентов в вузы: «...классово выдержанные» слои рабоче-крестьянской молодежи (размер их зачисления в вузы индустриальных центров должен был составлять не менее 75 % всего набора); дети научных работников и специалистов (15 %); дети служащих и кустарей, на которых выделялось только 10 %...»⁵⁴².

Динамику пролетаризации техникумов региона в 1923–1928 гг. можно проследить по табл. 6, составленной на основе анализа состава лиц, зачисленных в Череповецкий индустриальный, Педагогический техникумы, Вологодский техникум железнодорожного транспорта и Вологодский педагогический техникум⁵⁴³.

Таблица 6

Динамика пролетаризации техникумов края в 1923–1928 гг.

Годы	Рабочие и их дети, %	Крестьяне и их дети, %	Служащие и их дети, %	Прочие, %
1923/24	13,62	51,23	22	13,15
1924/25	14,51	54,4	19,26	11,83
1925/26	12,11	52,36	20,45	15,08
1926/27	11,54	51,24	21,14	16,08
1927/28	13,4	55,67	19,27	11,66
1928/29	15,45	56,68	18,05	9,82

⁵⁴¹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 9. Д. 82. Л. 54.

⁵⁴² Уншлихт К. Что говорят рабочие // Красное студенчество. 1929. № 16. С. 20.

⁵⁴³ Составлено по: ГАВО. Ф. 303. Оп. 1. Д. 152. Л. 32–33; Д. 198. Л. 14–17; Ф. 2565. Оп. 1. Д. 34. Л. 7–8; Д. 58. Л. 16–18; ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–6, 23–25; Д. 7. Л. 7. С. 32–33; Д. 8. Л. 15–17; Ф. 757. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–8; Д. 23. Л. 34–36; Д. 29. Л. 18–22.

Из приведенных данных видно, что степень пролетаризации этих учебных заведений не столь высока, как хотелось власти. Более того, в 1926/27 учебном году этот процесс даже замедляется, и только с 1927 г. вновь ускоряется. Анализируя социальный состав учащихся местных учебных заведений, нельзя не обратить внимания на тот факт, что степень представленности учащихся из различных социальных групп позволяет говорить о таком же «демократическом характере» местной интеллигенции, каким он был и в дореволюционный период.

Наступление на непролетарские элементы усиливается после июльского пленума ВКП(б) в 1928 г., когда в связи с «шахтинским делом» был поставлен вопрос о подготовке «новых кадров красных специалистов»⁵⁴⁴.

«...Из всех зачисленных в Вологодский молочно-хозяйственный институт в 1928/1929 учебном году 80 % составляли рабочие, батраки и крестьяне. В 1929 г. норма приема рабочих в индустриальные техникумы была повышена до 85 %, 10 % составляли батраки и колхозное крестьянство, 5 % – остальные категории граждан⁵⁴⁵. На начало 1928 г. в Череповецком педагогическом техникуме доля учащихся, вышедших из рабочих и крестьян, составляла 74,5 % (окружные власти требовали довести до 75 %), что ниже, чем в целом по РСФСР, на 4,5 %⁵⁴⁶.

Одним из инструментов классовой политики комплектования учебных заведений были наборы «партийной тысячи». На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. было принято постановление, которое обязывало партийные организации направлять в вузы за год не менее 1000 коммунистов, «прошедших серьезную школу партийной, советской или профессиональной работы»⁵⁴⁷.

В августе 1928 г. комиссии при Вологодском губкоме отобрали 21 кандидата в счет «партийной тысячи» в вузы Москвы и Ленинграда⁵⁴⁸. В целом по стране в вузы принято 949 «тысячников» в 1929 г. и в 1930 г. еще 970...»⁵⁴⁹.

⁵⁴⁴ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 334.

⁵⁴⁵ ВОАНПИ. Ф. 1931. Оп. 4. Д. 22. Л. 36.

⁵⁴⁶ ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 44. Л. 40 об.

⁵⁴⁷ КПСС в резолюциях. Т. 4. М., 1984. С. 360.

⁵⁴⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 12. Д. 152. Л. 11.

⁵⁴⁹ Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917–1975). М., 1977. С. 95.

В течение 1920-х гг. осуществлялись попытки разработки методики, которая позволила бы поднять образовательный уровень выходцев из рабочих и крестьян. Практически при каждом техникуме организовывались подготовительные курсы программа, которых была рассчитана в среднем на два года. Абитуриенты прослушавшие данные курсы поступали на льготных условиях в данное учебное заведение. Подготовительные курсы действовали при Вологодском молочно-хозяйственном институте. На них в 1922 г. обучалось 50 человек⁵⁵⁰. Были случаи, когда курсы не могли дать достаточный объем знаний нужный для учебы в вузе. Причинами тому являлись: дефицит преподавательских кадров и проблемы с финансированием. Большинство слушателей посещение курсов осуществлялось после работы, количество выделяемых мест на курсы, также было не велико. Решить проблему низкого уровня знаний у рабоче-крестьянской молодежи должны были рабфаки – второе действенное средство «пролетаризации». Эта идея, на первый взгляд, не имела ничего предосудительного. Скорее всего, ее можно считать примером социальной справедливости.

Однако в условиях необладания «классовой чистоты» над здравым смыслом рабфаки из подготовленных курсов превратились в эффективное средство по вытеснению из высшей школы способных, но «классово чуждых» студентов и замене их на пролетарскую молодежь, часто не имевшую никаких способностей для учебы в вузе. Рабфаки на долгие годы стали трамплином, с которого многие бесталанные, но вполне «классово выдержанные» юноши и девушки, смогли «запрыгнуть» в вуз.

При Вологодском молочно-хозяйственном институте рабочий факультет организуется в ноябре 1919 г.⁵⁵¹

«...По количеству выпускников начальные выпуски рабфаков были небольшими, в связи с тем, что наборы происходили в разгар Гражданской войны. Так, в 1923 г. вологодский рабфак окончили 23 человека и все поступили в

⁵⁵⁰ ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 189. Л. 55.

⁵⁵¹ ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 128. Л. 4.

вузы⁵⁵². В общем, по стране процент рабфаковцев, зачисленных в вузы в 1923 г., составил 11 % от общего числа принятых»⁵⁵³.

«...К середине 1920-х гг. рабфаки увеличили выпуск. Вологодский рабфак в 1925 г. окончили 96 человек, из них в различные вузы страны поступили 87 человек⁵⁵⁴. Наконец, в 1924 г. численность рабфаковцев, принятых в вузы страны, возросла до 43,3 %⁵⁵⁵. В 1929 г. вологодский рабфак выпустил 100 человек, из них в вузы поступили 80»⁵⁵⁶.

В отношении социального состава слушателей рабочих факультетов следует отметить, что «...в первой половине 1920-х гг. он был далеко не рабоче-крестьянским. Так, в 1922/1923 учебном году на вологодском рабфаке рабоче-крестьянская группа составила 62 % слушателей. Остальные относились к категории служащих, ремесленников и нетрудовому элементу. Поэтому власть в 1924 г. прибегла к «чистке» социального состава рабфака и ужесточила правила приема. ...»

Согласно правилам приема, на рабочий факультет принимались лица не моложе 18 и не старше 30 лет (в исключительных случаях принимались лица не старше 35 лет), «...твердо владеющие четырьмя действиями арифметики над целыми числами, способные удовлетворительно выражать свои мысли в устной и письменной форме, обладающие политической подготовкой в объеме элементарной программы по политграмоте. По своему происхождению лицо должно было принадлежать к рабочим или крестьянам, проработать непосредственно перед поступлением на рабфак в качестве наемных рабочих физического труда промышленных, транспортных или сельскохозяйственных предприятий в возрасте: от 18 до 20 – не менее 3 лет; от 20 до 25 – не менее 4 лет; от 25 до 30 – не менее 6 лет...»⁵⁵⁷.

⁵⁵² ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

⁵⁵³ Сафразьян Н.Л. Указ. соч. С. 72.

⁵⁵⁴ ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 53. Л. 7–8.

⁵⁵⁵ Сафразьян Н.Л. Указ. соч. С. 73.

⁵⁵⁶ ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–17.

⁵⁵⁷ ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 38. Л. 17.

«...По итогу реализованных действий положение дел во второй половине 1920-х гг. изменилось. В 1925/1926 учебном году на дневном рабочем факультете Вологодской губернии рабоче-крестьянская группа стала преобладающей. Лица, чье социальное происхождение не подходило или вызывало сомнение, отсеивались уже в момент подачи заявлений. Так, из 350 поданных заявлений на вологодский рабфак было принято только 200, остальные 150 просьб были отклонены по причине «чуждого» происхождения. Если смотреть данные в целом по стране, то процент рабочих на дневных рабфаках составит 43,6 %, крестьян – 52,3 %, прочих – 4,1 %⁵⁵⁸. Таким образом, со второй половины 1920-х гг. рабочие факультеты направляли в вузы исключительно рабочих и крестьян....» Значительное число выпускников рабочих факультетов благодаря ему смогли получить «путевку в жизнь». Он дал им шанс получить высокий социальный статус, превратиться из крестьянина в некрестьянина. Поэтому вполне возможно, что рабфаковец, назвавший свое учебное заведение «альма матерь»⁵⁵⁹, выговорил так это словосочетание не по причине малограмотности, а от признательности и нежной благодарности этому учебному заведению.

Ошибкой будет считать, что двери рабфака были широко распахнуты для всего крестьянства. В рассказе Л.И. Гумилевского «Без мандата» старик-сторож, внуки которого приехали из деревни поступать на рабфак, жаловался: «Пришли они учиться, слышали та про рафпак... пошли туды как все, без мандата, а рафпак говорит – не могу, потому, как вы без мандата и мест для вашего брата не припасено!»⁵⁶⁰.

Кроме того, начиная с 1929 г. крестьян также стали подразделять на условные социальные категории. Так, в 1929 г. из 122 человек, окончивших Вологодский рабфак, 20 были рабочие, 32 – батраки, 18 – крестьяне-бедняки, 38 – крестьяне-середняки, 3 – зажиточные крестьяне и 11 – советские служащие. Из них в вузы были командированы только 75. Остальным – представителям

⁵⁵⁸ Материалы по статистике профессионально-технического образования. М.; Л., 1928. С. 140–142.

⁵⁵⁹ Слепухин Ю. Не подводя итогов // Звезда. 2001. №. 9. С. 53.

⁵⁶⁰ Гумилевский Л.И. Без мандата // Гумилевский Л.И. Чужие крыши: Рассказы 1914–1924. М., 1991. С. 66.

крестьян-середняков и зажиточных, а также 6 служащим – было отказано в командировке по причине «чуждости» социального происхождения⁵⁶¹.

Выпускники рабфака составили значительный процент в составе студенчества. Пик поступающих из данной категории приходится на 1925 г. – 76,3 %, а в 1928 г. – 38,6 %⁵⁶². Уменьшение количества рабфаковцев объясняется введением выпускных испытаний по окончании рабфака и более строгим отбором при приеме в высшие учебные заведения, когда при зачислении в вуз крестьянам все чаще стали отказывать из-за их социальной категории («средняк» или «кулак»). В целом рабфаковцы оказали значительное влияние на изменение социального состава студенчества⁵⁶³.

В процентном соотношении в доле студентов техникумов количество рабфаковцев практически равнялось нулю, «...т. к. туда направлялись выпускники, определявшиеся как неспособные к учебе в вузе, а таких было немного. Следовательно, рабочие факультеты в «пролетаризации» техникумов сыграли небольшую роль...».

Одновременно практиковался еще один способ пролетаризации вузов – очищение их от «чуждого элемента». Как отмечает Ш. Фицпатрик нэповская система поощрений и наказаний за классовую принадлежность порождала у выходцев из «чуждых» классов естественное стремление скрыть свое происхождение, используя различные приемы – поступления на советскую работу, вступление в брак с «пролетарским» или «крестьянским» супругом, усыновление «благонадежными» родственниками при живых родителях и т. д. Определение социального положения произвольно, по личному заявлению гражданина, существенно облегчало такую социальную «мобильность». Наиболее эффективными фильтрами для облегчения классовой чистоты являлись

⁵⁶¹ ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 69. Л. 9, 10, 19.

⁵⁶² Там же. Д. 92. Л. 6–9.

⁵⁶³ На фронте коммунистического просвещения. Л., 1932. №. 10–11. С. 22.

тщательные проверки при поступлении в партию, комсомол, техникум и вуз, а также периодические «чистки» в этих структурах⁵⁶⁴.

Всего в 1920-е гг. прошли четыре волны «чисток» студенческого состава техникумов и институтов края – 1922, 1924, 1925 и 1929 гг. Так или иначе все они пересекались с основными этапами политической борьбы в стране.⁵⁶⁵

В 1922 г. происходит первая волна «чисток» студентов, именуемой в официальных документах «перерегистрацией». В апреле 1922 г. Вологодский губернский комитет обратился с просьбой к заведующей Главпрофобра В.Н. Яковлевой разрешить изменение состава студентов Вологодского института народного образования, «среди которых имеется большой процент выпускников бывшей духовной семинарии, значительное количество буржуазного элемента и эсеровски настроенной интеллигенции. Из 500 студентов только один член РКП и отсутствуют комсомольцы»⁵⁶⁶. На данную просьбу из центра пришел положительный ответ и рекомендации довести численность студентов до 200 человек. В июне того же года организуется комиссия по перерегистрации студентов, которую прошли 311 человек; 189 из них были исключены.

Профессорско-преподавательский состав Вологды выступил с осуждением проведенной компании. В отчете отдела профобразования по результатам проверки указывалось: «...Некоторые профессора используя свой авторитет пытаются через губком добиться восстановления части студентов явно враждебных»⁵⁶⁷.

К декабрю 1922 г. «...в Череповце были скомплектованы группы, которые должны были осуществлять пересмотр классового состава учащихся средне специальных учебных заведений города»⁵⁶⁸.

В середине 1924 г. по советским техникумам и вузам прошла вторая, наиболее мощная, волна «чисток». Она была вызвана несколькими причинами –

⁵⁶⁴ Фицпатрик III. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 28.

⁵⁶⁵ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 223.

⁵⁶⁶ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 47. Л. 284.

⁵⁶⁷ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 664. Л. 38.

⁵⁶⁸ ЧЦХД. Ф. 758. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

политическими, идеологическими и экономическими. Основной из них явилось активное участие студенчества в партийной дискуссии 1923–1924 гг., когда часть студенчества поддержала «левую оппозицию»⁵⁶⁹. Ожидание войны со странами Запада к середине 1924 г., связи со смертью В.И. Ленина, толкало советское руководство на проведение «чисток» тылов от «чуждых» элементов, содержащиеся и в студенческой среде. Одновременно с этим, реальные возможности государственного бюджета не позволяли содержать такую студенческую армию. Уменьшить количество учащихся молодежи, было решено за счет «вычищения» чуждых большевикам классов. В реальности же освобождение от них учебных заведений и являлось основной причиной «чистки».

В 1924 г. XIII съезд партии констатировал «социальное укрепление буржуазных слоев в государстве»⁵⁷⁰. О «засоренности» советских вузов «непролетарскими» элементами постоянно писалось в периодических печатных изданиях. В.М. Молотов опубликовал на страницах журнала «Красная молодежь» свое выступление, в котором говорил «...о большом количестве в вузах выходцев из других социальных групп, остатков прежних привилегированных классов, отражающих настроение нэпманов и кулаков...».⁵⁷¹ Здесь же, продолжая свою мысль, Вячеслав Михайлович указывал на то, что «...пролетаризация вузов – это еще и замена преподавательского персонала, который по большей своей части остается враждебным к начинаниям советской власти в деле реформы высшей школы»⁵⁷². И.И. Ходоровский в своей статье «К проверке состава учащихся» также говорил о необходимости построения высшей школы на классовом принципе⁵⁷³.

Однако большевики все-таки не решались пока открыто заявлять о классовой направленности «чистки», и для сокрытия этих целей она была проведена под вывеской «академической» и «качественной проверки». В

⁵⁶⁹ См.: Ацаркин А.Н., Галкова Д.Н. Комсомол в борьбе с троцкизмом (1923–1927). М., 1985; Дмитриенко С.Л. Сплоченными рядами: Комсомол в борьбе с троцкизмом. М., 1987; и др.

⁵⁷⁰ КПСС в резолюциях. Т. 3. М., 1983. С. 272.

⁵⁷¹ Молотов В. За работу // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 5.

⁵⁷² Там же. С.6.

⁵⁷³ Ходоровский И. К проверке состава учащихся // Там же. 1924. № 1. С. 114.

инструкции Коллегии Наркомпроса 30 апреля 1924 г. не содержалось точных задач, которые должны быть достигнуты при осуществлении «чистки», но в то же время в ней и указывается, что «...проверка будет проводиться с учетом академической успеваемости студентов при различном подходе к разным классовым группам...»⁵⁷⁴.

Вскоре НКП были приняты дополнения к вышеназванной инструкции. В них говорилось, что при проверке студентов и рассмотрении жалоб следует проявлять осторожный подход «к детям родителей интеллигентных профессий, состоящих на советской службе (врачей, инженеров, учителей, агрономов и т. д.), а также детям служащих; при наличии академической неуспеваемости к ним должно быть проявлено более бережное отношение, чем к иным выходцам из буржуазной среды»⁵⁷⁵.

«Чистки» проводились не преподавательскими коллегиями, стремившимися сохранить способных студентов, а специально созданными проверочными комиссиями⁵⁷⁶. 20 мая 1924 г. с целью пересмотра состава студенчества Вологодского молочно-хозяйственного института была создана специальная комиссия в составе 8 человек, которая проверила 110 учащихся. По итогам «чистки» были уволены некоторые студенты со следующими формулировками: «как чуждый и случайно попавший в вузы элемент» – 8 человек; «как непригодный к общественной и практической деятельности, являющийся безнадёжным для вузов балластом» – 11 студентов; «как не явившийся на проверку» – 3 человека и как «не справившийся с учебным планом» – 1, «как лишенный прав гражданина СССР» – 3. Все 25 «вычищенных» подали апелляции на решения комиссии. В итоге в отношении девятнадцати студентов ранее вынесенный приговор был оставлен в силе. Другие шестеро были оставлены в вузе под особым контролем.

⁵⁷⁴ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 199. Л. 2.

⁵⁷⁵ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1129. Л. 18.

⁵⁷⁶ В состав ревизионной комиссии обычно входили: председатель, назначаемый Главпрофобром; по одному председателю от исполнительного бюро профсекций данного учебного заведения; правление учебного заведения, губкома РКП(б), губпрофсовета и губкома РКСМ. Зачастую комиссии возглавляли рабочие-выдвиженцы (ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1129. Л. 21–22).

В целом по итогам «чистки» была составлена резолюция, в которой особо отмечалось, что «оставшееся студенчество по своему социальному составу малоудовлетворительно, настроения студенчества далеко не советские, взгляды совсем не коммунистические, а эсеровские и отчасти кадетские, общественная жизнь и работа студенчества ничтожны»⁵⁷⁷. Члены комиссии предлагали взять прошедшее «чистку» студенчество под особый контроль. При новых наборах предлагалось в разы увеличить количество учащихся, вербуемых из сельскохозяйственных и низших молочных школ.

Одновременно с «чисткой» в Вологодском молочно-хозяйственном институте принимается решение о «проведении проверки во всех средних учебных заведениях губернии на наличие чуждых элементов, которые разлагают среду учащихся, тормозят работу комсомола». Эта «чистка» техникумов проводилась в период с 20 мая по 15 июня 1924 г. По ее итогам из Вологодского экономического техникума было уволено с формулировкой «как непригодный элемент в будущей профессиональной деятельности» – 6 человек; из Вологодского сестринско-акушерского техникума с такой же формулировкой был отчислен один человек. Наибольшее число отчисленных пришлось на Вельский техникум. Здесь с формулировкой «как вредный для Советской власти элемент» было отчислено 43 человека и с мотивировкой «вредный для Советской власти элемент, без права поступления в другие какие-либо советские учебные заведения» – 12 человек⁵⁷⁸. В июне 1924 г. из Череповецкого лесомеханического техникума по причине классовой чуждости было отчислено 2 человека, но 23 – «по причине слабости усвоения учебного плана»⁵⁷⁹. При этом следует учитывать, что Наркомпрос официально объявил причиной «чистки» борьбу с «академической неуспеваемостью», что несколько осложняло работу членам ревизионных комиссий, т. к. необходимо было замаскировывать избавление от неугодных студентов. Именно этим можно объяснить встречающиеся исправления в итоговых резолюциях, когда поверх записанного первоначального

⁵⁷⁷ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 199. Л. 44.

⁵⁷⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 199. Л. 38–41.

⁵⁷⁹ ЧЦХД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 12. Л. 92–93.

решения позже уже другим почерком осуществлялось изменение в записях. Так в нескольких документах присутствует исправление таких заключений, как «антиобщественный элемент», «идеологически чуждый элемент» и поверху вписывается: «как непригодный элемент в будущей профессиональной деятельности», «общественно слаб»⁵⁸⁰.

В «чистках» не последнюю роль играли студенты-коммунисты, зачастую осуществлявшие открытую поддержку таких акций. Например, студент Вологодского молочно-хозяйственного института П. Рогов в своей заметке, ставшей ответом на состоявшуюся в мае 1924 г. «чистку», в этом учебном заведении указывал на то, что «...в Вологодской губернии студенчество первых послереволюционных приемов состояло из городской интеллигенции, выходцев из духовенства и частично зажиточной крестьянской молодежи. Такой состав студенчества не способствовал возрастанию в институте активной общественной работы. Только после чистки вуза, исключения всех чуждых советской общественности элементов оставшиеся стали отдавать отчет в том, что требуется от них в пролетарском вузе – общественная работа...»⁵⁸¹.

Комячейки учебных заведений постоянно сообщали комиссии по «чистке» о присутствии в студенческой среде выходцев из непролетарской среды, об намерениях утаить связь с «чуждыми классами». Можно привести пример такого вскрывшегося факта. На заседании комсомольской ячейки Череповецкого индустриального техникума 8 октября 1926 г. обсуждался студент 2-го курса Петр Котлов, «который при поступлении предоставил неверные анкетные данные, заверенные воисполкомом (поступок работников воисполкома заслуживает отдельного расследования)...». В предоставленном юношей документе в графе «Социальное происхождение» было указано «бедняк», но спустя год выяснилось, что отец студента – «кулак», владеющий еще и кузницей. Попытки юноши доказать, что его отец зарабатывает на хлеб собственным трудом и ряд просьб своих односельчан, бывает, выполняет еще и бесплатно, членов комиссии не

⁵⁸⁰ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 199. Л. 38–41.

⁵⁸¹ Рогов П. Наша общественность // Красная молодежь. 1924. № 3-4. С. 162.

убедили. Студент был исключен из комсомола, «несмотря на активную общественную работу, искренность которой теперь вызывает сомнение... и взят на заметку»⁵⁸². В 1927 г. отмечается неудовлетворительный социальный состав учащихся Череповецкого техникума животноводства и молочного хозяйства, где по результатам проверки был выявлен большой процент учащихся из зажиточного крестьянства. Данный факт был признан «... весьма опасной тенденцией, способствующей еще большему расслоению деревни и укреплению кулачества»⁵⁸³.

Четвертая волна «чисток», представленная как естественная реакция партии на «шахтинское дело» и «вылазки кулачества» пронеслась по техникумам и вузам страны в 1929 г. В вузах и техникумах «чистки» приобрели ярко выраженный классовый характер, вопрос связанный с выполнением или невыполнением учебного плана ни где не понимаются.

Примером тому, является «чистка» прошедшая в Череповецком торгово-экономическом техникуме в февраля 1929 г. Основной темой заседания являлся вопрос «О «чистке» техникума от нетрудового элемента учащихся». Первое слово было дано директору учебного заведения: «В нашем техникуме <...> значительное число учащихся из нетрудового элемента. Государство затрачивает большие средства на воспитание учащихся, но при таком положении часть учащихся-лишенцев по окончании техникума будет не только бесполезным, но и вредным элементом для кооперации и советских учреждений. Нам нужно изъять нетрудовой элемент... Нужно подходить к этому вопросу серьезно, обсудив всех лишенцев персонально, и некоторых из них, зарекомендовавших себя на общественной работе, оставить в техникуме до окончания техникума, особенно из старших 3 и 4 курсов»⁵⁸⁴.

В дальнейшем обстановка накалилась еще больше, а речи все яростнее. В итоговой части протокола указывалось: «<...>Признать принципиально

⁵⁸² ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 27. Л. 48.

⁵⁸³ Там же. Ф. 719. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.

⁵⁸⁴ Цит. по: *Труханович Т.Ю.* О применении «классового подхода» в советской системе образования во второй половине 1920-х гг. (по документам Череповецкого центра хранения документации) // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2002. Вып. 8. С. 77.

необходимым провести чистку техникума от всего нетрудового элемента, ибо нет гарантий к тому, что по окончании техникума дети торговцев и кулаков не будут вести подрывной работы и всячески вредить делу кооперации»⁵⁸⁵.

Итогом индивидуального разбора стала резолюция, по которой исключению подлежали 13 студентов, девять из них являлись учащимися на четвертого, выпускного, курса. Поводом к применению карательных мер являлась принадлежность к «классово чуждым элементам» близких родственников⁵⁸⁶.

Как уже отмечалось, социальный состав студенчества в период НЭПа был разнообразный. Классификация осуществляется по следующим основным критериям: «...а) по происхождению (выходцы из непролетарских, рабочих и крестьянских слоев); б) по месту основного проживания (городская и сельская молодежь); в) по способу поступления («конкурсники» и командированные, рабфаковцы)....». При этом следует учитывать, что в каждом учебном заведении и регионе могли существовать свои специфические признаки классификации. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть не каждую категорию студентов в отдельности, а обратить внимание на особенности психологии основных групп студенчества, проявляемые в отношении к учебе. Кроме того, данный подход качественнее подкреплён источниками. Документы показывают, что подавляющая часть студентов, при безусловном присутствии вышеназванных качеств групп, в основном связывали себя и остальную часть студенчества по принадлежности к двум основным стратам, которые определялись «...как по признаку социального происхождения (выходцы из непролетарских слоев общества и рабоче-крестьянское студенчество), так и по мировоззрению (условно назовем его «мещанско-буржуазным» и «коммунистическим»)....». Данная самоидентификация студентов доказывает высказанный ранее тезис о существовании двух студенческих миров, которые чаще всего существовали

⁵⁸⁵ Там же. С. 77

⁵⁸⁶ Там же. С. 78.

параллельно друг другу. Представители этих двух миров презрительно именовали друг друга «жоржиками» и «мужиками»⁵⁸⁷.

На психологию непролетарских студентов, как и на все «нетрудовое» население советской России 1920-х гг., оказывала негативное воздействие социальная депривация, которая приобрела характер наследуемой. Учеба в таких семьях определялась как часть биографического плана. Подавляющая часть этой группы молодежи была начитана, обладала грамотной речью и имела широкий кругозор. Многие из них в прошлом были гимназистами, зачастую занимались репетиторскими занятиями, являлись членами литературных кружков, регулярно занимались спортом, но чаще отсутствовала четкая жизненная цель, точнее, материализуемое прагматическое притязание⁵⁸⁸. Внешне все они выглядели по-разному, в зависимости от уровня благосостояния семьи, однако всегда аккуратно одеты⁵⁸⁹.

Непролетарское студенчество мало с кем контактировало, и привычный круг его общения, как правило, не выходил за рамки своей группы. А. Закурдаева составила свое, в целом вполне адекватное объекту наблюдения, представление об этой категории студенчества: «Лучше всех спаялась, как ни странно, наша «белая косточка» (дети «спецов» и интеллигенции). На лекциях они занимают несколько скамеек, сидят всегда вместе, в перерыве в их группе всегда шумный говор и смех. Часто слышны разговоры о музыке, литературе и т. д. Остальных они сторонятся, сами не заговаривают, а если отвечают, то в холодном вежливом тоне. Эта группа выделяется из остальных своей красочностью, особенно девушки – все хорошо одетые в прекрасно сшитых платьях, в хорошо сидящей обуви»⁵⁹⁰.

В.Д. Губанова в характерные черты не пролетарского студенчества Герценовского института ставит их грамотную речь, сохранившееся у многих еще с гимназических времен обращение к друг другу на «Вы».⁵⁹¹

⁵⁸⁷ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 251.

⁵⁸⁸ Шаламов В.Т. Указ. соч. С. 76–79, 82–86, 91–96, 99, 136.

⁵⁸⁹ См., напр.: Алпатов М. А. Указ. соч. С. 18; Кетлинская В.К. Указ. соч. С. 384.

⁵⁹⁰ Закурдаева А. Дневник с вопросами // Красное студенчество. 1928. № 8. С. 12.

⁵⁹¹ Скворцов М.А. Указ. соч. С.48.

Часть студенчества непролетарского происхождения не скрывало своего антагонизма к советской власти и пыталось донести его до остальной части студенчества⁵⁹². Правда, следует учитывать, что расстояние между взглядами и действиями в основном проходит «большую протяженность». По крайней мере, ОГПУ в информационной сводке о состоянии ВМХИ во второй половине 1926 г. отмечало, что «чуждый элемент» в вузе имеется, но он не отличается особой активностью, «свое политическое лицо» не показывает, скрывает, шипит и выявляет себя только по квартирам»⁵⁹³.

Преподаватели 1920-х годов так описывают студентов вышедших из рабочего класса : «Классовое происхождение наложило резкий отпечаток на их наружность, манеру держаться, способ мышления. Оно сказывается в целом ряде мелочей, начиная с простой рабочей кепки, которая теперь, как когда-то синяя фуражка, носится с особым шиком, и кончая тушением папирос о грубую мозолистую ладонь – способ, недоступный прежнему студенту... То же происхождение сказывается всеобщим употреблением «ты», а не «вы» в товарищеских отношениях. И в отношении между разными полами «ты» явно преобладает»⁵⁹⁴.

Гораздо труднее из «мужиков» было выходцам из деревни, которым приходилось штурмовать не только техникум или вуз, но и город. Привычное сельское спокойствие сменялось городской суетой, непривычной обстановкой.

«В отличие от «жоржиков», для большинства которых учеба в вузе была самоцелью, «мужики» видели в ней трамплин для покорения следующих, случайно открытых для них жизненных высот. Крестьянский практицизм конструировал главную жизненную цель – через получение образования «выйти в люди», осесть в городе, сменить социальный статус⁵⁹⁵. Подобная жизненная стратегия была у пролетарской молодежи, которая была более политизированной по сравнению с крестьянской. Объединяло эти два слоя «мужиков» стремление

⁵⁹² См., напр.: *Алпатов М.А.* Указ. соч. С. 28–29.

⁵⁹³ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 72. Л. 81об.

⁵⁹⁴ Цит по: *Ильинский И.* Заметки о высшей школе // *Новый мир.* № 3. 1929. С. 227.

⁵⁹⁵ См. напр.: ЧерМО. Инв. н. 554. Комплекс «Наша деревня» (Антипинская школа). 1924–1925 гг. Л. 11; Инв. н. 690. Комплекс «СССР» Группа Г. 1924–1925 гг. Л. 8.

взять науку наскоком, натиском, зубрежкой....». Довольно слабый уровень школьного образования не давал возможности использовать его для постижения вузовских дисциплин. Связи с этим им успешнее давались дисциплины, близкие к реальной жизни; абстрактное практически не усваивалось. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть огромную жажду знаний у этой части молодежи, готовность для этого преодолеть ряд трудностей. Герои рассказа Л.И. Гумилевского «Без мандата» для поступления на рабфак готовы были пешком пройти хоть 120 верст, «...лишь бы вырваться из той тьмы, в которой жили»⁵⁹⁶. Г.П. Федотов указывал на то, что профессора, принявшие общую малограмотность этой молодежи, вместе с тем нередко подчеркивают их усидчивость: «Упорные кроты «грызут гранит науки». Разумеется, им не наверстать пробелов общего образования. <...> Плохой врач, плохой инженер, но все же не фельдшер, не простой техник. А главное, почти всегда человек с большей волей, с большим вкусом к «строительству» жизни»⁵⁹⁷. Также у послереволюционной учащейся молодежи отмечали такие черты, «... как «одухотворенная деловитость»⁵⁹⁸.

Одновременно с этим пролетарская группа молодежи обладала возможностью пройти учебный путь более легко — активное занятие общественно-политической деятельностью, которая давала не только право на беспрепятственное поступление в техникум или вуз, но и довольно успешную учебу, а также выгодное распределение после получения диплома.

В данном контексте интерес представляет комсомольская часть студенчества, составлявшая 10–15 % слушателей и рассматриваемая партией как ее опора в учебном заведении. Эта группа студентов вовсе не была однородной. А.Ю. Рожков выделяет в ней две категории: «активистов» и «академиков»⁵⁹⁹. Внутри этих категорий можно выделить еще подгруппы, формировавшиеся уже по территориальному признаку, куда входили обычно 4–5 человек, являвшиеся

⁵⁹⁶ Гумилевский Л.И. Указ. соч. С. 68.

⁵⁹⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 208.

⁵⁹⁸ Золотарев С.А. Четыре смены молодежи (1905–1925): из наблюдений педагога. Л., 1925. С. 105.

⁵⁹⁹ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 258.

уроженцами соседних деревень и зачастую защищавшие интересы своих «земляков», не считаясь с «классовым» принципом⁶⁰⁰.

Впрочем, как ни глубоки были противоречия среди этих двух студенческих миров, все-таки элементы повседневной жизни и одинаковый возраст медленно, но верно ломали созданные между ними загородки, способствуя взаимообмену жизненным опытом между ними. «...По материалам источников складывается впечатление, что совместное обучение не столько «коммунизировало» непролетарскую молодежь, сколько «обуржуазивало» рабоче-крестьянских студентов...». Кетлинская Вера Каземировна замечала: «Пожалуй, на нас (имеются в виду студенты 1920-х гг. – А. К.) наиболее ярко отразилось противоречие времени, скрестились старое и новое... Многие студенты из крестьян, а некоторые даже из рабочих, увидев вблизи «прелести» старой жизни, стали за них цепляться, приспосабливаться к нэповской буржуазии..., урвать возле нее хоть что-то, урвать для себя лично, урвать на сегодня, а там будь что будет...»⁶⁰¹.

Время учебного процесса было, пожалуй, единственным периодом, когда реально сосуществовали две различные категории студенчества. Нигде, кроме учебной аудитории, непролетарские и рабоче-крестьянские студенты не находились так близко во взаимодействии: в общественной работе приоритет был за коммунистами и комсомольцами; в общежитиях проживали в основном студенты крестьянско-рабочего происхождения.

Война, разруха, голод, низкий уровень образовательной подготовки в школе, осуществление набора в вузы по классовому признаку – все это негативно сказалось на уровне знаний выпускников вузов и техникумов. В среднем за учебный год студент техникума «проходил» около 10 предметов, а в вузах – 15. На изучение одной учебной дисциплины приходилось не более 14 дней⁶⁰². Соответственно, качество усвоения материала было невысоким. В техникумах студент в среднем обучался 6–7 лет вместо четырех запланированных. На

⁶⁰⁰ ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 11. Л. 48. Аллатов М.А. Указ. соч. С. 80–85.

⁶⁰¹ Кетлинская В.К. Указ. соч. С. 411.

⁶⁰² ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 7. Л. 12; ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 88. Л. 24.

выполнение только одной дипломной работы уходило нередко до двух лет и более.

В 1920-е гг. в техникумах, во многих вузах и особенно на рабочих факультетах активно использовался Дальтон-план и его советская модификация – бригадно-лабораторный метод.⁶⁰³ Сами преподаватели под Дальтон-планом понимали сведение коллективных классных занятий к минимуму и придание всему обучению индивидуального характера, при котором руководитель имел дело с каждым учащимся отдельно или с небольшими группами. Изучаемый учебный материал разбивался на ряд частей. К каждой части преподавателем разрабатывалось задание, которые включали основные вопросы для изучения, литература. Отменялось расписание занятий со звонками, переменами и точным определением учебного времени между отдельными предметами. Вместо этого вводилась система занятий, при которой студенты по своему выбору переходили из лаборатории в лабораторию и работали над заданиями, на которые разбивалась программа⁶⁰⁴.

Важное место занимала система оценки работы учащегося и контроля его успеваемости. Многие учебные заведения отказались от традиционных зачетов и экзаменов. «...Контроль знаний осуществлялся на основе оценивания повседневной учебной деятельности учащихся, а по окончании семестра на общем собрании преподавателей, слушателей, представителей Губпрофобра, профсоюзов и комсомольских организаций подводились итоги учебы каждого студента и выносилось решение о его аттестации. Не существовали единые критерии оценки знаний учащегося. Отношение историков к Дальтон-плану различное. Ш.Х. Чанбарисов называет внедрение лабораторного метода «прожектерством». Д.А. Волков считал, что «...лабораторный метод ориентировал студентов на исследовательскую работу». Исследование М.В. Ермушина показало, что при отсутствии материально-технической базы и учебной литературы данный метод отрицательно повлиял на качество подготовки

⁶⁰³ Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 219.

⁶⁰⁴ ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 58. Л. 93.

студентов...»⁶⁰⁵. Вместе с тем следует отметить, что одной из главных задач нового метода было сведение к минимуму непосредственного контакта студенческой аудитории с «неблагонадежными» преподавателями. В свою очередь пролетарскому студенчеству лекции преподавателей старой школы, рассчитанные на более подготовленную аудиторию, также были невыгодны, потому что они были сложны для их понимания. Более приемлемой для них была как раз бригадно-лабораторная система, где можно было получить необходимую консультацию и сполна использовать возможности «коллективной подготовки». Многие студенты негативно относились не только к лекциям, но и к остальным «пережиткам» старой школы – контрольным работам, зачетам, экзаменам⁶⁰⁶.

Отсутствие учебников, острая нехватка методических пособий приводили к тому, что образовательный процесс преподаватели строили на дореволюционных учебных пособиях. В 1926 г. в отчете Череповецкого педагогического техникума отмечалось, что в связи с отсутствием новых учебных пособий студенты вынуждены заниматься по дореволюционным. В.К. Кетлинская, окончившая петроградский рабфак, вспоминала: «Учитель математики ... задавал нам на дом из задачника Малинина и Буренина, памятного мне по детским годам, те же унылые задачи про бассейны с трубами, про поезда и пешеходов, вышедших в разное время навстречу друг другу, и даже про купца, отмерявшего покупателям сукно...»⁶⁰⁷.

Между тем основное отличие новой образовательной системы от предыдущей заключалось в идеологизации и политизации обучения. «Новый человек», вышедший из стен техникума или вуза, должен был обладать коммунистическим мировоззрением, для формирования которого предназначались предметы социально-экономического цикла. В 1923 г. научной секцией ГУСа принимаются примерные учебные программы для разных специальностей вузов и техникумов. В Вологде и Череповце эти учебные

⁶⁰⁵ Чанбарисов Ш.Х. Указ. соч. С. 219; Ермушин М.В. Формирование технической интеллигенции в Верхнем Поволжье в 1921–1929 гг. С. 134.

⁶⁰⁶ ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

⁶⁰⁷ Кетлинская В.К. Указ. соч. С. 389.

программы впервые стали использоваться в 1924/1925 учебном году. «...За основу учебной программы брались предметы по специальности и общественные дисциплины. Для повышения политического уровня вводился курс политграмоты и обществоведения.

В 1924 г. на основе разработанной Главпрофобром программы по обществоведению были опубликованы пособия по этому курсу. Новая программа давала определение общественно-экономической формации, абсолютизировала роль народных масс в истории⁶⁰⁸. В 1927 г. вводится история классовой борьбы и ВКП(б). В программу 1928/1929 учебного года были включены вопросы внутрипартийной борьбы...». Однако абсолютизировать ее влияние на студентов не стоит. Из-за нехватки, а порой полном отсутствии преподавателей обществоведческих дисциплин до конца 1920-х гг. внимание учащихся к данному предмету было несерьезным⁶⁰⁹. В отчете о работе Череповецкого педагогического техникума за 1927/1928 учебный год указывалось, что часть проблем связанных модернизации промышленности, темы связанные правым уклоном не донесены своевременно до учащихся, и по словам их самих, у них возник «туман в голове». Другой проблемой являлась низкая посещаемость политграмоты, отсутствие на ней дисциплины, вызванное частой сменой преподавателей обществознания⁶¹⁰. Сами преподаватели общественных дисциплин заслуживают особого внимания. Например, в Череповецком педагогическом и кооперативном техникуме общественные дисциплины преподавал Н.Н. Генко, бывший член социалистической партии, который на протяжении 1920-х гг. не раз публично критиковал политику власти в области образования и сельского хозяйства⁶¹¹. Такое положение дел с преподаванием обществоведческих дисциплин сложилось в большинстве техникумах края, в связи с этим политические знания до конца 1920-х гг. пополнялись в основном в кружках, посещаемость которых была очень

⁶⁰⁸ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 92. Л. 16, 17.

⁶⁰⁹ Там же. Д. 120. Л. 41.

⁶¹⁰ ВОАНПИ. Ф. 1931. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

⁶¹¹ ЧЦХД. Ф. 719. Оп. 2. Д. 3. Л. 129.

низкой⁶¹². Среди учащихся техникумов Череповецкого округа господствовало убеждение, что все усилия необходимо направить подготовку к специальным дисциплинам. Связи с этим отношение к общественно-политическим дисциплинам оставалось более чем прохладное.

В соответствии с марксистским догматом, критерием истинности усвоенных в ходе учебного процесса теоретических постулатов должна была стать производственная практика. Советская Россия 1920-х гг. была единственной страной в мире, где существовал такой феномен⁶¹³. Согласно рабочей программе у учащихся 1-го средне специальных учебных заведений производственная практика длилась 6 месяцев и была организована непосредственно в стенах учебного заведения; на 2-м и 3-м курсах длилась 3 месяца, на 4-м курсе – 6 месяцев и проходила на промышленных предприятиях.

Недочетом системы являлась, то что при определении места прохождения практики учащимися не всегда учитывались реальные потребности и возможности промышленных предприятий. Командировались студенты по специальностям, отсутствующим на производстве. Зачастую на производстве на практикантов смотрели как на временных рабочих и выполнение заданий влиявших на производственный процесс не поручали. Однако части учащихся в период производственной практики и стажировки удавалось показать себя с лучшей стороны. Так, в 1927 г. администрацией Главных Вологодских железнодорожных мастерских отмечалась высокая подготовка учащихся 4-го курса Череповецкого индустриального техникума и их готовность к работе непосредственно на производстве. Особенно отмечалось дирекцией мастерских превосходство подготовки данных учащихся над втузовцами, которые также в этот период проходили производственную практику на этом предприятии⁶¹⁴.

Для работы в летнее время и для прохождения практики в Вологду приезжали студенты из разных медицинских вузов страны. Однако после завершения учебы большинство выпускников не хотели ехать в провинцию и

⁶¹² Там же. Л. 23.

⁶¹³ Рожков А.Ю. Указ соч. С. 273.

⁶¹⁴ ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 44. Л. 13 об.

особенно на село. Причинами тому являлись низкая заработная плата, нежелание специалиста отрываться от культурной городской жизни и желание работать в оборудованной, снабженной всем необходимым больнице. Всего этого село дать не могло. В то же время, начиная с 1924 г., в центральных районах России наблюдался переизбыток врачей, и здесь молодые специалисты, только что окончившие вузы, устроиться на работу не могли. В этих условиях Вологодским губздравом предпринимается попытка решить проблему нехватки кадров в уездах. Через Посредническое бюро при Наркомтруде в Вологду на стажировку с последующим трудоустройством в одном из уездов губернии приглашались молодые выпускники медицинских факультетов из разных уголков страны. Уже в сентябре того же года в губернском Эпидбюро стажировку проходило двое молодых врачей, еще трое стажировались в губернской больнице. Тем не менее, потребность в медицинских кадрах в уездах возрастала⁶¹⁵.

Взаимная диффузия «мужиков» и «жоржиков» в период обучения в вузе нередко приводила к полной инверсии стратегий поведения, типичных для этих социальных групп. Выходцы из рабочих все охотно впитывали в себя черты высших групп общества, которые они копировали с дореволюционных преподавателей, советских чиновников. Почувствовав себя правящим классом, они старались закрепить свою избранность и в последующей служебной карьере, которую видели преимущественно на городских предприятиях и руководящих должностях. Непролетарские студенты чаще желали другой судьбы – уехать на периферию, где удалось бы скрыть свое «чуждое» социальное происхождение. В связи с тем, что зачислялись они по большей части в не популярные в рабочей среде педагогические, медицинские, художественно-музыкальные вузы и техникумы, после окончания которых им нетрудно было затеряться в сельских школах, районных больницах, рабочих клубах.⁶¹⁶ Бывшие «верхи» и «низы» студенчества поменялись местами, поэтому в реальной жизни принятые условные маркеры студенчества зачастую обретали противоположный смысл. В этой связи

⁶¹⁵ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 428. Л. 120–122, 155 об.

⁶¹⁶ Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921–1927). Тверь: ТГУ, 1996. С.156.

кажутся сомнительными выводы Ю.П. Шарапова о том, что в годы НЭПа «старое, дореволюционное студенчество ... трансформировалось в новое, советское студенчество. Из «господ студентов», «коллег» учащиеся стали «товарищами студентами»⁶¹⁷. Следует заметить, что многих «господ студентов» и «коллег» в годы нэповской «оттепели» «вычистили» из вузов. Большинство же сумевших удержаться там становились «товарищами студентами» по элементарному закону социальной мимикрии.

История показывает, что студент в России практически ни в один исторический период не был полностью материально обеспечен. По данным А.Е. Иванова, «...на протяжении 1893–1913 гг. происходит тенденция роста числа обеспеченных студентов по сравнению со средне- и малообеспеченными. Например, категория «нуждавшихся» слушателей постепенно снижалась с 53,2 до 30–35 % в 1912/1913 учебном году. Вместе с тем следует учитывать, что доля малообеспеченных слоев студенчества часто уменьшалась искусственно, поскольку они не выдерживали конкуренции со средне- и высокообеспеченными студентами еще на абитуриентском этапе, затем выпроваживались из вузов за неоплату учебы и нарушение академической дисциплины. Первая мировая война нанесла еще более ощутимый удар по бюджету студенчества»⁶¹⁸.

В период НЭПа уровень материального благополучия студенчества изменился в худшую сторону. При сложившемся положении дел, ответ на риторический вопрос о том, кого из студентов Советская власть сможет кормить, был вполне предсказуем. Классовый подход оказался приоритетным. Заметим, и до революции право на получение стипендии тоже имел не каждый студент. Зачастую стипендия становилась «наградой за благонадежность» приближенных к инспекции студентов⁶¹⁹. Одновременно с этим особенности политического и социально-экономического устройства наложили свой отпечаток на студенческую материальную обеспеченность.

⁶¹⁷ Шарапов Ю.П. Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры. Размышления историка. М., 2006. С. 164.

⁶¹⁸ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 265–269.

⁶¹⁹ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 271.

Тогда существовала следующая система материального обеспечения студентов вузов и техникумов: были установлены государственные, хозяйственные и частные стипендии. Приоритет в стипендиальном обеспечении принадлежал государству. Главным требованием при признании за студентом права на стипендию являлась рекомендация ячейки РКП(б), в соответствии с приказом Глафпрофобра от 30 марта 1922 г. Преимущество при распределении стипендиального фонда отдавалось лицам с партийным, профессиональным или кооперативным стажем. Размер стипендии равнялся сумме прожиточного минимума⁶²⁰. В конце 1922 г. производится градация студенчества на три типа. К первому приписывались лица пролетарского происхождения, проявившие заметные успехи в учебе, командированные партией и рабочими организациями. Во вторую категорию входили лица мелкобуржуазного и интеллигентного происхождения, успешно занимающиеся академической работой, и в третью – лица, материально обеспеченные, получавшие стипендию от командировавших их в вуз организаций и учреждений. Студенты I категории получали стипендию в полном объеме, студенты II – частично, а студенты III – не получали совсем⁶²¹.

Однако, имея даже пролетарское происхождение регулярно получать стипендию было достаточно сложно. Например, в 1924/1925 учебном году в ВМХИ стипендию получали 56,5 % пролетарских студентов. Всего по России удовлетворенность пролетарского студенчества госстипендиями составляла 58,6 %⁶²². Одна из причин такой пропорции в том, что стипендии присуждались сроком на год.

Сумма госстипендии ежегодно пересматривалась в сторону роста, но достичь необходимого прожиточного минимума студента так и не смогли. Реальный размер госстипендии в провинциальных вузах в условиях постоянной инфляции в 1922/1923 учебном году составлял в пересчете на твердую валюту всего 70 копеек в месяц⁶²³. В связи с тем, что такой стипендии не хватало даже на

⁶²⁰ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 45. Л. 132.

⁶²¹ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 161. Л. 16.

⁶²² Дзюба И.О. О стипендиях // Красное студенчество. 1925. № 6-7. С. 37.

⁶²³ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 314.

покупку минимального набора продуктов, власть выделяла студентам в счет стипендии продовольственные пайки. В 1922 г. Вологодскому практическому институту требовалось 254 пайка, а получено было лишь 43⁶²⁴. Вологодский молочно-хозяйственный институт не получал пайков из центра вообще. Паек 1922 г. состоял из 8,5 фунта (1 фунт = 409 гр.) муки, 2 фунтов мяса или рыбы. Но и этот паек студенты получали не всегда⁶²⁵.

Сумма стипендии определялась в соответствии с «поясом дороговизны». До конца периода НЭПа было два вида размера стипендии: «...первый – для Москвы и Петрограда (Ленинграда) и крупных рабочих центров (30 руб.); второй – для провинции, которая в 1924/1925 учебном году составляла 15 руб.»⁶²⁶. В 1928/1929 учебном году была введена дифференцированная стипендия по видам вузов. Например, средняя стипендия составляла 30 руб.⁶²⁷ В средне специальных учебных заведениях сумма госстипендии составляла около 45–60 % вузовской стипендии, но имели возможность получать ее также далеко не все⁶²⁸.

По различным подсчетам, размер государственной стипендии был в полтора–два раза меньше прожиточного минимума. За пример возьмем сумму ежемесячных затрат вологодского студента в 1924/1925 учебном году, когда госстипендия составляла 15 руб.

1. Обед в студенческой столовой (20 к. X 25)	5 руб.
2. Утренний и вечерний чай	3 руб. 50 коп.
3. Снятие комнаты	4 руб.
4. Баня (2 раза в месяц)	80 коп.
5. Мыло, зубной порошок	50 коп.
6. Писчая бумага и канцелярские принадлежности	2 руб.
7. Стрижка и бритье	60 коп.
8. Табак (самый низший сорт)	3 руб. 50 коп.
9. Театр, кино	1 руб.

⁶²⁴ ГАВО. Ф. 81. Д. 163. Л. 18.

⁶²⁵ Там же. Л. 18 об.

⁶²⁶ ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 128. Л. 45.

⁶²⁷ Касаткин П. Вопросы материальные // Красное студенчество. 1929. № 15. С. 10.

⁶²⁸ ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

Итого: 19 руб. 90 коп.

Итак, сумма оказалась на 4,9 руб. меньше установленного прожиточного минимума. Вместе с тем нами оказались не учтены ежемесячные текущие траты студента. Нужно принять во внимание то, что студентам нужна одежда и обувь, учебная литература, то отрыв номинальной стипендии от реальных цен еще больше возрастает.

14. Пальто на 4 года (48 руб.: 48 мес.)	1 руб.
15. Костюм на 1 год (24 руб.: 12 мес.)	2 руб.
16. Ботинки или сапоги с починкой 1 год (15 руб.: 12 мес.)	1 руб. 25 к.
17. Белье на 4 года (12 руб.: 48 мес.)	25 коп.
18. Учебники – 15 шт. по 2 р. на 1 год (30 руб.: 12 мес.)	2 руб. 50 коп.
Итого:	7 руб.
Всего:	26 руб. 19 коп. ⁶²⁹

С учетом амортизации перспективных затрат ежемесячная стипендия была вдвое ниже прожиточного минимума. Таким образом, студенту 1920-х гг. приходилось ограничивать себя в самых необходимых нуждах, как минимум, на треть или искать дополнительный заработок. В этой связи большое распространение получили кассы взаимопомощи. В Вологодском практическом институте такая касса была учреждена в октябре 1922 г. Источником пополнения касс являлись взносы студентов с различного рода выступлений, хозяйственных работ, устройства концертов, спектаклей, вечеров. Из фонда кассы студентам, оказавшимся в тяжелом материальном положении, выдавались краткосрочные ссуды⁶³⁰.

Другой формой поддержки студенчества стали землячества. Одним из первых вологодское землячество было создано в Москве в 1922 г. Основной его целью являлось оказание помощи нуждающимся студентам путем выдачи безвозмездных пособий, краткосрочных и долгосрочных ссуд. В 1923 г. создаются

⁶²⁹ Составлено по: ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 173. Л. 51–56; *Дзюба И.* О стипендиях // Красное студенчество. 1925. № 6–7. С. 38, 39; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 гг. Вологда, 1929. С. 41–45.

⁶³⁰ ГАВО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

два вологодских землячества в Петрограде. Одно объединяло всех вологодских студентов, а другое учащихся политехнических вузов города⁶³¹.

Реакция властей на организацию земляществ была неоднозначной. В 1922 г. Агитационно-пропагандистский отдел счел их функционирование ненужным в связи с «непролетарским составом». В отчетах Вологодского губпрофобра отмечалось, что землячество вологодского студенчества в Москве в медицинском институте «...состоит из «чуждых» советской власти элементов ... которое только и ждет возможности всадить ей спину нож ...»⁶³².

Постоянную заботу партии и государства ощущали на себе студенты рабфаков. С середины 1920 г. их обеспечение продовольствие было сравнено с курсантами военно-учебных заведений или к красноармейцам тыла⁶³³. Стремление создать правительством для рабфаковцев особых условий видно при сравнении размеров финансовой обеспеченности их и студентов других вузов. В 1924/1925 учебном году в ВМХИ обучалось 132 человека, из них стипендиатами было 28 человек. Совсем иное положение было на рабфаке. Все студенты вологодского рабфака получали горячи обедами, размер их ежемесячной стипендии составлял пятнадцать рублям и больше половины (78,2 %) были обеспечены общежитием⁶³⁴. Кроме того, 58 % студентов получали дополнительную стипендию в размере 6 руб. от направившей организации.

В наиболее трудном положении находились учащиеся техникумов, чей размер стипендии которых был еще меньше. Здесь дневной рацион выглядел следующим образом: утром кусок хлеба и кипяток, обед в столовой техникума (у тех учащихся, кто имел наличные деньги), ужин опять кусок хлеба и кипяток⁶³⁵. В этих условиях большое значение имела помощь из дома.

Таким образом, важную роль в формировании интеллигенции края в 1920-е гг. играл классовый отбор, который осуществлялся при активной роли партии

⁶³¹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 199. Л. 2.

⁶³² ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 833. Л. 17.

⁶³³ *Кривенький А.И.* На первых ступенях: Участие комсомола в революционном преобразовании высшей школы. М., 1988. С. 44.

⁶³⁴ ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 84. Л. 34.

⁶³⁵ ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

большевиков, комсомола и ОГПУ. При такой целенаправленной политике складываются два различных студенческих мира, границей между которыми стал партийно-классовый признак. Важную роль в подготовке советской интеллигенции играли рабоче-крестьянские факультеты.

Еще одним инструментом влияния на студенчество стала стипендия. Однако даже те, кто получал стипендию, не могли прожить на нее. Она была лишь одной из доходных статей в ежемесячном бюджете студента. Другими доходными статьями бюджета студента в 1920-е гг. были: подработки и помощь из дома.

3.3. Организация внеучебной деятельности студентов в 1920-е гг.

Важным элементом в системе формирования интеллигенции края стал контроль за внеучебной деятельностью учащихся, ее регламентация. Обследование распорядка дня студентов в 1920-е гг. проводилось довольно активно. «...Эти мероприятия преследовали вполне прагматичную задачу – узнать, с какой степенью эффективности учащимися проводится суточное время. Мы использовали из этих материалов только те данные, которые позволяют реконструировать некоторые черты студенческой повседневности.

Учебная нагрузка у студентов вузов и техникумов была достаточно высокой, особенно если учитывать первоначальный низкий уровень знаний и немалую внеучебную занятость. Учебная деятельность студентов включала выполнение аудиторных и домашних занятий. Средний процент времени, ежедневно отводимое студентами на учебу в будние дни, в разных учебных заведениях колебалось от 5,5 часа у студентов вологодских и череповецких техникумов до 7 часов у студентов ВМХИ, и примерно 6 часов у слушателей дневного отделения вологодского рабфака»⁶³⁶. Эти уровни нагрузки не следует рассматривать целиком и полностью одинаковыми. При подсчетах необходимо

⁶³⁶ ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 128. Л. 21.

учитывать особенности техникумов, вузов или рабфаков. Принимать в расчет особенности рабочей программы текущего семестра и недели, выпавшие на момент обследования учебного заведения. Например, в Череповецком техникуме животноводства и молочного хозяйства учебный год заканчивался уже в середине мая, т. к. основной контингент учащихся составляли крестьяне, многие из которых до начала основных сельскохозяйственных работ стремились домой, т. к. были «единственным помощником у матери и мужиком в хозяйстве, на плечах которого лежит основная полевая работа»⁶³⁷.

Начиная с 15 часов дня, наступало время подготовки домашнего задания. В 1920-е гг. при активном участии администрации Череповецкого педагогического и механического техникумов, а также отделом образования внедрялся опыт коллективной подготовки домашнего задания. Причиной появления этого метода явилось, с одной стороны, большое количество неуспевающих, подтянуть которых педагоги надеялись при помощи сильных, а с другой стороны, многие работники губернского отдела образования считали этот метод весьма действенным для «...вытеснения индивидуализма и приобщения к коллективизму»⁶³⁸. Подготовка домашнего задания отнимала у учащихся, по подсчетам преподавателей, 1,5–2 часа. Наибольшие сложности у учащихся вызывали физика и родной язык. В связи с этим администрация техникумов не раз призывала преподавателей этих предметов тщательнее взвешивать свои требования и избегать ненужных и бесполезных домашних заданий⁶³⁹.

«Степень общественно-политической нагрузки студентов не может быть реально показана в среднестатистических показателях, поскольку по этой позиции бюджета времени (наряду с работой по найму) существовала самая большая разница между общей средней нагрузкой и средней нагрузкой фактически занятых студентов. В среднем в обследованных учебных заведениях общественной работой в той или иной степени занималось не более 25–30 %

⁶³⁷ Там же. Ф. 758. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

⁶³⁸ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 4. Д. 86. Л. 12.

⁶³⁹ ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

студентов. Вполне закономерно, что наибольшую нагрузку несли члены партии и комсомола, а также студенты-пролетарии...»⁶⁴⁰.

В среднем общественная работа занимала 0,5 часа бюджета времени студента. Одновременно нерегулярный характер этого вида деятельности приводил к резким колебаниям общественной нагрузки. Этот вид занятости мог отнимать у учащегося и менее часа в день, а иногда – до 4 часов в сутки. Студенты Череповецкого педагогического техникума, постоянно задействованные в общественной работе, не раз обращались с коллективным заявлением к администрации техникума, в котором просили: «уменьшить ... учебную нагрузку, т. к. учеба отнимает слишком много времени, которое лучше бы уделить работе среди горожан или поездке в деревню, которая освежающе действует на молодежь»⁶⁴¹.

Поддержание своего внешнего облика, включавшее выполнение правил личной гигиены, а также поддержания чисто своего жилища, ухода за одеждой и обувью. Приблизительные затраты времени на данный род занятий составлял от 0,5 до 1 часа в день.

Позиция «хозяйственно-экономическая занятость» студентов была представлена так: К примеру, 61 % студентов Череповецкого педагогического техникума имели пропуски занятий по причине трудовой занятости, которая имела разовый и сезонный характер: работа на огородах, колка дров, уборка частных территорий от снега, помощь в ремонте дома и т. д.⁶⁴²

Представляется целесообразным разделить позиции «отдых» на два компонента – сон и досуг. Практически все результаты обследований показывают, что средняя продолжительность сна студента не превышала 7,5 часа в будние дни. Время отдыха, за вычетом сна, не являлось полностью свободным, которым студент мог распоряжаться по своему усмотрению. Многие его элементы носили искусственно организованный характер. Это были различные театральные вечера, торжественные акты, посвященные памятным датам и событиям истории и

⁶⁴⁰ Куимов Д. Студенчество и новый быт // Студент пролетарий. 1924. №2. С.22-23.

⁶⁴¹ ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

⁶⁴² ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4.. Л. 22.

современности, общеобразовательные лекции, доклады. Проводились различные праздники, например, коммунистические Рождество или Пасха. В организации этих мероприятий так или иначе были задействованы практически все учащиеся⁶⁴³.

Обычным явлением в 1920-е гг. стала организация преподавателями в стенах учебных заведений различных образовательных кружков под своим руководством. Так, в Череповецком механическом техникуме были организованы драматический, художественный и музыкальные кружки⁶⁴⁴. В 1925 г. при Череповецком педагогическом техникуме был образован краеведческий кружок⁶⁴⁵.

Отдельно следует выделить каникулы, которые в начале 1920-х гг. студент получал три раза в год: зимой – 14 дней, весной – 10 дней и летом – 2,5 месяца. В 1926 г. было принято решение уменьшить каникулы до двух с половиной месяцев в году. Причиной этому послужило, в первую очередь, невыполнение учебных программ. Студенчество выразило неодобрение данному плану, используя в качестве формального объяснения сильную усталость и недостаточную продолжительность каникул для полноценного отдыха⁶⁴⁶. Главной же причиной, что наиболее вероятно, послужила отмена пасхальных каникул в соответствии с новыми планами. Несмотря на атеистические убеждения, большинство студентов привыкло к традиционному календарю обучения и с удовольствием разъезжалось по домам отдохнуть, выправить новую или отремонтировать старую одежду, пополнить свои продовольственные запасы. За сохранение пасхальных каникул выступали и руководители местных техникумов: «Эти каникулы дают возможность неместным учащимся съездить домой, привести в порядок одежду и

⁶⁴³ Там же. Д. 1. Л. 72; Ф. 2439. Оп. 1. Д. 1. Л. 208.

⁶⁴⁴ Там же. Ф. 757. Оп. 1. Д. 15. Л. 105.

⁶⁴⁵ «..Организатором кружка являлся Авенир Коровкин. Под его руководством учащимися техникума был собран обширный материал, отражающий быт и нравы деревень Череповецкого края в 1920-е гг. Часть материала, собранного студентами, вошла в 16 рукописных сборников. Эти сборники высоко оценили члены студенческой секции ЦБК, затем правление ЦБК, которое представило их на съезде краеведов северо-западных областей в Ленинграде и на выставке при Всесоюзном совещании по натуралистической работе в Москве. Позже они были рекомендованы к печати как сборники, «посвященные не методам, а результатам работы юношеских организаций» (ЧЦХД. Ф. 922. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 7, 18, 19)....».

⁶⁴⁶ ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

пополнить свой продовольственный запас, которого при рациональном использовании хватит им, чтобы окончить семестр». Все эти попытки сопротивления оказались бесполезными. В новом Положении о вузах и техникумах совокупное время, отводившееся на каникулярные отпуска, не превышало 2 месяцев⁶⁴⁷.

Как следует из анализа бюджета времени студентов, их досуг был весьма кратковременным. Однако, несмотря на это, к его организации Советская власть стала подходить весьма серьезно. Объяснить это можно тем, что как власть, так и сами преподаватели опасались влияния улицы на молодое поколение. По словам В.Ф. Пирожкова, на развалинах общенародной культуры возникла культура тоталитаризма, что непосредственно отразилось на молодежной субкультуре, т. к. культура тоталитаризма не допускала диалога сословных культур. Большинство несовершеннолетних и молодых правонарушителей не могли отнести себя к определенному социальному сословию (классу), а те, кто мог сделать это, не могли охарактеризовать основные принципы, нормы и правила жизни родителей, своего сословия (квалифицированных рабочих, крестьян, врачей, научных работников, предпринимателей, представителей торговли, чиновничества и т. п.). В семье такие разговоры не культивировались. Духовными ценностями своего рода, семьи, профессии большинство родителей не дорожили и детям не передавали. Поэтому несовершеннолетние и молодежь приобщались к дворовой субкультуре (субкультуре «общаг», коммуналок и бараков).⁶⁴⁸

Согласно сводкам Череповецкого отдела образования, в субботний вечер центр города заполнялся группами празднично прогуливающейся молодежи, часть из которой впоследствии оседала в кино или театре, другие становились клиентами расположенных в центре питейных заведений, а третьи так и оставались на улице⁶⁴⁹. Поэтому неудивительно, что вопрос об организации досуга молодежи на заседании агитпропотдела стоял одним из первых на всем протяжении 1920-х гг. В разработку и организацию молодежного досуга активно включились и

⁶⁴⁷ Там же. Л. 33.

⁶⁴⁸ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. С. 32.

⁶⁴⁹ ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 4. Д. 86. Л. 22.

преподаватели. Именно благодаря совместному давлению агитационных работников и педагогов на Череповецкий губернский административный отдел, в Череповце, несмотря на еще активно продолжавшуюся дискуссию «о допустимости танцев в советском обществе», они были разрешены⁶⁵⁰. С осени 1923 г., согласно совместному постановлению отдела образования и губернского административного отдела, с целью организации отдыха молодежи в Череповце каждую субботу в одном из учебных заведений или рабочем клубе начинают устраивать танцы. Танцы начинались в 8 часов вечера и продолжались до 3 или 4 часов утра – в зависимости от места проведения. Как правило, для учащихся техникумов вход был бесплатным, чем они активно и пользовались⁶⁵¹.

Другим примером организованного досуга студентов являлись занятия при театральном кружке Череповецкого педагогического техникума. Кружок был организован в 1921 г. и просуществовал до середины 1928 г. В эти годы коллективом ставились спектакли по сюжетам классической русской литературы: «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Русские женщины» Н.А. Некрасова, «На дне» М. Горького и др. Кроме того, предпринимались попытки организации театрализованных судов на злободневные общественные проблемы⁶⁵². В целом практика «Суд как театр» получила довольно широкое распространение по стране в течение первого послереволюционного десятилетия. Темы судов можно разделить по категориям: здоровье, религия, мораль, история и культура⁶⁵³.

Спорт в 1920-е гг. не стал массовым явлением в студенческой среде. Некоторые студенты пытались совершенствовать свое тело: играли в футбол (как правило, горожане), лапту, выполняли физические упражнения по системе Мюллера⁶⁵⁴.

В целом обследование режима дня студентов показало, что у них в 1920-х гг. была большая перегрузка. Недостаточное количество аудиторных занятий студент компенсировал домашней работой. Большинство студентов недосыпали,

⁶⁵⁰ Там же. Л. 23.

⁶⁵¹ Там же. Л.26.

⁶⁵² ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4. Л. 75; Ф.2439. Оп.1. Д.1.Л.206.

⁶⁵³ *Стайтс Р.* Сцена и суд в российской революции // Страницы истории. СПб., 2008. С. 453.

⁶⁵⁴ ЧЦХД. Ф. 757. Оп. 1. Д. 15. Л. 105, 107; Ф. 755. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

недоедали, что отражалось на успеваемости и здоровье. Большое внимание уделялось организации досуга учащихся, главной целью которого было оградить их от влияния улицы или уменьшить это влияние, насколько возможно.

Выводы по главе 3

После Октября 1917 г. в развитии интеллигенции начинается новый этап, связанный с нарастающим стремлением власти подчинить жизнь людей. Данный процесс, опиравшийся на огосударствленную культуру и образование, имел цель – создание в ударном порядке «своей», «классовой», во многом функциональной интеллигенции. По сути, ставилась задача клонировать, создать множество одинаковых людей. Одинаковых во всем – в поступках, в реакциях, в мыслях, одежде, в восприятии окружающего и вере в непогрешимость власти.

Роль, отводившаяся системе высшего и среднего профессионального образования в осуществлении вышеперечисленных задач, была значительна, но изученные источники не позволяют утверждать, что все ее выпускники соответствовали государственному заказу. Слабая связь с центром, труднодоступность значительных территорий, преподавательский состав, недоступность новых методических пособий – все это приводило к тому, что среди учащихся встречалось разномыслие, иная от официальной оценка действительности.

Множество противоречивых тенденций отличает в эти годы систему среднего и высшего профессионального образования. Прагматическое стремление руководителей страны получить квалифицированных специалистов сосуществовало с жестким классовым отбором в вузы и техникумы, что во многом затрудняло решение важной государственной задачи по подготовке кадров. Административные меры, направленные на регулирование классового состава поступающих в вузы и техникумы, начинают применяться в регионе с 1923 г. Однако осуществить задачу «пролетаризации» учебных заведений в регионе, где основную часть населения составляло крестьянство, было достаточно

сложно. Одновременно с этим «дорогая» жизнь в городе при минимальной поддержке студента государством делала практически недоступной учебу для представителей беднейшего крестьянства. Не особенно желали повысить свой образовательный уровень представители и без того немногочисленного рабочего класса, т. к. это было связано со значительным ухудшением их материального положения, как минимум на период учебы. Поэтому на всем протяжении 1920-х гг., как и до революции, основной состав учащихся местных средних профессиональных учебных заведений и командируемых в вузы страны абитуриентов составляли среднее крестьянство и служащие. Регулировать «классовый» состав студенчества власть пыталась и при помощи «чисток», которые проводились в регионе в 1922, 1924, 1925 и 1929 гг. Однако достичь поставленной цели – готовить интеллигенцию из «своих» – вплоть до 1929 г. так и не удалось. Не удалось достичь «единства» и среди учащихся. Несмотря на то, что классовые противоречия в студенческой среде нередко сглаживались совместной учебой и бытом, это не мешало пролетарским студентам требовать «вычищения» из вузов и техникумов своих классовых оппонентов.

Сама система профессионального образования региона складывалась путем реорганизации существовавших до 1917 г. учебных заведений и организации новых. Оценка качества образования выпускников производилась на основе отчетов по практике и характеристик с производства. Полученные нами сведения позволяют говорить о сохранении достаточно высокого уровня профессионального образования в регионе. Многие студенты проходили практику за пределами региона (Нижний Новгород, Петроград (Ленинград)), где получали хорошие отзывы. Сохранить такой уровень образования удалось во многом благодаря тому, что в регионе преподавательский состав вплоть до 1928 г. избегал каких-либо «чисток». Кроме того, за период Гражданской войны из Петрограда и Центрального региона страны в изучаемый регион переехали специалисты, которые стали преподавать в местных учебных заведениях.

Заключение

В начале XX в. интеллигенция Вологодского края являлась малочисленной группой региональной отечественной интеллигенции, наделенной рядом отличительных черт, появление которых было обусловлено социокультурной спецификой региона.

Характерной чертой отечественной, и региональной в том числе, интеллигенции была разнородность по уровню образования, профессиональной деятельности, социальному положению, мировоззрению и духовно-нравственным и идейно-политическим представлениям. К отличительным особенностям региональной интеллигенции диссертант относит: демократический состав; высокую степень гражданской активности, более высокий уровень образования по сравнению с остальной частью Севера; значительное влияние на городскую интеллигенцию представителей ссыльной интеллигенции; приверженность демократическим принципам; толерантность.

К началу 1917 г. к интеллигенции региона принадлежало порядка 7 662 человек, или 0,4 % от общей численности населения, что было значительно ниже общероссийского уровня, составлявшего 2,4 %. Основные профессиональные группы в этот период составляли учительство, медицинские работники, специалисты в сельском хозяйстве и промышленности, чиновничество. Пополнение шло за счет следующих социальных слоев: мещане, крестьяне, духовенство. Отдельно следует выделить представителей ссыльной интеллигенции, которая оказывала значительное влияние на развитие местной интеллигенции.

В период 1917–1921 гг. большая часть местной интеллигенции была склонна придерживаться социал-демократических взглядов, поэтому Февральская революция была встречена ею с воодушевлением. В период между мартом и сентябрем 1917 г. региональная интеллигенция с охотой включается в общественно-политическую жизнь страны, объединяется в союзы, вырабатывает различные проекты, направленные на поднятие хозяйственно-экономической

жизни в регионе. Еще в конце лета 1917 г. значительной части интеллигенции, с молчаливого согласия местных большевиков, удастся занять различные должности в органах самоуправления, различных государственных учреждениях и частично на предприятиях. Объясняется это тем, что в регионе практически отсутствовали высококвалифицированные представители рабочего класса, которые могли бы заменить интеллигенцию на управленческих постах. Кроме того, значительная часть рабочих местных крупных предприятий в период 1917–1920 гг. придерживались взглядов меньшевиков и эсеров, и поэтому они не высказались против такого решения.

К Октябрьской революции подавляющая часть местной интеллигенции отнеслась аполитично, рассматривая ее как очередной переворот, который просто нужно пережить. Проходившее в декабре 1917 г. – начале января 1918 г. выступление против Советской власти в Череповце ошибочно считать антибольшевистским. Скорее, его можно назвать как выступление против местных советов, большинство в которых занимало крестьянство, в чьем лице не только интеллигенция, которая возглавила выступление, но и подавляющая часть горожан видела угрозу для своего привычного образа жизни. В целом активными участниками сопротивления Советской власти вологодские и череповецкие специалисты, в отличие от своих коллег из Архангельска и Ярославля, не стали. Позже часть местной интеллигенции увидела в большевиках ту реальную силу, которая сможет удержать страну от дальнейшего сползания в пучину хаоса.

Данное обстоятельство положительно сказалось на социально-правовом положении местной интеллигенции в первые послереволюционные годы. Применяя насильственные методы против местной интеллигенции, власть ограничивалась, главным образом, одним – всеобщей трудовой мобилизацией. Практически все работающие специалисты остались на своих рабочих местах, что позволило сохранить преемственность и традиции. Об относительно комфортной социальной обстановке в регионе свидетельствует значительный приток специалистов из других губерний страны, часть из которых осталась работать в регионе и после окончания Гражданской войны.

Взаимоотношения власти и интеллигенции в период НЭПа можно разделить на два этапа: 1) 1921–1923 гг. – наличие значительной самостоятельности у региональной интеллигенции в деле восстановления хозяйства региона, рост ее влияния на рабочие коллективы; 2) 1924–1929 гг. – стремление власти снизить влияние интеллигенции на общественно-политическую жизнь региона, организация антиинтеллигентской кампании в прессе, вмешательство в процесс формирования путем «выдавливания» беспартийных специалистов, замены их выдвиженцами, выпускниками советских учебных заведений. Подобная частичная политика либерализации по отношению к интеллигенции применялась и к интеллигенции центральных районов страны, но несколько дольше – до второй половины 1920-х. В то же время на остальной части Севера подобная либеральная политика по отношению к интеллигенции не применялась вовсе.

Еще одним фактором, повлиявшим на развитие региональной интеллигенции, стали «чистки», которые проходили весной 1924 г. и в 1929 г. Каждая из них имела свои региональные особенности. В ходе первой кампании в наибольшей степени пострадали специалисты, переехавшие в регион в годы Гражданской войны. «Чистки» 1929 г. были отголоском возникшей в 1926 г., по мнению ряда руководящих работников, угрозы создания крестьянского союза под руководством эсеров, поэтому и затронули они ведомства, непосредственно связанные с сельским хозяйством, и не были столь масштабными, как в соседних регионах. «Чистки» в крае практически не затронули инженерно-технические кадры и высшее звено медицинской сферы, несмотря на то, что на губернских совещаниях не раз озвучивалось мнение, что значительная часть местных инженеров и врачей принадлежит к «врагам» Советской власти или сочувственно относится к ним, но все же в открытую кампанию против данных групп специалистов эти обсуждения не вылились. Объяснить это можно тем, что заменить их было нечем.

Отдельно следует отметить положение сельской интеллигенции. Практически сразу после Октябрьской революции новым уездным и волостным руководством применяются активные меры по замене «старого» сельского

учительства (на тот момент основная группа сельской интеллигенции в рассматриваемом регионе) людьми новыми, иногда совершенно некомпетентными, но являющимися яркими сторонниками Советской власти. В результате в 1918–1919 гг. «советизация» сельского учительства происходила гораздо быстрее, чем городского, что в начале 1920-х гг. не раз отмечалось губернскими властями. С 1921 по 1925 гг., вместе с приходом в волостные и частично уездные органы управления людей из так называемых «бывших» сословий, можно проследить замедление, а иногда даже «десоветизацию» сельской интеллигенции. В эти годы социальную основу сельского учительства составляли выходцы из духовного сословия, дворян, зажиточного крестьянства. Немало представителей данного сословия было среди агрономов, специалистов лесного хозяйства. Кроме того, среди председателей совхозов также встречались «бывшие» помещики. Это явление, безусловно, противоречило начинавшейся в стране политики пролетаризации и советизации специалистов. С середины 1927 г. в регионе начинается кампания по выявлению сторонников крестьянского союза. Ее результатом стали масштабные «чистки» среди сельской интеллигенции. В течение 1928–1929 гг. в регионе по причине «чуждого» социального происхождения, по политическим убеждениям были уволены до 35 % сельского учительства, специалистов лесного и сельского хозяйства. Данное обстоятельство нанесло существенный удар по культуре и экономическому развитию края.

Начиная с октября 1917 г. делаются попытки адаптировать дореволюционную интеллигенцию к новым политическим условиям. В регионе это осуществлялось на губернских и окружных профсоюзных съездах и конференциях, на различных курсах, а также путем привлечения к общественной работе. Однако значительного влияния на местную интеллигенцию эти меры не имели. Кроме того, сами руководители курсов принадлежали к таким же представителям дореволюционной интеллигенции.

У ведущих групп работников, занятых умственным трудом, на протяжении всего периода сохранялось тяжелое материальное положение, что вынуждало их заниматься поисками путей повышения качества собственной жизни. Но при этом

интеллигенция активно участвовала в общественной жизни, ответственно подходила к исполнению своих профессиональных обязанностей и играла свою роль в повышении культурного и экономического потенциала региона.

Во многом облик интеллигенции определяется системой образования. Для Советской власти техникум, вуз, непосредственно контактировавшие с молодежью, являлись важнейшими каналами, транслирующими культурные и социальные нормы и идеологические установки. Но стоит отметить, что представление о выпускниках учебных заведений, как о «политбойцах» правящего режима, относится скорее к заблуждениям, чем к объективной действительности. С учетом же удаленности региона от центра возможности тотального насаждения новой идеологии в этих социальных институтах ограничиваются не только низкой компетентностью ее трансляторов, но и нежеланием, а нередко еще и неготовностью к ее восприятию у значительной части молодого поколения.

Еще на стадии получения образования власть пыталась регулировать состав будущей интеллигенции путем применения различных административных методов. Наибольшие надежды связывались с так называемой политикой «пролетаризации» учебных заведений. В регионе ее стали осуществлять с 1923 г., итогом этой политики стало изменение к 1929 г. социального состава интеллигенции края: появляется новая категория рабочие, увеличивается численность представителей из крестьян, сокращается число выходцев из так называемых «бывших». Еще одним способом регулирования состава студенчества стали «чистки» вузов и техникумов, проводившиеся в рассматриваемой части Европейского Севера в 1924 и 1929 гг. Политика разделения на «своих» и «чужих» была поддержана активной частью рабоче-крестьянской молодежи и зачастую использовалась ею в личной борьбе против своих однокурсников.

В 1920-е гг. уровень общего образования учащихся рассматриваемого региона, как и по всей стране в целом, заметно снизился. В то же время здесь удалось избежать такого же падения уровня профессиональной подготовки студенчества. Объяснить это можно высококвалифицированным

преподавательским составом, с одной стороны, и спецификой состава учащихся, с другой. Основную категорию учащихся учебных заведений Вологды и Череповца составляли дети крестьян, у которых главным мотивом овладения профессией было стремление избежать крестьянского труда.

В целом за 1917–1929 гг. происходит увеличение численности интеллигенции на рассматриваемой части Европейского Севера в два раза (до 13 тыс. чел.), с частичным понижением образовательного уровня. Сохранение за большинством дореволюционных специалистов своих прежних рабочих мест, сокращение притока интеллигенции из других регионов страны при таком же уменьшении оттока молодых специалистов в 1920-е гг. стабилизировало динамику местной интеллигенции, позволило сохранить преемственность поколений. Попытки власти регулировать состав интеллигенции, создать «свою», «классовую» интеллигенцию не приводили к значительному изменению социального состава региональной интеллигенции вплоть до 1928 г. Это, по мнению диссертанта, свидетельствует, что к концу исследуемого периода в регионе процесс формирования советской интеллигенции как самостоятельно развивающейся группы еще не был завершен. Полученные данные дают возможность проанализировать и сравнить дореволюционную интеллигенцию в регионе и ее первое поколение в советский период, выявить особенности и общие тенденции. Среди общих черт диссертант выделяет: разнородность по уровню образования, профессиональной деятельности, социальному положению, мировоззрению и духовно-нравственным и идейно-политическим представлениям; демократический социальный состав; признание возможным вести диалог с властью в вопросах созидания; приверженность традициям межкультурного сотрудничества с представителями других регионов страны. В качестве существенных особенностей первого советского поколения северной интеллигенции следует отметить: снижение общеобразовательного уровня; подчинение власти и авторитетам; сужение культурного и мировоззренческого кругозора; снижение уровня раскрепощенности духа и инициативности; сближение с основной частью общества; снижение толерантности.

Список источников и литературы

I. Источники

Опубликованные материалы, документы, сборники

Труды руководителей Коммунистической партии и Советского государства

1. *Бухарин, Н.И.* Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. – 497 с.
2. *Бухарин, Н.И.* Пролетарская революция и культура. – Петроград: Прибой, 1923. – 56 с.
3. *Крупская, Н.К.* Странная педагогика // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1978. – Т. 2. – С. 63.
4. *Ларин, Ю.* Интеллигенция и совет. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. – М.: Госиздат, 1924. – 91 с.
5. *Ленин, В.И.* КПСС об интеллигенции. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.
6. *Ленин, В.И.* Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – М.: Политиздат, 1969. – С. 165–208.
7. *Луначарский, А.В.* Об интеллигенции. Сб. статей. – М.: Красная новь, 1923. – 53 с.
8. *Луначарский, А.В.* О народном образовании. Статьи и речи за период 1917–1929 гг. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 559 с.
9. *Сталин, И.В.* Логика вещей (по поводу «Тезисов» ЦК меньшевиков) // Сталин И.В. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1951. – Т. 4. – С. 134–155.
10. *Сталин, И.В.* Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1939. – 616 с.
11. Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1923–1925 гг. – Новосибирск: Наука, 1991. – 219 с.

Документы и материалы центральных партийных государственных и общественно-политических организаций

12. Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦИК и ЦК ВКП(б). – М.;Л.: ОГИЗ, 1931. – 496 с.

13. Коммунистическая партия Советского Союза в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 9-е. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 3 (1922–1925). – 484 с.
14. Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы. – М.: Советская Россия, 1983. – Т. 1. Ч. 1. (1917–1927). – 464 с.
15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1. – 382 с.

Документы и материалы региональных партийных и общественных организаций

16. Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917–1919 гг.): сб. документов / под ред. П.К. Перепеченко. – Вологда: Областная книжная редакция, 1957. – 280 с.
17. Вологодский архив. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1963. – Вып. 2.
18. Вологодский губернский совет профессиональных союзов. Отчет о работе Вологодского губернского совета профессиональных союзов с июля 1926 г. по июль 1927 г. – Вологда, 1927. – 1 л.
19. Вологодский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 10 лет строительства Советской власти в Вологодской губернии. – Вологда: Изд. Вологодского губернского исполкома, 1927. – 200 с.
20. Культурное строительство на Севере, 1917–1941: документы и материалы / сост. Л.В. Владимирова и др. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1986. – 287 с.
21. Отчет о деятельности Исполнительного комитета Вологодского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1924–1925 хозяйственный год. – Вологда: Б.и., 1925. – 305 с.
22. Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета за 1923–1924 хозяйственный год. – Вологда: Б.и., 1925. – 262 с.

23. Отчет Губернского исполнительного комитета X-му Губернскому съезду советов. – Вологда: Б.и., 1923. – 59 с.
24. Отчет Череповецкого губернского исполнительного комитета XII созыва. – Череповец: Типография газеты «Коммунист», 1924. – 61 с.
25. Отчет Череповецкого губернского исполнительного комитета XIII созыва. – Череповец: Типография газеты «Коммунист», 1926. – 342 с.
26. Резолюции VII-го Вологодского губернского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: 21–24 июня 1921 г. – Вологда: Вологодское отделение Государственного издательства, 1921. – 19 с.
27. Резолюции VIII Вологодского губернского съезда профессиональных союзов: (15–19 июня 1926 г.). – Вологда: Б.и., 1926. – 60 с.
28. Резолюции и постановления IX-го Вологодского губернского съезда профсоюзов (25–30 сент. 1927 г.). – Вологда: Б.и., 1927. – 46 с.
29. Череповецкий губернский съезд научно-технической секции лесоводов. Резолюции IV-го Череповецкого губернского съезда научно-технической секции лесоводов: 15–20 марта 1926 г. – Череповец: Типография газеты «Коммунист», 1926. – 15 с.

Статистические сборники и материалы

30. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – Т. 18. Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Отдел 2. Основные занятия. – 552 с.
31. Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. – Вологда: Типография Знаменского и Цветова, 1911. – 236 с.
32. Материалы по статистике Череповецкой губернии. – Череповец: Типография газеты «Коммунист», 1923. – Вып. III. – 48 с.
33. Население Ленинградской области (пересчеты материалов Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. в новых административных границах на 1 января 1928 г.). – Л.: Орготдел Ленинградского Облисполкома, 1929. – 81 с.

- 34.Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Санкт-Петербургский учебный округ. – СПб.: Типография «Экономия», 1913. – 110 с.
- 35.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб.: ЦСК МВД, 1904. – Т. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. (последняя). – 208 с.
- 36.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб.: ЦСК МВД, 1903. – Т. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2. (последняя). – 247 с.
- 37.Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 гг. – Вологда: Б.и., 1926. – 420 с.
- 38.Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 гг. – Вологда: Б.и., 1929. – 436 с.
- 39.Череповецкое губернское статистическое бюро. Города губернии. – Череповец: Типография Губсоюза, 1922. – 52 с.

Архивные документы

Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ)

- 40.Ф. 88. Череповецкая межрайонная советско-партийная школа имени К. Цеткин. Оп. 1. Д. 5, 11.
- 41.Ф. 984. Первичная партийная организация КПСС Череповецкого лесомеханического техникума. Оп. 1. Д. 3.
- 42.Ф. 1158. Первичная партийная организация ВКП(б) Белозерского районного отделения народного образования. Оп. 1. Д. 6, 7.
- 43.Ф. 1853. Вологодский губернский комитет ВКП(б). Оп. 4. Д. 62; Оп. 5. Д. 6, 88, 89; Оп. 6. Д. 47, 112; Оп. 7. Д. 6, 53, 85, 92, 128; Оп. 8. Д. 48, 91, 98, 199; Оп. 11. Д. 67; Оп. 12. Д. 97, 111, 152.
- 44.Ф. 1855. Вологодский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 69.

- 45.Ф. 1930. Череповецкий губернский комитет ВКП(б). Оп. 2. Д. 30; Оп. 4. Д. 8, 92; Оп. 5. Д. 64; Оп. 6. Д. 12, 62, 87, 93, 137, 155.
- 46.Ф. 1931. Череповецкий окружной комитет ВКП (б). Оп. 1. Д.4; Оп. 3. Д. 53; Оп. 4. Д. 22, 56.
- 47.Ф. 1996. Первичная партийная организация ВКП(б) Череповецкой районной советско-партийной школы имени К. Цеткин. Оп. 1. Д. 18, 30, 82.
- 48.Ф. 2094. Ячейка ВКП(б) Череповецкого губернского отдела народного образования. Оп. 1. Д. 8.
- 49.Ф. 2373. Череповецкий губернский комитет ВЛКСМ. Оп. 6. Д. 7.
- 50.Ф. 4072. Вологодская советско-партийная школа. Оп. 1. Д. 1, 3.

Государственный архив Вологодской области (ГАВО)

- 51.Ф. 53. Отдел управления Вологодского губисполкома. Оп. 1. Д. 35, 37.
- 52.Ф. 81. Вологодский практический институт народного образования. Оп. 1. Д. 8, 113, 148, 161, 163.
- 53.Ф. 111. Вологодский губернский отдел народного образования. Оп. 1. Д. 3, 4, 8, 45, 50, 52, 55, 63, 92, 94, 101, 106, 112, 120, 192, 234, 422, 522, 534, 567, 582, 612, 619, 652, 692, 732, 770, 771, 778, 833, 899, 976.
- 54.Ф. 165. Вологодский молочный институт. Оп. 1. Д. 128, 167, 173, 189.
- 55.Ф. 143. Вологодское губернское статистическое бюро. Оп. 1. Д. 673, 722.
- 56.Ф. 201. Вологодский губернский отдел рабоче-крестьянской инспекции. Оп. 1. Д. 107, 482, 483, 492, 501, 505, 516, 584, 664, 1129.
- 57.Ф. 266. Вологодский губернский отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 1, 5, 10, 46, 64, 88, 125, 135, 215, 225, 248, 266, 277, 324, 372, 428, 514.
- 58.Ф. 294. Вологодский губернский совет профессиональных союзов. Оп. 1. Д. 162, 479, 1003.
- 59.Ф. 308. Вологодский губернский совет Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность». Оп. 1. Д. 14, 15.
60. Ф. 412. Вологодский губернский административный отдел. Оп. 1. Д. 23.
- 61.Ф. 449. Тотемское реальное училище. Оп. 1. Д. 136.

62. Ф. 451. Вологодский учительский институт. Оп. 1. Д. 3.
63. Ф. 453. Вологодская мужская гимназия. Оп. 1. Д. 722, 1352.
- 64.Ф. 530. Вологодский участковый комитет профессионального союза рабочих железнодорожного транспорта. Оп. 1. Д. 2. Д. 123, 232, 324, 562.
- 65.Ф. 585. Исполнительный комитет Вологодского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов. Оп. 1. Д. 238, 507, 575, 678; Оп. 2. Д. 117, 333.
- 66.Ф. 601. Рабочий факультет при Вологодском сельскохозяйственном институте. Оп. 1. Д. 53, 58, 69, 84, 92.
- 67.Ф. 893. Вологодское губернское отделение по делам литературы и издательств. Оп. 1. Д. 10.
- 68.Ф. 1100. Череповецкое Александровское техническое училище. Оп. 1. Д. 92, 93.
- 69.Ф. 1455. Исполнительный комитет Тотемского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 72.
- 70.Ф. 2201. Исполнительный комитет Кирилловского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 53; Оп. 3. Д. 51, 58.
- 71.Ф. 2227. Исполнительный комитет Вытегорского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 29, 99.
- 72.Ф. 2038. Вологодский областной краеведческий музей. Оп. 1. Д. 3, 7.
- 73.Ф. 4389. Вологодское общество изучения Северного края. Оп. 1. Д. 2, 26.

**Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук
(СПбФ АРАН)**

- 74.Ф. Ф.796. Гревс Иван Михайлович. Оп.1. Д. 198, 200, 205;
- 75.Ф. 1049. Равдоникас Вячеслав Иосифович. Оп. 2. Д. 3,77, 80, 81.

Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД)

- 76.Ф. 1. Исполнительный комитет Череповецкого губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 39, 52; Оп. 2. Д. 3.

- 77.Ф. 2. Исполнительный комитет Череповецкого окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 4. Д. 1, 2, 3, 7; Оп. 6. Д. 3.
- 78.Ф. 3. Исполнительный комитет Череповецкого уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 2. Д. 3, 4.
- 79.Ф. 7. Исполнительный комитет Череповецкого городского совета депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 4, 5, 8, 26, 39.
- 80.Ф. 18. Административный отдел Череповецкого губисполкома. Оп. 1. Д. 34, 37.
- 81.Ф. 20. Административный отдел Череповецкого окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 6.
- 82.Ф.244.Череповецкая губернская прокуратура. Оп.2. Д.14, 20.
- 83.Ф.246.Череповецкая окружная прокуратура. Оп.1. Д.3.
- 84.Ф. 288. Череповецкий губернский отдел профессионального союза рабочих химической промышленности. Оп. 1. Д. 67.
- 85.Ф. 305. Череповецкое окружное бюро профессиональных союзов. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 4, 5, 44.
- 86.Ф. 339. Череповецкое губернское отделение рабоче-крестьянской инспекции. Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 11.
- 87.Ф. 344. Череповецкое окружное отделение рабоче-крестьянской инспекции. Оп. 1. Д. 2, 3, 10.
- 88.Ф. 367. Череповецкий губернский совет народного хозяйства. Оп. 1. Д. 1, 3, 4.
- 89.Ф. 432. Череповецкое губернское статистическое бюро. Оп. 1. Д. 11.
- 90.Ф. 446. Череповецкое управление военно-срочных строительных работ по шлюзованию р. Шексна. Оп. 1. Д. 41, 46, 69, 74, 89, 92, 99.
- 91.Ф. 696. Череповецкий губернский отдел коммунального хозяйства. Оп. 1. Д. 4, 6.
- 92.Ф. 719. Череповецкий губернский отдел народного образования. Оп. 1. Д. 3, 4, 5; Оп. 2. Д. 3.

- 93.Ф. 755. Череповецкое педагогическое училище. Оп. 1. Д. 2, 4а, 7, 8.
- 94.Ф. 757. Череповецкий лесомеханический техникум. Оп. 1. Д. 11, 23, 29; Оп. 2. Д. 8.
- 95.Ф. 758. Череповецкий техникум животноводства и молочного хозяйства. Оп. 1. Д. 6, 13.
- 96.Ф. 778. Череповецкий губернский отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 2, 4, 6.
- 97.Ф. 807. Череповецкое губернское земельное управление. Оп. 1. Д. 4, 10.
- 98.Ф. 922. Череповецкий краеведческий музей. Оп. 1. Д. 6, 12, 13, 39.
- 99.Ф. 1233. Череповецкий губернский лесной отдел. Оп. 3. Д. 1.
100. Ф.2439. Федотов Павел Дмитриевич. Малечкинский общественный корреспондент, учитель и краевед (14.01.1906-11.10.2000). Оп.1. Д.1.

Череповецкое музейное объединение (ЧерМО)

101. Ф. 18. Фонды учреждений народного образования. Оп. 1. Д. 1.
102. Ф. 19. Фонды культурно-просветительских учреждений. Оп. 1. Д. 1.
103. Б/ф. Собрание А.М. Сафонова. Оп. 2. Д. 33, 50; Оп. 3. Д. 63.
104. Б/ф. Инв. н. ЧерМО 554, комплекс «Наша деревня» (Антипинская школа), 1924–1925 гг.; Инв. н. ЧерМО 690. Комплекс «СССР» Группа Г. 1924–1925 гг.

Периодическая печать

Газеты

105. Комсомольская правда (Москва). 1926
106. Правда (Москва). 1923.
107. Вологодская жизнь (Вологда). 1922 –1923.
108. Вологодский листок (Вологда). 1917-1918.
109. Вольный голос Севера (Вологда). 1917–1918.
110. Деревенский коммунар (Грязовец). 1918.
111. Земля и труд (Грязовец). 1918–1919.

- 112. Коммунист (Череповец). 1923–1929.
- 113. Красный север (Вологда). 1919–1929.

Журналы

- 114. Вестник просвещения (Москва). 1922–1929.
- 115. Вестник Вологодского губернского комитета (Вологда). 1921–1922.
- 116. Вестник Вологодского земства. 1901.
- 117. Вестник Новгородского земства. 1899–1901.
- 118. Инженерный труд (Москва) 1925–1929.
- 119. Красная молодежь (Москва). 1924–1925.
- 120. Красное студенчество (Москва). 1925–1929.
- 121. Красный перец (Москва). 1925–1926.
- 122. Крокодил. (Москва). 1924–1927.
- 123. Хозяйство Северо-Западного края (Ленинград). 1924–1927.

Мемуары и воспоминания

- 124. *Алпатов, М.А.* Возвращение в юность. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 207 с.
- 125. *Ветошкин, М.К.* Революция и гражданская война на Севере. – Вологда: Изд. Истпарта Вологодского губкома ВКП(б), 1927. – 213 с.
- 126. *Иваницкий Н.А.* Записки Иваницкого Николая Александровича // Север. 1923. Кн. 2. С.17-48.
- 127. И.В. Петрашень и его семья: страницы прошлого. СПб.: Издательство Музея-института семьи Рерихов, 2011. – 204 с.
- 128. *Кетлинская, В.К.* Здравствуй молодость! // Кетлинская В.К. Собр. соч.: в 4 тт. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1980. – Т. 4. – 534 с.
- 129. *Мельгунов, С.П.* Н.В. Чайковский на «Белом» фронте // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы / сост. В.И. Голдин. – Архангельск: Правда Севера, 1993. – Вып. 1. – С. 74–98.

130. *Павловцев, П.Л.* Полвека назад. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1968. – 192 с.
131. *Паскаль П.* Русский дневник 1916-1918. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. – 592 с.
132. *Романов, М. И.* По ухабам жизни: мемуары. Вельск: Вельти, 2006. – 164 с.
133. *Семенова-Тян-Шанская А.М.* Записки о пережитом. СПб.: Анатолия, 2013. – 340 с.
134. *Скворцов, В.А.* Мои впечатления о XX века. Часть I. До 1953 года. М.: Издательские решения, 2018. – 326 с.
135. *Чаплин, Г.Е.* Два переворота на Севере (1918 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы / сост. В.И. Голдин. – Архангельск: Правда Севера, 1993. – Вып. 1. – С. 45–73.
136. *Шаламов, В.Т.* Четвертая Вологда. – Вологда: Грифон, 1994. – 192 с.

Художественная литература

137. *Гумилевский, Л.И.* Без мандата // Гумилевский Л.И. Чужие крыши: Рассказы. 1914–1924 / сост. В.В. Носова. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 65–71.
138. *Замятин, Е.* Мученики науки // Антология сатиры и юмора России XX века. – М.: Эксмо, 2004. – Т. 28. – С. 153–164.
139. *Маяковский, В.В.* Студенту пролетариату // Маяковский В.В. Полн. собр. соч. в 13 тт. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 9. – С. 314.

II. Литература

Монографии

140. *Антошин, В.Н.* Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за создание советской народной интеллигенции. – М.: Знание, 1957. – 48 с.

141. *Алексеев, В.П.* Революция и научная интеллигенция. – М., 1987. – 270 с.
142. *Бейлин, А.В.* Кадры специалистов СССР: их формирование и рост. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. – 420 с.
143. *Бердинских, В.А.* Крестьянская цивилизация в России. – М.: АГРАФ, 2001. – 432 с.
144. *Бланк, А.С.* Победа Советов в Череповецкой губернии / А.С. Бланк, Н.В. Озеринин. – Вологда: Областное книжное издательство, 1957. – 56 с.
145. *Белова Н.А.* Повседневная жизнь учителей М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
146. *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 288 с.
147. *Булдаков, В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – Изд. 2-е, доп. – М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.
148. *Булдаков, В.П.* Утопия, агрессия власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.
149. *Бутягин, А.С.* Университетское образование в СССР. – М.: Издательство Московского университета, 1957. – 296 с.
150. *Веселов, В.Р.* Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. – Кострома: КГУ, 2001. – 185 с.
151. Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина. 100 лет: страницы истории. – Вологда–Молочное: ИЦ ВГМХА, 2012. – 291 с.
152. *Востриков, Н.И.* Третьего не дано! (О роли городских средних слоев в Октябрьской революции). – М.: Мысль, 1988. – 162 с.
153. *Георгиади, Я.Г.* Этапы развития профессионального объединения работников просвещения Кубани и Черноморья (1896–1924). – Краснодар: Кубано-Черноморское областное отделение Союза работников просвещения, 1924. – 116 с.

154. *Гербач, В.В.* КПСС – организатор сотрудничества рабочего класса и старой интеллигенции. – М.: МГУ, 1980. – 124 с.
155. *Гимпельсон, Е.Г.* Советские управленцы. 1917–1920 гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 258 с.
156. *Главацкий, М.Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 105 с.
157. *Голдин, В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии. – Архангельск: Боргес, 2000. – 280 с.
158. *Горовой, Е.Е.* Северо-Двинский государственный университет. Записки об организации и деятельности. – Великий Устюг: Северо-Двинское отделение Госиздата, 1921. – 56 с.
159. *Губарева, В.М.* Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России. – Л.: ЛГУ, 1982. – 134 с.
160. *Гуркина, Н.К.* Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX века. – СПб: Нестор, 1998. – 218 с.
161. *Давыдов, Ю.Н.* Эстетика нигилизма: (искусство и «новые левые»). – М.: Искусство, 1975. – 271 с.
162. *Данилов, А.А.* Интеллигенция провинции в истории культуры России / А.А. Данилов, В.С. Меметов. – Иваново: ИвГУ, 1997. – 175 с.
163. *Данилов, В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. – М.: РОССПЭН, 2011. – Ч. 1. – 863 с.
164. *Еремеева А.Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практика выживания российских ученых в годы Гражданской войны. – Краснодар: Патонов И., 2017–208 с.
165. *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. – М.: Наука, 1966. – 374 с.
166. *Дацук, Г.* Проблема квалифицированных кадров народного хозяйства. – М.: Гострудиздат, 1930. – 96 с.
167. *Дьяков, Ю.Л.* Протестные движения в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и

- организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК – ОГПУ / Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева. – М.: Прометей, 2012. – 332 с.
168. *Жиromская, В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. – М.: Наука, 1988. – 168 с.
169. *Злобина, В.М.* Партийное руководство профессионально-техническим образованием в СССР (1921–1925). – М.: МГУ, 1968. – 119 с.
170. *Золотарев, С.А.* Четыре смены молодежи (1905–1925): из наблюдений педагога. – Л., 1925. – 163 с.
171. *Зубков, И.В.* Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальны[х] училищ. 1870–1916. – М.: Новый хронограф, 2010. – 528 с.
172. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 1930-х гг. / отв. ред. В.М. Селунская. – М.: Мысль, 1979. – 343 с.
173. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 г.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, Институт социологии РАН, 1996. – 349 с.
174. *Ильинский, Н.В.* Вологодский край: естественно-географический очерк Вологодской губернии. – Вологда: Типография Северосоюза, 1923. – 46 с.
175. *Ильюхов, А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). – М.: РОССПЭН, 2007. – 264 с.
176. *Инихин, Г.С.* Записка о Вологодском молочно-хозяйственном институте. – Вологда: Типография Северосоюза, 1919. – 40 с.
177. Историки спорят: тринадцать бесед / ред. В.С. Лельчук. – М.: Политиздат, 1988. – 508 с.
178. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОСПЭН, 2004. 744 с.

179. *Кабанов, П.И.* История культурной революции в СССР: краткий очерк. – М.: Высшая школа, 1971. – 271 с.
180. *Карнов, А.В.* Русский Пролеткульт: идеология, эстетика, практика. – СПб.: СПбГУП, 2009. – 260 с.
181. *Казакин И.Е.* Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция после октябрьское десятилетие. Волгоград: ВолГУ, 2001. 265 с.
182. *Карнов, Г.Г.* Партия и культурная революция в СССР. – М.: Политиздат, 1957. – 72 с.
183. *Катунцева, Н.М.* Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. – М.: Мысль, 1977. – 205 с.
184. *Ким, М.П.* 40 лет советской культуры. – М.: Политиздат, 1957. – 388 с.
185. *Клицаков, И.А.* Учительство: трудная судьба. 1917–1937 гг. – Луганск: Днипро, 1993. – 187 с.
186. *Коновалов, Н.* Вологодский педагогический институт: материалы к отчету за 1921–1922 учебный год. – Вологда: Областное отделение Государственного издательства, 1922. – 54 с.
187. *Кортаев, В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. – Архангельск: ПГУ, 1998. – 123 с.
188. КПСС во главе культурной революции в СССР / под ред. С.А. Андропова, А.И. Титова. – М.: Политиздат, 1972. – 376 с.
189. *Крылов, М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
190. *Крыштановская, О.В.* Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. – М.: Наука, 1989. – 140 с.
191. *Куреньшев, А.А.* Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922-1950-е гг. – М.: РОССПЭН, 2017. – 238 с.
192. Культурное строительство в Вологодской области: сб. ст. – Вологда: Вологодское книжное издательство, 1958. – 159 с.

193. Краткий курс ВКП(б). Текст и его история: В 2ч. .– М.: РОССПЭН, 2014. – 1.Ч. – 791 с.
194. *Лебина, Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
195. *Лейкина-Свирская, В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
196. *Лившин, А.Я.* Орлов И.Б. Власть и общество. Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
197. *Лутченко, А.И.* Создание инженерных кадров в годы построения социализма в СССР. 1926–1958 гг. – Минск: Высшая школа, 1973. – 236 с.
198. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / под ред. С.А. Красильникова. – Изд. 2-е. – Новосибирск: Сова, 2007. – 456 с.
199. *Марков, А.Р.* Что значит быть студентом. Работы 1995–2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 264 с.
200. *Мунин, А.Н.* Север и художники. – Вологда: Вологодское книжное издательство, 1964. – 168 с.
201. *Мурин, В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. 158 с.
202. *Никулин, В.В.* Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование. СПб, Нестор, 1997. – 194 с.
203. *Новикова, Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция». Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
204. *Овчаров, В.К.* К истории высшего медицинского образования в СССР. – М.: Издательство АМН СССР, 1957. – 125 с.

205. *Орлов, И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2010. – 317 с.
206. *Оссовский, Е.Г.* Развитие теории профессионально-технического образования в СССР (1917–1940). – М.: Высшая школа, 1980. – 287 с.
207. Очерки по истории Вологодской организации КПСС (1895–1969) / под ред. Н.В. Лебедева, В.А. Дмитриева, П.А. Зиновьева и др. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1969. – 688 с.
208. *Пашин, В.П.* Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко. – М.: Государственная академия сферы быта и услуг, 1998. – 225 с.
209. *Петровский, Д.А.* В борьбе за новые технические кадры. – Л.: Гостехиздат, 1930. – 33 с.
210. *Пирожков, В.Ф.* Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. – Тверь: Приз, 1994. – 323 с.
211. *Постников Е.С.* Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921–1927). Тверь: ТГУ, 1996. – 188 с.
212. *Постников, С.П.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С.П. Постников, М.А. Фельдман. – М.: РОССПЭН, 2009. – 367 с.
213. Природа ребенка в зеркале автобиографии / под ред. Б.М. Бим-Бада, О.Е. Кошелевой. – М.: УРАО, 1998. – 432 с.
214. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В.С. Меметова. – Иваново: ИвГУ, 2008. – 431 с.
215. Профессионально-техническое образование в России. – М.: Госиздат, 1922. – 100 с.
216. *Решетова А.Н.* Интеллигенция дона и революция. 1917 – первая половина 1920-х годов. М.: МОНФ, 1997. 207 с.

217. *Рожков, А.Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.
218. *Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская.* – М.: Наука, 2000. – 423 с.
219. *Рыженко, В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург–Омск: ОмГУ, 2003. – 370 с.
220. *Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. . – 4448 с.
221. *Сафразьян, Н.Л.* Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927). – М.: МГУ, 1977. – 158 с.
222. *Силин, Б.И.* Коммунистическая партия – организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928–1937 гг.) / Б.И. Силин, В.С. Волков и др. – Л.: ЛГУ, 1973. – 251 с.
223. *Синявский, А.Д.* Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
224. *Смирнов, Н.Н.* На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. – СПб.: Наука, 1994. – 410 с.
225. *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России стратегия выживания и интеграции, 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. – 296 с.
226. *Советская интеллигенция: история формирования и роста. (1917–1965 гг.) / С.А. Федюкин, Н.М. Катунцева и др.* – М.: Мысль, 1968. – 432 с.
227. *Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917–1975).* – М.: Политиздат, 1977. – 318 с.
228. *Соколов, А.В.* Поколения русской интеллигенции. – СПб.: СПбГУП, 2009. – 672 с.

229. *Соловьянова, М.В.* Становление советской медицинской интеллигенции: 1917–1928 гг. (на материалах Курской губернии). – Курск: КГТУ, 2009. – 171 с.
230. *Соскин, В.Л.* В ракурсе личной судьбы: материалы по истории советской интеллигенции (1920–1950-е годы). – Новосибирск: НГУ, 2013. – 180 с.
231. *Судакова, О.М.* Культурное строительство на Севере за 50 лет Советской власти. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1967. – 15 с.
232. *Телицын, В.Л.* «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. – М: РГГУ, 2002. – 338 с.
233. *Тепикин, В.В.* Культура и интеллигенция. – Иваново: ИвГУ, 2006. – 76 с.
234. *Тропов, И.А.* Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). – СПб.: ГУАП, 2011. – 500 с.
235. *Турупанов, Н.Л.* Дело, выбранное сердцем. Очерки из истории медицины Вологодского края. – Вологда: Б.и., 1993. – 175 с.
236. *Украинцев, В.В.* КПСС – организатор революционных преобразований в высшей школе. – М.: Высшая школа, 1963. – 298 с.
237. *Упадышев, Н.В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. – Архангельск: ПГУ, 2004. – 210 с.
238. *Успенский, М.И.* По учебным заведениям Вологодской губернии (из заметок окружного инспектора). – Пг.: Сенатская типография, 1915. – 68 с.
239. *Ушаков, А.В.* Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2011. – 288 с.
240. *Федотов, Г.П.* Судьба и грехи России: в 2 тт. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – 350 с.
241. *Федюкин, С.А.* Советская власть и буржуазные специалисты. – М.: Мысль, 1965. – 255 с.

242. *Федюкин, С.А.* Партия и интеллигенция. – М.: Политиздат, 1983. – 238 с.
243. *Ханталин, Р.А.* Невольники и бонзы: документальные очерки. – Архангельск: Архангельская областная организация Союза писателей, 1999. – 96 с.
244. *Чанбарисов, Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. – М.: Высшая школа, 1988. – 255 с
245. *Чернолуский В.И.* Земство и народное образование. СПб.: Знание, 1910. 186 с.
246. *Чуйкина, С.А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – 259 с.
247. *Чуткерашвили, Е.В.* Кадры для науки. – М.: Высшая школа, 1968. – 357 с.
248. *Шарапов, Ю.П.* Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры. Размышления историка. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 368 с.
249. *Шубин, С.И.* Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. – Архангельск: ПГУ, 2000. – 463 с.
250. *Яров, С.В.* Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. – 430 с.
251. *Яров, С.В.* Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. – М.: РОССПЭН, 2014. – 375 с.

Статьи

252. *Андреюк, Г.П.* Некоторые вопросы выдвиженчества в советской исторической литературе // Роль интеллигенции в построении и

дальнейшем развитии социалистического общества в СССР. – Л.: ЛГПИ, 1978. – С. 44–81.

253. *Андреев, Д.А.* Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 494–522.
254. *Балашов, Е.М.* Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // Расписание перемен... – С. 435–493.
255. *Белышев, И.С.* Формирование интеллигенции в вузах и техникумах в 1917–1928 гг. / И.С. Белышев, А.С. Кузьмичев // Интеллигенция в политической истории XX века... – Иваново, 1992. – С. 43–45.
256. *Бернстийн Фрэнсис* Представления о здоровье в революционной России: гендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы / /Визуальная антропология: режимы видимости при социализме – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С.215-244.
257. *Блинчиков, Г.Н.* Здравоохранение // Череповецкий округ. Краеведческая справочная книга для учительства. – Череповец: ОкрОНО, 1929. – С. 302–311.
258. *Боннелл, Виктория* Иконография рабочего в советском политическом искусстве / /Визуальная антропология: режимы видимости при социализме – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С.183-214.
259. *Будник, Г.А.* Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. – 2009. – № 3. – С. 7–18.
260. *Веревкина, Г.А.* Создание и деятельность Вельского отдела ВОИСК в 1920-е годы // Важский край в истории России: прошлое и настоящее (Ломоносов и Русский Север): материалы научно-практической конференции. – Верховажье, 2001. – С. 38–41.

261. *Веселов, В.Р.* Материалы научной конференций интеллигентоведов как факт отечественной историографии (опыт критического послесловия) // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Межвуз. республ. сб. научных трудов. – Иваново, 1996. – С. 15–29.
262. *Волин, Б.* Интеллигенция советского народа. // Об интеллигенции... – С. 39–57.
263. *Волков, В.С.* Главная закономерность процесса формирования советской интеллигенции // Интеллигенция, провинция, отечество... – Иваново, 1996. – С. 9–11.
264. *Волков, Д.А.* Некоторые взгляды лидеров большевистской партии на интеллигенцию // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. – Иваново, 1995. – Т. 2. – С. 290–291.
265. *Голдин, В.И.* Подготовка кадров социалистической интеллигенции в Северном крае (1928–1937 гг.) // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти: сб. ст. – Вологда: ВГПИ, 1985. – С. 119–131.
266. *Гуревич, С.Г.* Владимир Ильич, студенчество и рабочая молодежь // Красный студент. – 1924. – № 2. – С. 17–21.
267. *Данилов А. Г.* К вопросу о роли провинциальной интеллигенции в формировании гражданского общества (на примере Дона, Кубани и Ставрополья в конце XIX века) // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: Б.и., 2000. С.121–125.
268. Деятельность учреждений народного просвещения // Жизнь города. – 1922. – № 1. – С. 17–19.
269. *Егоров, А.Н.* Оформление кадетской организации в Вологодской губернии в 1917 году (март – сентябрь) // История и культура Вологодского края. III краеведческая научно-практическая конференция: тезисы докладов. – Вологда, 1990. – С. 44–49.

270. *Зак, Л.М.* История культурного строительства в СССР в советской историографии (1956–1963) // Вопросы истории. – 1964. – № 2. – С. 3–21.
271. *Зак, Л.М.* Проблемы формирования советской интеллигенции в современной исторической литературе // История СССР 1968. – № 2. – С. 39–50.
272. *Золотова Б.Е.* Роль императорского технического общества в становлении и развитии профессионального образования в России в середине XIX– начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2008 №3. С.15-18.
273. *Золотарев, О.В.* Интеллигенция советской России в нэповские годы // Интеллигенция и мир. – 2011. – № 4. – С. 31–45.
274. *Золотарев, О.В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. – 2012. – №. 4. – С. 44–56.
275. *Зубарев, В.М.* Череповецкий институт народного образования // Очерки по истории народного образования в Череповце. – Л.: ЛГПИ, 1970. – Вып. 1. – С. 90–93.
276. *Зырянин Я.С.* Сельское хозяйство / Я.С. Зырянин, И.Т. Федоров // Череповецкий округ... – С. 100–198.
277. *Иванов, А.* «Смена Вех», как знамение времени // Вестник Вологодского губернского комитета. – 1922. – № 10. – С. 14–24.
278. *Иванов, Е.А.* Между рефлексией и действием: высшая школа и наука перед лицом Революции // Российская революция 1917 года: власть общества культура: 2Т.– М.: РОССПЭН, 2017. – 2.Т. – С. 455–465.
279. *Иванова, Н.А.* Российское общество накануне и в годы революции //Российская революция 1917 года: власть общества культура: 2Т.– М.: РОССПЭН, 2017. – 1.Т. – С. 146–224.
280. *Иванчиков, В.* Смена. К генеалогии русского студенчества // Пролетарское студенчество. – 1922. – № 1. – С. 45–49.
281. *Калашикова, Н.В.* Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков // Европейский Север в судьбе России:

- общее и особенное исторического процесса. Материалы научной конференции. – Вологда, 2005. – С. 115–121.
282. *Кафтанов, С.Ф.* О советской интеллигенции. // Об интеллигенции... – С. 58–75.
283. *Квакин, А.В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов: межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново, 1995. – С. 4–10.
284. *Котлова, Т.Б.* К вопросу о теоретических основах политики по отношению к инженерам и техникам // Интеллигенция в политической истории XX века... – Иваново, 1992. – С. 120–121.
285. *Кочетов, П.* Вологодская ссылка 1907–1910 гг. // Каторга и ссылка. – 1932. № 4. – С. 77–101.
286. *Красильников, С.А.* Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. – Новосибирск, 1990. – С. 169–180.
287. *Красильников, С.А.* Советская интеллигенция: новые подходы и оценки // Проблемы методологии истории интеллигенции... – Иваново, 1995. – С. 21–28.
288. *Кривопалова, Н.Ю.* Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии // Интеллигенция и мир. – 2008. – № 2. – С. 27–49.
289. *Куманев, В.А.* Некоторые вопросы историографии культурной революции в СССР // Вопросы истории. – 1967. – № 12. – С. 96–108.
290. *Купцова, И.В.* Художественная интеллигенция и массовая культура: творчество в экстремальных условиях // Российская революция 1917 года: власть общества культура: 2Т.– М.: РОССПЭН, 2017. – 2.Т. – С. 466–483.
291. *Лебедев В.М.* Череповецкая учительская семинария (1875–1919 гг.) / В.М. Лебедев, В.С. Тяпунов, З.Л. Карачаева // Очерки по истории народного образования в Череповце... – С. 77–88.

292. *Леонтьева, Е.В.* Роль И.А. Милютина в развитии женского образования // Милютинские чтения. Череповец: прошлое, настоящее, будущее. – Череповец, 2004. – С.16–20.
293. *Лунпол, И.* Интеллигенция и революция // Новый мир. – 1939. – № 7. – С. 171–182.
294. *Люттов, Л.Н.* Неэффективность промышленности в условиях НЭПа // Вопросы истории. – 2000. – № 4-5. – С. 106–110.
295. *Малахов, Р.А.* Документы съездов советов Вологодской губернии как источники для изучения провинциального чиновничества 1918–1920-х гг. // Историческое краеведение и архивы. Материалы научно-практической конференции. – Вологда, 2000. – Вып. 6. – С. 96–100.
296. *Мельчин, А.* Александр Масленников // Когда им было двадцать. – М.: Политиздат, 1982. – С. 36–60.
297. *Меметов, В.С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения», как самостоятельной отрасли научного знания // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции... – Иваново, 1996. – С. 3–14.
298. *Меметов, В.С.* Интеллигенция в формулировке диссертационных исследований (1954–1994) / В.С. Меметов, О.Ю., Олейник, И.И. Олейник // Интеллигенция, провинция, отечество... – Иваново, 1996. – С. 41–42.
299. *Меметов, В.С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в российской историографии // Интеллигенция и мир. – 2008. – № 2. – С. 7–25.
300. *Миловидов, В.Л.* Российская интеллигенция: взгляд сквозь годы / В.Л. Миловидов, С.Б. Косарев // Вестник Костромского университета. – 1997. – № 3. – С. 32–34.
301. *Николаева, М.Ф.* Динамика образа врага в советском плакате (1917–1941) и модели идентификации советского человека // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. – Вып. 39. – С. 372–386.

302. *Новоселов, В.И.* Вологодская ссылка А.А. Богданова // Вестник Международного института А. Богданова. – М., 2004. – С. 10–19.
303. *Осташко, Т.Н.* Проблема «интеллигенция и власть» в исторической литературе // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии... – Иваново, 1995. – Т. 1. – С. 76–77.
304. *Панов, Л.С.* Вологда весны и лета 1918 года глазами английских журналистов // Вологда: историко-краеведческий альманах. – Вологда: Легия, 2003. – Вып. 4. – С. 95–109.
305. *Панов, Л.С.* Материалы общественного деятеля и краеведа В.Н. Трапезникова (1874–1937) в архивах Вологды и Перми // Историческое краеведение и архивы. Материалы научно-практической конференции. – Вологда, 2004. – Вып. 10. – С. 120–129.
306. *Панкратов, А.В.* Творчество и проблемы формирования интеллигенции как социокультурного слоя // Российская интеллигенция: история и судьбы... – Ставрополь, 1998. – С. 5–9.
307. *Перебинос, Ю.А.* Выдвиженчество в органы власти на рубеже 1920–1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Историческое краеведение и архивы. Материалы научно-практической конференции. – Вологда, 2002. – Вып. 8. – С. 104–113.
308. *Петрова, И.А.* Укрепление большевистской организации и борьба трудящихся масс Череповецкой губернии за упрочение Советской власти (1917–1919 гг.) // Из истории трудящихся Европейского Севера против самодержавия и капитализма за победу социалистической революции. – Вологда: ВГПИ, 1972. – С. 3–21.
309. *Пыстина, Л.И.* Льготы и привилегии интеллигенции в Советской России в 1920-е годы (проблемы изучения) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 2. – С. 31–34.
310. *Риммер Э.П.* Проблемы «русского Оксфорда» в Череповце // Дело и Река. Череповец, 1998. С.58-62.

311. *Риммер, Э.П.* Особый тип культурного деятеля: из истории череповецкого краеведения в послереволюционные годы // Историческое краеведение и архивы. Материалы научно-практической конференции. – Вологда, 1999. – Вып. 5. – С. 47–58.
312. *Рогов, П.* Наша общественность // Красная молодежь. – 1924. – № 3-4. – С. 162–163.
313. *Романов, П.В.* Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917–1930-е годы / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова // Социальная история. Ежегодник. 2009. – СПб: Алетейя, 2010. – С. 275–295.
314. *Руткевич, М.Н.* О понятии интеллигенции как социального строя социалистического общества // Философские науки. – 1966. – № 4. – С. 7–25.
315. *Рыжковский, В.В.* Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальной мобилизации // Расписание перемен... – С. 682–774.
316. *Сальников В. И.* Провинциальная интеллигенция в процессах социальной трансформации: поиски методологии исследования // Интеллигенция и мир – 2004. – №1/2. – С.18-22.
317. *Серов, И.* Вологодская ссылка // Вестник знания. – 1909. – № 8. – С. 228–231.
318. *Слезин, А.А.* «Легкая кавалерия» комсомола в системе политического контроля // Вопросы истории. – 2001. – № 11-12. – С. 131–136.
319. *Смирнов, И.* Кадры Северного края // Большевицкая мысль. – 1931. – № 10-11. – С. 53–62.
320. *Солодянкина О.Ю.* Провинциальное сообщество в деятельности обществ взаимного вспоможения и вспомоществования (Череповец и Вологда на рубеже XIX–XX вв.) // Милютинские чтения. Социально-экономическое и культурное развитие России во второй половине XIX – начале XXI в. Череповец, 2015. – С.22–23.

321. *Солодянкина, О.Ю., Трошина А.В.* Деятельность Александровского технического училища во второй половине XIX – начало XX века // *Элементы жизнеустройства российского города второй половины XIX – конца XX в.: механизмы власти, политические и экономические структуры, общественные объединения, конфессиональная организация, социальная, образовательная, культурная среда.* – Череповец, 2018. С.71-92.
322. *Соскин, В.Л.* К новой концепции истории советской интеллигенции // *Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии...* – Иваново, 1995. – Т. 1. – С. 19–21.
323. *Соскин, В.Л.* Научная интеллигенция Сибири накануне революции // *Кадры науки советской Сибири.* – Новосибирск, 1991. – С. 19–39.
324. *Соскин, В.Л.* Организация изучения истории советской интеллигенции на современном этапе // *Интеллигенция, провинция, отечество...* – Иваново, 1996. – С. 21–22.
325. *Спирина, Д.В.* Научно-археологические исследования Н.А. Черницына // *Тотьма: краеведческий альманах.* – Вологда: Русь, 1997. – Вып. 2. – С. 5–16.
326. *Труханович, Т.Ю.* О применении «классового подхода» в советской системе образования во второй половине 1920-х годов: (по документам Череповецкого центра хранения документации) // *Историческое краеведение и архивы...* – Вологда, 2002. – Вып. 8. – С. 74–78.
327. *Федюкин, С.А.* Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // *Вопросы истории.* – 1980. – № 9. – С. 17–31.
328. *Чистов, Д.Л.* Политическая борьба в Вологде в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 г. – май 1918 г.) // *Управление и экономика в условиях модернизации: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции.* – Вологда: Легия, 2012. – С. 262–273.
329. *Шмидт, С.О.* Начальный этап «биографии» слова «интеллигенция» // *Преподавание истории в школе.* – 2000. – № 8. – С. 15–19.

330. *Шпрыгов, А.П.* Из истории политической гибели непролетарских партий на Европейском Севере РСФСР (1921–1925 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы общественно-политической истории XIX–XX вв. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1991. – С. 72–81.
331. *Ярославский, Е.М.* О старой и новой интеллигенции // Об интеллигенции... – С. 26–38.

Работы зарубежных исследователей

332. *Байрау, Д.* Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 122–134.
333. *Берто, Д.* Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей: Россия XX век: Биография семей как объект социологического исследования. М: Институт социологии РАН, 1996. . – С.207–239.
334. *Боффа, Д.* История Советского Союза: в 2-х тт.: [пер. с англ.]. – М.: Международные отношения, 1994. – Т. 1. – 628 с.
335. *Вихавайнен, Т.* Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции СПб.: Коло, 2004. – 416 с.
336. *Карр, Э.Х.* Русская революция от Ленина до Сталина (1917–1929): [пер. с англ.]. – М.: Интер-Версо, 1990. – 206 с.
337. *Пирани, С.* Русская революция в отступлении: [пер. с англ.]. – М.: Новый хронограф, 2013. – 480 с.
338. *Стайтс, Р.* Сцена и суд в российской революции // Страницы истории: сб. науч. ст. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2008. – С. 451–459.
339. *Фицпатрик, Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 20-х годов // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 16–31.
340. *Холмс, Л.* Социальная история России: 1917–1941.: [пер. с англ.]. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1994. – 140 с.

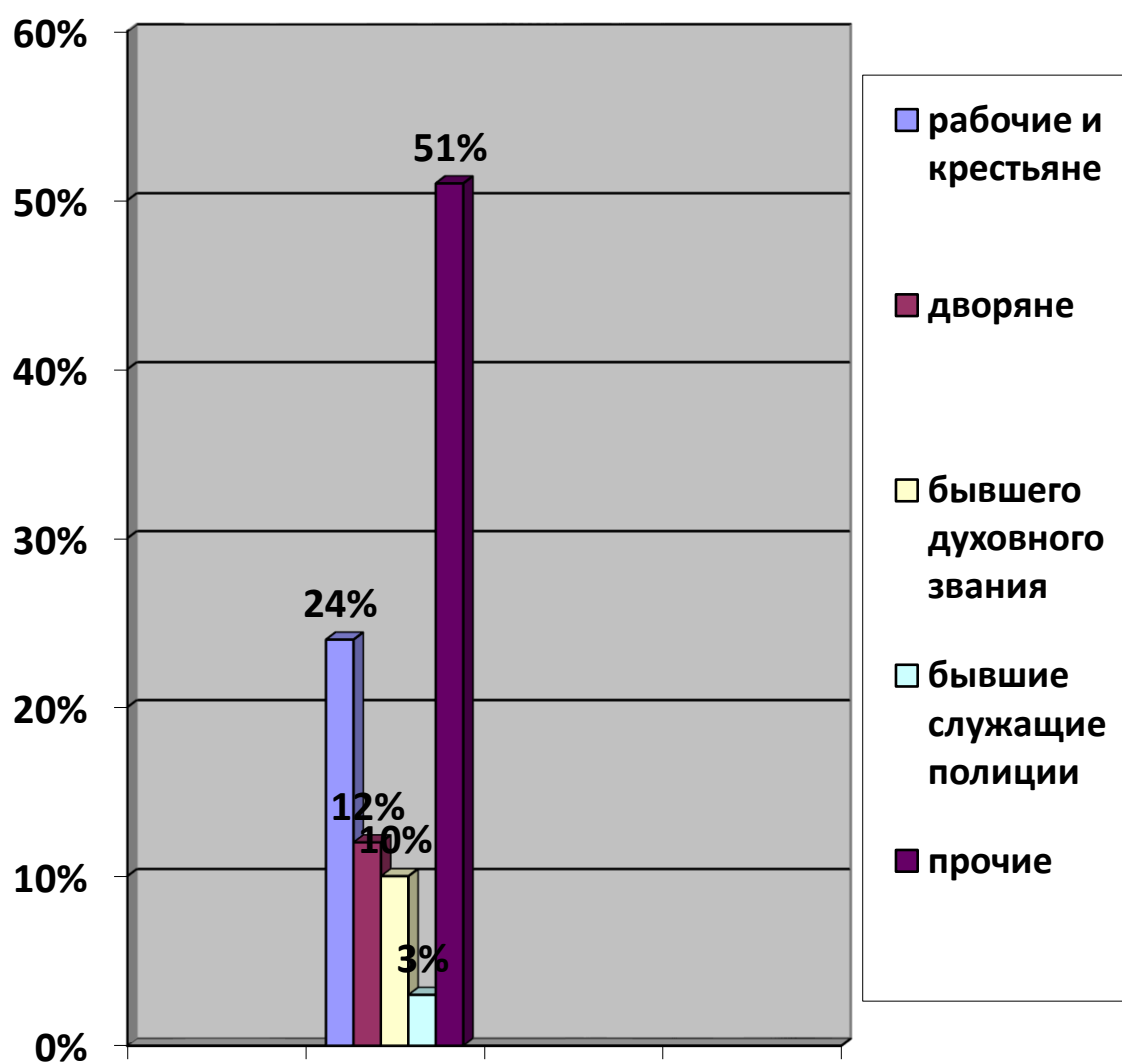
Диссертации и авторефераты

341. *Балашов, Е.М.* Становление системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 (на материалах Петрограда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1992. – 21 с.
342. *Бандура С.В.* Интеллигенция в Коми края в XIX – начале XX.: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, – 2007 – 240 с.
343. *Васильева, В.И.* Интеллигенция малых городов России как социокультурный феномен: конец XIX – первая треть XX вв. (на материалах города Рыбинска). Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010. – 308 с.
344. *Воротникова, Н.С.* Исторический опыт начального образования в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск, 2013. – 24 с.
345. *Ермушин, М.В.* Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2001. – 182 с.
346. *Котлова, Т.Б.* Партийно-государственная политика по отношению к технической интеллигенции в годы индустриализации: проблемы подготовки и использования. 1923–1936 (на материалах Ивановской промышленной области). Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1991. – 194 с.
347. *Красильников, С.А.* Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 30-х гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 44 с.
348. *Силин, А.В.* Учителство Европейского Севера в годы российской революции и гражданской войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск, 2000. – 23 с.
349. *Соколова, Ф.Х.* Интеллигенция Европейского Севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1917–1930-е гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. – Архангельск, 2005. – 632 с.

Приложения

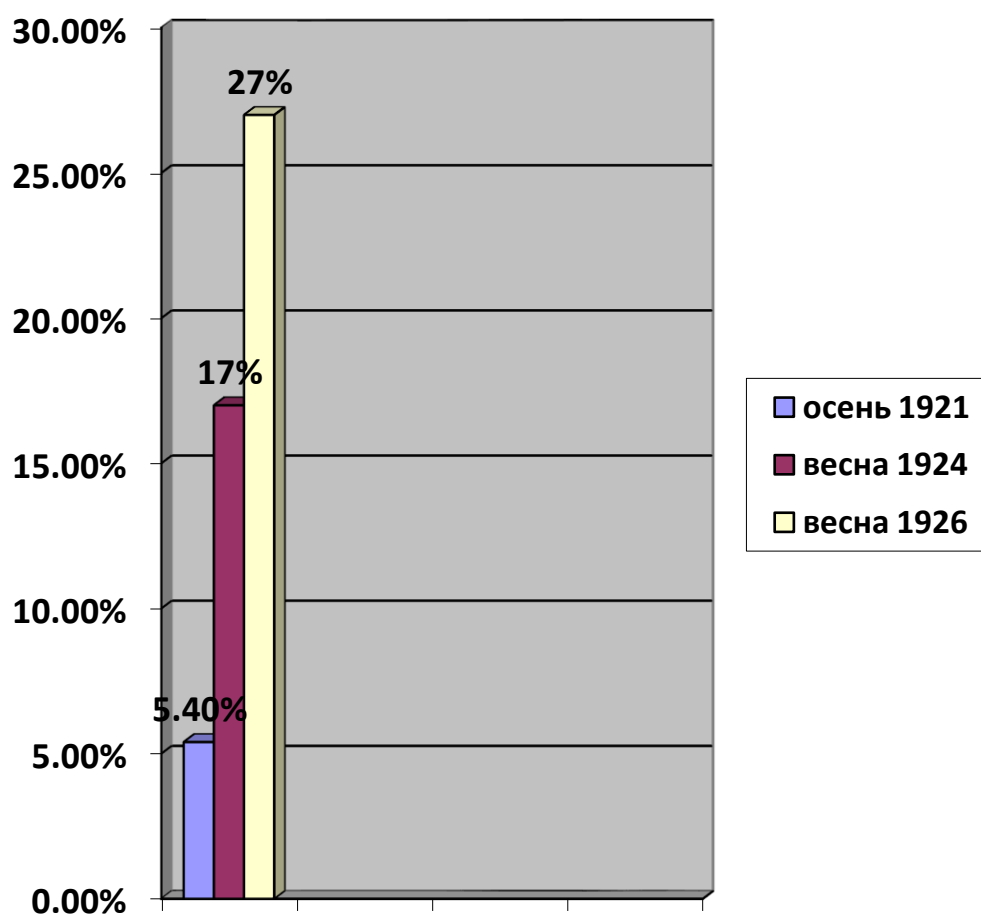
Приложение 1

Социальный состав служащих Вологодского губернского суда в 1924 г.

Составлено по: ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 664. Л. 26.

**Сведения о заработной плате инженерно-технических работников
в 1921–1926 гг.**

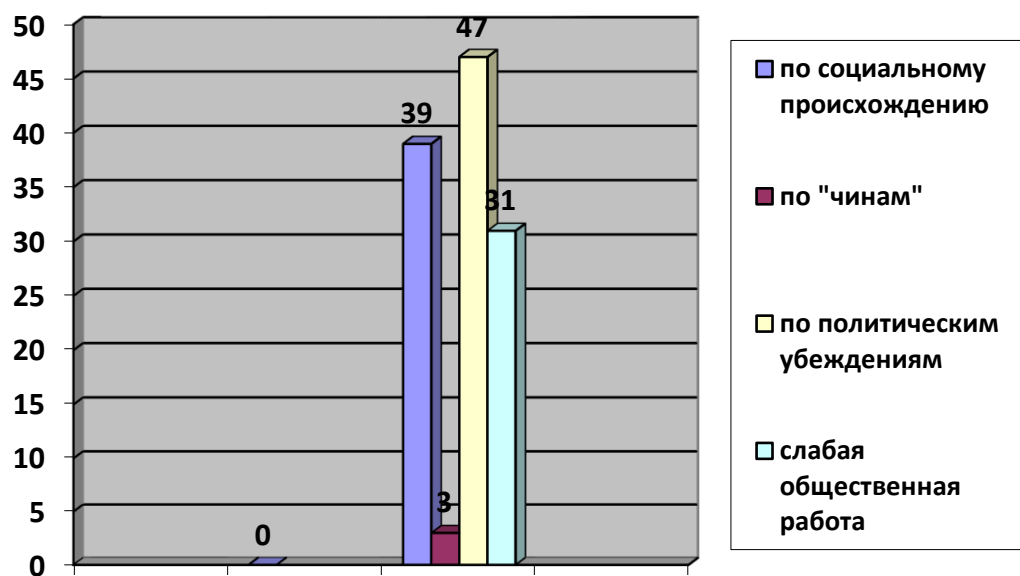
Составлено по: Стенографический отчет I Всероссийского съезда инженеров членов профсоюза. М., 1922. С. 172. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 201. Л. 15; Д. 294. Л. 22; Д. 405. Л. 37.

Сведения о количестве работающих врачей в городах и уездах Вологодской губернии за период 1918-1926 гг.

Город / уезд	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Вологда	52	26	26	35	44	30	41	41	50
Вологодский уезд	6	7	7	7	7	11	13	21	27
Грязовец	2	5	5	5	5	3	3	3	3
Грязовецкий уезд	3	1	3	3	3	5	5	5	5
Кадников	1	1	3	2	2	3	4	3	2
Кадниковский уезд	3	3	2	2	2	4	6	5	9
Вельск	2	1	4	4	5	5	4	3	4
Вельский уезд	2	3	1	1	2	3	3	4	3
Тотьма	2	2	6	6	6	6	6	6	7
Тотемский уезд	3	2	2	2	3	3	3	3	1
Каргополь	2	2	3	3	4	4	3	4	4
Каргопольский уезд	3	3	5	3	1	1	2	1	4
Итого по губернии	81	56	67	73	84	78	93	99	119

Составлено по: ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 701. Л. 10.

**Сведения о распределении контингента намеченных к увольнению учителей
Череповецкого округа в 1928 г. по категориям**

Составлено по: ЧЦХД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2. Л. 68.

**Сведения о преподавательском составе Вологодского молочно-хозяйственного института
(ВМХИ) и Вологодского практического института (ВПИ)**

в 1923/1924 учебном году

Учебное заведение		Кол-во преподавателей, чел.	Распределение преподавательского состава									
			педагогический стаж, лет				возраст, лет			образование		
			< 3	3-7	7-10	> 10	25-30	30-40	> 40	высшее	среднее	низшее
ВМХИ		43	7	6	4	26	8	18	17	34	7	2
ВПИ		50	2	10	16	22	6	12	32	41	8	1
Всего	чел.	93	9	16	20	48	14	30	49	75	15	3
	%%	100	9,8	17,2	21,5	51,5	15,05	32,25	52,7	80,6	16,1	3,3

Составлено по: ГАВО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 8. Л. 7-7об; Ф.165. Оп. 1. Д. 189. Л. 93.

Сведения о практическом стаже преподавателей Череповецкой губернии за 1924 г.

Стаж, лет	Белозерский уезд	Кирилловский уезд	Тихвинский уезд	Устюженский уезд	Череповецкий уезд
< 3	21	55	84	71	69
3-5	25	23	10	36	62
6-10	66	36	29	49	109
11-15	41	24	33	29	49
16-25	41	20	34	23	39
>25	12	8	17	6	7
Всего	209	146	204	214	336

Составлено по: Отчет Череповецкого губернского исполнительного комитета XIII-го созыва.
Череповец, 1925. С. 241.

Распределение преподавателей Череповецкой губернии в 1924 г. по квалификации

Образова ние	Место работы (уезд)					Всего по группе, чел.
	Белозерский	Кирилловский	Тихвинский	Устюженский	Череповец кий	
Среднее	175	76	133	169	215	770
Высшее	12	70	72	43	118	315
Спец.пед. высшее	8	-	-	-	-	8
Спец.пед. среднее	9	-	-	-	-	9
Высшее общее	5	-	-	2	3	10
Всего, чел.	209	146	205	214	336	1112

Составлено по: Отчет Череповецкого губернского исполнительного комитета XIII-го созыва.
Череповец, 1925. С. 241.